

РОДОВЫЯ ПРОЗВАНІЯ
И
ТИТУЛЫ ВЪ РОССІИ
И
СЛІЯНІЕ ИНОЗЕМЦЕВЪ СЪ РУССКИМИ

Е. П. КАРНОВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1886

I.

Едва ли въ какомъ нибудь европейскомъ государствѣ родовыя или фамильныя прозванія представляютъ такое разнообразіе и въ отношеніи словъ, отъ которыхъ они произведены, и въ отношеніи ихъ окончаній, какое представляютъ они въ русскомъ государствѣ, вслѣдствіе разноплеменнаго его состава. Въ этомъ отношеніи Россійская имперія очень близко подходитъ къ Австрійской, гдѣ тоже, вслѣдствіе разноплеменности населенія, встрѣчаются самыя разнообразныя фамильныя прозванія: нѣмецкія, венгерскія, чешскія, руссинскія, польскія, итальянскія, сербскія, хорватскія и т. д.

Подобное разнообразіе этихъ прозваній ослабѣваетъ въ государствахъ чисто-германскихъ, а также въ Италіи и во Франціи, гдѣ почти ка-

ждое родовое прозваніе оказывается заимствованнымъ изъ языка господствующей народности, съ усвоеніемъ свойственныхъ ему окончаній и слогуудареній. Въ другихъ же небольшихъ государствахъ, — за исключеніемъ королевства Бельгійскаго и Швейцарской республики, — какъ, на примѣръ, въ Швеціи, Норвегіи, Голландіи и Даніи, послѣ утраты ею нѣмецкихъ герцогствъ, — разнообразіе фамильныхъ прозваній, какъ проявленіе отдѣльныхъ народностей, совершенно исчезаетъ. Что же касается Бельгіи, то тамъ, вслѣдствіе смѣшенія двухъ національностей, фламандской и французской, племенная разница слишкомъ отражается на родовыхъ прозваніяхъ ея обитателей. То же слѣдуетъ сказать и о Швейцаріи, гдѣ французскія и нѣмецкія прозванія смѣшаны съ итальянскими, сообразно распредѣленію національностей по кантонамъ.

Въ Англіи, подъ вліяніемъ двойственнаго состава господствующаго тамъ языка, заимствованныя изъ него фамиліи сохраняютъ отпечатокъ племеннаго смѣшенія, но, тѣмъ не менѣе, онѣ являются «англійскими», и ихъ очень легко

отличить отъ фамильныхъ прозваній, употребляемыхъ не только ирландцами, но даже и ближайшими сосѣдями англичанъ — шотландцами.

Хотя въ Испаніи въ фамильныя прозванія и попало не мало арабскихъ словъ, но, тѣмъ не менѣе, такія прозванія сдѣлались исключительно испанскими, такъ какъ сходныхъ съ ними не встрѣчается въ другихъ странахъ Европы, за исключеніемъ развѣ Португаліи, гдѣ въ этомъ отношеніи проглядываетъ ея племенное сродство съ Испаніею. Въ Испаніи, впрочемъ, встрѣчается одна особенность: тамъ обыкновенно къ фамиліи отца прибавляется еще фамилія матери, бабушки и даже, по какому нибудь особому случаю, и болѣе отдаленной прародительницы. Относительно Греціи должно замѣтить, что въ ней хотя и существуетъ множество фамильныхъ прозваній, заимствованныхъ изъ древняго греческаго языка, съ окончаніями, свойственными ново-греческому языку, но что на-ряду съ ними является не мало прозваній, которыя звучатъ очень сходно съ фамиліями итальянскими. Прибавленіе вначалѣ къ греческимъ прозваніямъ

слова «папа» означаетъ происхожденіе рода отъ лица духовнаго званія, на примѣръ: Папаафанасопуло, Папаригопуло. О фамильныхъ прозваніяхъ, установившихся у славянъ, мы скажемъ особо, въ связи съ происхожденіемъ русскихъ родовыхъ прозваній.

У евреевъ, да и вообще на Востокѣ, родовыя прозванія не въ большомъ употребленіи. Въ Японіи существуютъ наследственныя фамильныя прозванія, заимствованныя отъ названій мѣстностей, одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ и отвлеченныхъ понятій; при этомъ къ родовому прозванію, заимствованному отъ мѣстности, въ отличіе отъ этой послѣдней, прибавляется окончаніе «до», что до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ русскимъ окончаніямъ на «ичъ» «инъ» и «ецъ», на примѣръ: псковичъ, калужанинъ, пошехонецъ. О фамильныхъ прозваніяхъ у китайцевъ намъ не привелось встрѣтить никакихъ свѣдѣній.

Замѣтимъ при этомъ, что ни въ западно-европейской литературѣ, ни въ нашей нѣтъ особаго изслѣдованія о фамильныхъ прозваніяхъ, и потому намъ при составленіи пастоя-

щей статьи могли служить только отрывочныя замѣтки, заимствованныя нами разновременно изъ историческихъ и этнографическихъ сочиненій.

Говоря выше о фамильныхъ прозваніяхъ въ Россіи, мы употребили слова: государство и имперія, такъ какъ при этомъ подразумѣвали не господствующій въ ней племенной составъ, но только политическую совокупность ея разноплеменныхъ областей. Если же затѣмъ принять въ соображеніе племенное или областное распределеніе Россіи, то упомянутое крайнее разнообразіе, — точно такъ же, какъ и въ австрійской имперіи, — не будетъ уже такъ рѣзко, потому что въ Россіи окажутся громадныя пространства, на которыхъ, вслѣдствіе сплошнаго населенія одной какой либо народности, установилось чрезвычайное однообразіе въ фамильныхъ прозваніяхъ, свойственныхъ болѣе или менѣе исключительно лишь той или другой мѣстности. Такъ, въ одной полосѣ Россіи господствуютъ великорусскія фамильныя прозванія, въ другой — малорусскія, въ третьей — польскія, въ четвертой — литовскія, въ пятой —

татарскія, въ шестой — грузинскія и т. д., такъ что родовыя прозванія, встрѣчающіяся тамъ и не подходящія къ той или другой преобладающей народности, свидѣтельствуютъ собственно о томъ, что лица, ихъ носящія, не принадлежатъ, по ихъ происхожденію, къ коренному туземному населенію. Если въ великорусскихъ губерніяхъ какой нибудь Шмидтъ, Кауфманъ, Шварцъ, Миллеръ и могутъ считаться, вслѣдствіе ихъ полнаго обрусѣнія, русскими, то все же по отношенію къ кореннымъ жителямъ — Ивановымъ, Парфеновымъ, Кузнецовымъ они должны, по своему происхожденію, считаться чужаками. Точно такъ же эти послѣдніе, въ свою очередь, будутъ считаться чужаками по происхожденію среди Гогенгаузеновъ, Штернберговъ, Офенталей и т. д., хотя бы они и онѣмечились вполнѣ. Вообще же фамильная исключительность изъ господствующей народности бываетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сплошно и исконно живутъ представители такого племени, у котораго родовыя прозванія заимствованы изъ мѣстнаго языка съ свойственными ему въ этомъ случаѣ окончаніями и слогуудареніями, и чѣмъ

болѣе бываетъ обособлено какое либо племя отъ другого, тѣмъ болѣе чувствуется неподходимость среди него иноземныхъ родовыхъ прозваній. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ такъ называемая нынѣ «интеллигенція», особенно въ Россіи, представляетъ замѣтныя уклоненія отъ этого общаго правила, на что мы и укажемъ впоследствии.

II.

Въ виду того разнообразія, какое оказывается и въ производствѣ, и въ окончаніяхъ фамильныхъ прозваній, встрѣчаемыхъ среди русскаго дворянства и нашей интеллигенціи вообще, — прозваній, указывающихъ очень часто на иноплеменность представителей этихъ частей населенія, нужно, прежде всего, спросить: кого слѣдуетъ считать русскимъ человѣкомъ? Кажется, что въ этомъ случаѣ, помимо всякаго вопроса о фамильномъ прозваніи, языкѣ и вѣрѣ, слѣдуетъ прежде всего принимать въ соображеніе ближайшее кровное родство каждаго. Какого бы чуждаго русскимъ людямъ происхо-

жденія ни былъ человекъ, удерживающій по мужскому колѣну свою чужестранную фамилію, но если его мать, бабушка, прабабушка и такъ далѣе были коренныя русскія, то и онъ несомнѣнно долженъ считаться вполне русскимъ по своей породѣ. При этомъ условіи потомокъ каждаго иноземца будетъ все болѣе и болѣе отдаляться отъ своихъ прежнихъ родичей по предкамъ, и если онъ современемъ не будетъ уже имѣть въ своемъ близкомъ родствѣ, по тѣмъ колѣнамъ, отъ которыхъ онъ происходитъ, никого изъ иноплеменныхъ, и если, такимъ образомъ, всѣ прежнія его родственныя связи съ представителями не-русскаго племени будутъ порваны и онъ станетъ для нихъ чужимъ человекомъ, — то можетъ считаться вполне русскимъ. Въ фамильномъ его прозваніи будетъ сохраняться только память о принадлежности его по родоначальнику къ чужой національности. При такихъ условіяхъ онъ часто можетъ быть болѣе родовитымъ русскимъ, нежели человекъ, хотя бы носящій самое коренное русское прозвище, тѣмъ болѣе, что среди людей съ такими прозвищами, какъ мы увидимъ это далѣе, могутъ встрѣчаться такіе,

которые, по своему происхожденію, даже вовсе не принадлежатъ къ русскому племени ни по мужскому, ни по женскому колѣнамъ. Вообще даже самое употребительное среди какой либо національности родовое прозваніе не можетъ само по себѣ свидѣтельствовать о принадлежности къ ней лица, носящаго такое прозваніе. Напримѣръ, въ Восточной Пруссіи очень многія коренныя мѣстныя фамиліи оканчиваются на «овъ», какъ-то: Застровъ, Бюловъ, Базедовъ, Крассовъ и многія другія, но лица, носящія эти, повидимому, великорусскія фамиліи, рѣшительно никакого отношенія къ Россіи не имѣютъ.

Обрусѣвшихъ вполне указаннымъ выше способомъ людей, но сохранившихъ свои чужеземныя родовыя прозванія, встрѣчается теперь у насъ очень много среди всѣхъ сословій. Встрѣчалось ихъ не мало и въ старину, но тогда они были менѣе замѣтны, такъ какъ иноземныя родовыя прозвища или замѣнялись чисто - русскими, или переименовывались на русскій ладъ до такой степени, что прозвища эти становились неузнаваемыми и очень часто утрачивали

совершенно ихъ первоначальный иноземный отпечатокъ. Въ одной изъ далѣе слѣдующихъ статей, подъ заглавіемъ: «О сліяніи русскихъ съ иноземцами», я уже указалъ на то, что большая часть знаменитыхъ нашихъ дѣятелей происходили отъ чужеземныхъ выходцевъ, потомство которыхъ впоследствии совершенно обрусѣло и даже прикрылось чисто-русскими родовыми прозвищами. Поэтому въ настоящей моей статьѣ я не буду вовсе ссылаться на другія мои указанія, но приведу новыя и притомъ такія, которыя должны имѣть общее значеніе, а не касаться тѣхъ частныхъ, которымъ было посвящено упомянутое выше изслѣдованіе.

III.

Ознакомленіе съ происхожденіемъ родовыхъ прозваній имѣетъ не только относительную важность въ исторіи страны вообще, но указываетъ очень часто на политическое ея развитіе въ ту или другую пору, а также на бытовыя черты и нравственныя понятія, господствовавшія среди того или другого народа.

Введеніе у какого нибудь народа фамильныхъ или родовыхъ прозваній свидѣтельствуесть прежде всего о водвореніи среди него гражданственности. Это одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ ея признаковъ. Въ простомъ, несложномъ быту не встрѣчается необходимости въ такомъ способѣ опредѣленія каждой личности по его роду. Тамъ довольствуются только прозваніемъ, кому либо лично присвоеннымъ, безъ наслѣдственнаго перехода родового прозвища. Въ той средѣ, гдѣ нѣтъ у человѣка особыхъ наслѣдственныхъ правъ, гражданскихъ или имущественныхъ, онъ можетъ прожить весь свой вѣкъ подъ однимъ лишь личнымъ своимъ именемъ или особымъ прозваніемъ. При совершенно-простой бытовой обстановкѣ, гдѣ не существуетъ вовсе наслѣдственно-сословныхъ раздѣленій, человѣку не предстоитъ никакой надобности знать не только имена своихъ предковъ, но даже и имя своего отца, потому что этимъ не обусловливаются ни общественное его положеніе, ни его имущественныя права. Справедливость высказаннаго замѣчанія подтверждается у насъ въ Россіи двумя слѣдующими примѣрами. Такъ, въ прежнее время все

наше крестьянство, поголовно безправное и за-
крѣпощенное или казнѣ, или частнымъ лицамъ,
не употребляло вовсе родовыхъ прозваній, до-
вольствуясь только крестными именами и лич-
ными прозвищами. Между тѣмъ, среди горо-
жанъ, пользовавшихся все-таки кое-какими
правами и встрѣчавшихъ надобность въ раз-
ныхъ сдѣлкахъ по родовому имуществу, нача-
ли устанавливаться родовыя прозванія. Въ боль-
шемъ сравнительно съ этимъ употребленіи бы-
ли такія прозванія среди нашего купечества,
именно велѣдствіе болѣе широкихъ его правъ,
сравнительно съ правами мѣщанъ, а у боярства
они почти уже три столѣтія тому назадъ уста-
новились окончательно, преимущественно въ си-
лу мѣстничества, опиравагося на родовыя за-
слуги. То же самое явилось необходимымъ для
служилыхъ людей вообще, владѣвшихъ вотчи-
нами на наслѣдственномъ правѣ, такъ какъ
сбивчивость и неясность родовыхъ прозваній не-
избѣжно должны были затруднять переходъ на-
слѣдственной поземельной собственности отъ
одного лица или одного поколѣнія къ другому.
Далѣе мы увидимъ, что когда вотчинно-наслѣд-

ственное право окончательно установилось и расширилось, то московскіе служилые люди, или тогдашнее русское дворянство замѣтно стало заботиться о томъ, чтобы на сколько возможно съ большею точностію опредѣлить свои родственныя связи общимъ родовымъ прозваніемъ, съ тѣмъ чтобы заранѣе упрочить свои наследственные права, а въ то же время оказывались у нихъ противники, отвергавшіе ихъ притязанія на общее родовое прозваніе, какъ это было, на примѣръ, въ дѣлѣ Самариныхъ съ Квашниными. Въ этомъ дѣлѣ явно было замѣтно желаніе отстранить такихъ родичей, которые, рано или поздно, могли быть соучастниками въ раздѣлѣ вотчиннаго наследства. Въ православномъ духовенствѣ фамиліныя прозванія начали устанавливаться не въ давнее время, такъ какъ оно представляло отдѣльное сословіе и состояло на особомъ положеніи относительно имущества.

Примѣнительно къ приведенному нами замѣчанію насчетъ крестьянъ, можно сдѣлать подобное же замѣчаніе и относительно еврейскаго населенія какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Пока евреи не пользовались въ той

или другой странѣ никакими гражданскими правами, среди нихъ очень рѣдко могли встрѣтиться такіе случаи, въ которыхъ необходимо было прибѣгать къ указаніямъ на фамиліныя прозвища, и только въ недавнее время эти послѣднія начали устанавливаться между ними окончательно, именно подъ вліяніемъ ихъ гражданского положенія и признанія за ними наследственныхъ имущественныхъ правъ. При этомъ надобно замѣтить, что только законодательство положило конецъ произвольнымъ переменамъ родовыхъ прозваній среди еврейскаго населенія въ Россіи.

IV.

Родовыя прозванія были въ употребленіи у древнихъ грековъ и римлянъ, достигшихъ уже извѣстной гражданственности, но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ они не считались безусловною принадлежностью каждаго лица или рода и, по видимому, главнымъ образомъ, служили только признакомъ знатнаго аристократическаго или патриціанскаго происхожденія, такъ что въ упо-

требленіи такихъ прозваній скорѣе выражалось тщеславіе или гордость наслѣдственнымъ именемъ, нежели его необходимость въ какихъ либо общественныхъ сношеніяхъ, гражданскихъ дѣлахъ и имущественныхъ сдѣлкахъ; у грековъ это означалось прибавленіемъ къ имени родоначальника окончанія «идъ», на примѣръ: Гераклидъ, Пизистратидъ и такое окончаніе соотвѣтствуетъ славянскому «ичъ». У римлянъ, кромѣ общаго родового прозванія (nomen gentilitate), оканчивавшагося всегда на «ius», какъ-то Iulius, Tullius, встрѣчаются особыя названія (cognomina) той или другой отрасли одного рода, на примѣръ: Caesar, Cicero, Scipio. У нынѣшнихъ европейскихъ народовъ фамилныя прозванія стали являться по мѣрѣ развитія среди нихъ гражданственности, но чрезвычайно рѣдко упрочивались окончательно за тѣмъ или другимъ родомъ, мѣняясь обыкновенно въ нисходящихъ поколѣніяхъ, такъ что объ общемъ родоначаліи и родственныхъ, по мужскому колѣну, связяхъ свидѣтельствовали въ большей части случаевъ не фамилныя прозванія, но преданія, родословныя росписи; гербы и переходы земельныхъ вла-

дѣній по наследственному праву, по занятіямъ. Такія родовыя прозванія стали являться еще въ XII вѣкѣ и оканчивались у испанцевъ на «ez». Такое окончаніе имѣетъ тоже значеніе происхожденія отъ кого или откуда нибудь, какъ и значеніе славянскаго окончанія «ичь». Нѣкоторые европейскіе народы кельтскаго племени установили у себя особыя признаки для означенія родовыхъ прозваній. Такъ у шотландцевъ явилось слово «Макъ», а у ирландцевъ «О», и оба эти слова начали ставить передъ тѣмъ словомъ, которымъ означалось фамильное прозваніе, какъ на примѣръ: Макъ-Леллапъ, Макъ-Дональдъ, О'Рейлли, О'Доннелъ и т. д.; у нормановъ явилась прибавка «Фиць» передъ именемъ, обратившимся въ родовое прозваніе, на примѣръ: Фиць-Геральдъ, Фиць-Джемсъ. Замѣчательно, что во многихъ языкахъ, а между прочимъ, и у насъ, прибавка эта, передѣланная въ латинско-французское слово «vice», т. е. вице, стала употребляться для означенія связи одной должности съ другой, на примѣръ: вице-гоі, вице-президентъ и т. д.

У другихъ европейскихъ народовъ главнымъ

признакомъ родовыхъ прозваній, — правда, не безъ частныхъ исключеній, — сдѣлались окончанія, преимущественно означающія происхожденіе отъ отца, дѣда, прадѣда и т. д.; особенно это стало замѣтно среди славянскихъ племенъ, а между прочимъ и у насъ, русскихъ.

У великоруссовъ, прежде чѣмъ начали входить въ употребленіе фампльныя прозванія, долженствовавшія свидѣтельствовать о родovitости тѣхъ, кто ихъ носилъ, — гражданское или, точнѣе говоря, служебное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія къ верховнымъ правителямъ страны стали опредѣляться измѣненіемъ личныхъ именъ, данныхъ при крещеніи. Это видно изъ отписокъ служилыхъ людей къ государямъ. Такъ, въ отпискахъ великому князю Ивану III знатные люди писались полными именами: Василій, Алексѣй, Федоръ; менѣе знатные — полупименами: Васюкъ, Алексѣецъ, Федорецъ, а еще менѣе значительные люди или «людишки» — уипчижительными: Васька, Алешка, Федька, а при Иванѣ IV Грозномъ даже и знатныя лица, въ качествѣ царскихъ холоповъ, стали писаться не только уменьшительными, но

большею частью и уничижительными именами. Подобное измѣненіе происходило по мѣрѣ возрастанія власти великихъ князей московскихъ, и въ отношеніи издавна употреблявшихся на Руси отчествъ это измѣненіе болѣе всего повліяло, какъ мы увидимъ далѣе, на установленіе главнаго признака коренныхъ великорусскихъ прозвищъ.

V.

На феодальномъ Западѣ первыя родовыя прованія показались среди дворянства еще въ X вѣкѣ, но и тамъ они сперва не упрочивались за потомками тѣхъ, кто ихъ носилъ, или впервые, или наследственно. Названія эти заимствовались, въ силу склада тамошней политической жизни, преимущественно отъ названій тѣхъ наследственныхъ или пожалованныхъ помѣстій, которыми владѣлъ родоначальникъ, и измѣнялись по временамъ въ той или другой отрасли его потомства въ зависимости отъ названія новыхъ помѣстій, прибрѣтаемыхъ позднѣйшими членами этихъ отраслей, или вслѣдствіе пожа-

лованія какихъ либо почетныхъ дворянскихъ титуловъ. Такъ, напримѣръ, знаменитая французская фамилія Монморанси раздѣлилась на многія отрасли подъ особыми родовыми прозваніями: де-Невилль, де-Горнъ, де-Фоссе, де-Лоренъ, де-Бутвилль, де-Монлери и т. д.

То же самое представлялось въ Германіи, Италиі, Англии. Замѣчательно, напримѣръ, что въ Англии переселившаяся туда, до занятія ими въ исходѣ XIII столѣтія императорско-германскаго престола, отрасль знаменитыхъ Габсбурговъ, давшихъ Германіи длинный рядъ императоровъ, носитъ скромное прозваніе Фильдинговъ.

Въ Польшѣ, гдѣ подъ вліяніемъ Запада привились, хотя и слабо, феодальныя понятія, фамильныя прозванія заимствовались первоначально, — какъ это было и на Руси, — отъ личныхъ прозвищъ отца, дѣда или кого нибудь изъ предковъ, но потомъ стали заимствоваться и отъ имени земельныхъ владѣній: городовъ, мѣстечекъ, сель, деревень и рѣкъ. Первоначально къ такимъ позаимствованіямъ, примѣнительно къ французской дворянской, собственно даже

латинской частичкѣ «de», а также нѣмецкой— «von», присоединялась частичка «z», т. е. «изъ», или «на», на примѣръ: «z Myszkowa», «na Czetwertnie», но современемъ эти отдѣльныя частички стали замѣняться вообще окончаніемъ на «ski», и тогда составились фамилныя прозванія: Мышковскій, Четвертинскій и т. д. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ стоявшій прежде отдѣльно предлогъ «z» слился съ родовымъ прозваніемъ: на примѣръ, прозваніе «z Bogowa», т. е. изъ Борова, обратилось въ Зборовскій.

Принадлежностью польскихъ дворянскихъ фамилій, значительная часть которыхъ состоитъ нынѣ въ русскомъ подданствѣ, явилась особая къ нимъ прибавка, такъ называемый «rzgodnek», не усвоенная ни однимъ европейскимъ народомъ. Для объясненія этого надобно сказать слѣдующее: въ Польшѣ не существовало, — какъ существовало на Западѣ и какъ, въ подражаніе ему, было заведено и у насъ, — отдѣльныхъ фамилныхъ гербовъ. Во всей польской геральдикѣ было всего сотни три дворянскихъ гербовъ, да и то бѣльшею частью занесенныхъ

изъ-чужа: изъ Германіи, Венгріи, Чехіи, Даніи, Итали и другихъ странъ. Каждый гербъ имѣлъ особое названіе, не заключающее иногда въ себѣ никакого значенія и не соотвѣтствовавшее очепь часто геральдическимъ изображеніямъ, внесеннымъ въ гербъ. Такъ, напримѣръ, были гербы: Абданкъ, Лелива, Елита, Наленчъ, Порай, Слѣповронъ, Корыбутъ и проч. Такіе гербы служили какъ бы знаменами особыхъ воинскихъ отрядовъ и шляхетскихъ братствъ, и каждый новый шляхтичъ, родомъ полякъ или переселившийся въ Польшу иностранецъ, если оный получалъ тамъ «индегнать», т. е. право гражданства, приписывался къ одному изъ существовавшихъ въ Польшѣ гербовъ, причемъ названіе герба обращалось въ «rzydomtek», какъ бы въ придаточную фамилію шляхтича, какъ, напримѣръ: Наленчъ-Рачинскій, Елита-Михайловскій, Бончъ-Осмоловскій и т. д. Въ числѣ упомянутыхъ существовавшихъ когда-то въ Польшѣ гербовъ былъ одинъ, называвшійся «Князь». Слово «kniaz» не существовало въ польскомъ языкѣ, а потому оно и не могло имѣть того значенія, какое имѣло у насъ. Между тѣмъ,

къ гербу «Князь» приписалось нѣсколько неважныхъ и даже вовсе не старинныхъ шляхетскихъ родовъ, въ числѣ которыхъ явился на Волыни шляхетскій родъ Пожарскихъ, столь многочисленный, что составилъ изъ себя особый деревенскій поселокъ. Когда Волынь была присоединена къ Россіи, то простые шляхтичи Пожарскіе, узнавъ, какое значеніе имѣетъ въ русскомъ языкѣ слово «князь», да, вдобавокъ къ тому, провѣдавъ объ оставленной въ русскихъ лѣтописяхъ княземъ Пожарскимъ громкой славѣ, стали вполнѣ законно писать и свой «przodomek», и свою фамилію, и тогда явилось на Волыни множество «князей» Пожарскихъ, собственно Князь-Пожарскихъ. Съ своей стороны, наши мало-свѣдущіе или даже вовсе не свѣдущіе въ польской геральдикѣ чиновники разныхъ вѣдомствъ сдѣлали изъ прозванія герба титулъ, а нѣкоторые описатели Волыни изъ русскихъ приняла этихъ шляхтичей за потомковъ русскихъ князей Пожарскихъ, родичей знаменитаго князя Дмитрія Михайловича, родъ котораго вымеръ въ Россіи, но будто бы продолжается еще на Волыни, въ потомствѣ вышедшаго

когда-то туда изъ Москвы одного изъ князей Пожарскихъ. Къ такимъ мнимымъ князьямъ, и только по названію герба, принадлежатъ разные безвѣстные шляхтичи: Жагели, Гинглаты, Кречинскіе и многіе другіе.

Въ противоположность этому встрѣчаются случаи, гдѣ титулы обращаются въ фамиліальныя прозванія. Такъ, въ Польшѣ существуетъ старинный родъ Зеновичей, сербскаго происхожденія, и одна изъ его отраслей носитъ въ Россіи фамилію Зиновьевыхъ. Къ фамиліальному прозванію Зеновичей, какъ дополнительное прозваніе, прибавляется слово «Деспоть», тогда какъ прибавка эта составляетъ собственно титулъ, заимствованный изъ греческаго языка и означающій «господарь». Другой примѣръ: въ Даніи существовала нѣкогда особая дворянско-земская должность, и лица, наследственно исполнявшія ее, носили названіе «дрость»; въ послѣдствіи оно обратилось въ фамиліальное прозваніе, почему въ Даніи встрѣчается не мало фамилій, предъ которыми ставится отдѣльно или сливается слово «Дрость», какъ фамиліальное прозваніе. У насъ тоже встрѣчается одинъ примѣръ обращенія ти-

тула въ фамильное прозваніе. Такъ, князья Юсуповы писались прежде Юсуповы-Княжево, безъ прибавленія княжескаго титула.

Въ другую славянскую землю, Чехію или Богемію, проникли тоже феодальныя понятія отъ нѣмцевъ-сосѣдей. У чеховъ не было сперва никакихъ родовыхъ прозваній, а были только личныя, которыя въ иныхъ случаяхъ, переходя отъ отца къ сыну, а затѣмъ къ внуку и правнуку, обращались въ фамильныя прозванія. Но современемъ въ Чехіи и особенно въ Силезіи, а также и въ Моравіи стали прибавлять къ прежнимъ личнымъ прозваніямъ прозванія, заимствованныя иногда и отъ мѣстностей, съ прибавленіемъ окончанія «вичъ» или «ичъ», означавшаго происхожденіе или по крови, или по мѣсту рожденія и обратившагося въ послѣдствіи и для обозначенія владѣнія какимъ либо наслѣдственнымъ помѣстьемъ. Такъ, на примѣръ, въ Силезіи владѣлецъ Митрова назывался Митровичъ, но когда онъ выстроилъ новый замокъ и назвалъ его по своей фамиліи Митровичъ, то къ этой прежней фамиліи прибавилась еще новая, съ окончаніемъ на «ски», и затѣмъ стали называться какъ онъ, такъ и

его потомки Митровичами-Митровскими. Подобнымъ измѣненіямъ подвергались и нѣмецкія, и итальянскія фамиліи. Такъ, напимѣръ, фамилія Стошъ, обратилась въ Стошовичъ и въ Стошовскій; фамилія Villa-Nuova — сперва въ Виланова, потомъ въ Вилановичъ, а затѣмъ къ ней прибавилось еще прозваніе Вилановскій. То же было и съ другою итальянскою фамиліею Casa-Nuova, изъ которой сдѣлалась Казановичъ-Казановскій. Оттого-то въ Силезіи, Моравіи и въ тѣхъ частяхъ Саксоніи, гдѣ когда-то жили онѣмечившіеся нынѣ славяне, попадается множество городковъ, замковъ, деревень и урочищъ съ окончаніемъ на «ичъ», или въ нѣмецкой передѣлкѣ на «ицъ», но отсутствію въ нѣмецкомъ языкѣ звука, соотвѣтствующаго буквѣ «ч». У насъ не только въ западной и южной Руси, но и въ примосковскихъ губерніяхъ встрѣчаются населенныя мѣстности съ названіемъ, кончающимся на «чи»; ясно, что такія названія имѣютъ значеніе родовыхъ прозваній. Такія коренныя русскія окончанія измѣнились на «во», какъ, напр., въ Орловской губерніи въ недавнее время стали называть село Дятковичи—Дятково. Въ этомъ

увидѣли своего рода обрусѣніе, не сообразивъ, что прежнее народное прозваніе было замѣнено прозваніемъ, даннымъ по образцамъ московскихъ приказовъ, въ противность народному говору.

VI.

У другихъ славянскихъ племенъ, не затронутыхъ феодализмомъ, фамиліи образовались двоякимъ образомъ: или въ видѣ простыхъ личныхъ прозваній, переходившихъ наследственно отъ одного поколѣнія къ другому, безъ всякаго измѣненія, или съ прибавкою къ нимъ окончанія «ичъ», употребляемаго въ смыслѣ полного русскаго отчества. Оттого у сербовъ, хорватовъ, иллирійцевъ, черногорцевъ, словаковъ встрѣчается такое множество фамильныхъ прозваній съ упомянутымъ окончаніемъ.

На Руси, совершенно чуждой феодальной закваски, фамильныя прозванія по владѣніямъ вовсе не употреблялись. Замѣчательно, что даже удѣльные князья не титуловали себя по своимъ княженіямъ. Не встрѣчается, напримѣръ, ни одной такой записи изъ удѣльной поры, въ

которой значилось бы: «я, князь (имя-рекъ) Переяславскій», или: «я, князь (имя рекъ) Ростовскій». Это объясняется, конечно, тѣмъ, что удѣльные князья, въ силу родоваго старѣйшинства, переходили безпрестанно съ одного удѣла на другой и потому не могли утверждать за собою названія княженій и волостей и тѣмъ еще менѣе могли усвоить такое названіе за своими сыновьями и потомками. Такія названія, да и то въ весьма немногихъ случаяхъ, установились, какъ мы увидимъ далѣе, лишь по уничтоженіи удѣльной системы, т. е. когда уже не было никакихъ передвиженій владѣтелей по существовавшимъ прежде удѣльнымъ княженіямъ. Укажемъ при этомъ еще и на то, что изъ русскихъ дворянскихъ фамилій, внесенныхъ въ «Бархатную книгу», т. е. фамилій, принадлежавшихъ къ старѣйшему русскому дворянству, нѣтъ ни одной, которая происходила бы отъ названія вотчины или помѣстья. Нѣкоторые наши историки заявляли, будто въ Россіи существовала когда-то феодальная система, но указанный нами фактъ лучше всего свидѣтельствуетъ, что ея на Руси никогда не было, такъ

какъ первымъ ея признакомъ служитъ существованіе древняго дворянства, получившаго свои фамильныя прозванія по поземельнымъ владѣніямъ.

Изъ инородческо - княжескихъ фамилій въ Россіи прозваніе по мѣстностямъ (да и то большею частью въ значеніи той мѣстности, изъ которой они вышли въ Россію, но не дѣйстви- тельнаго ихъ владѣнія) удержали также немно- гія фамиліи, какъ-то: Черкасскіе, называвшіеся прежде Жеженскими, вѣроятно, Чеченскими, а также роды князей Мещерскихъ, Несвицкихъ, Сибирскихъ, Тюменскихъ, Пелымскихъ и Ши- ринскихъ. Первоначально князья Дондуковы назывались Торгоутскими. Другіе княжеско- инородческіе роды приняли фамиліи по прозви- щамъ или по именамъ кого-либо изъ предковъ, какъ, напримѣръ, Урусовы, Юсуповы, Шейдя- ковы, Шихматовы и т. д.

Впослѣдствіи, при утвржденіи московскаго единоподержавія, сліяніе фамильнаго прозванія съ названіемъ поземельной собственности до такой степени было чуждо понятіямъ русскаго дворянства, что у насъ вовсе не установилось

предоставленное жалованною, въ 1785 году, дворянству грамотою право—писаться дворянамъ, сверхъ ихъ фамилій, еще и названіемъ по вотчинамъ и помѣстьямъ, тогда какъ подобнымъ правомъ постоянно пользовалось все западно-феодалное дворянство и даже чрезвычайно дорожило имъ. Такъ поступало дворянство во Франціи до послѣднихъ дней своего существованія. Да и потомъ тамъ дорожили такимъ заявленіемъ своего помѣстно-дворянскаго права, не говоря уже о поддѣлкахъ посредствомъ прибавки частицы «de», иногда къ самымъ простонароднымъ прозваніямъ, тогда какъ эта частица должна, собственно, обозначать владѣльческое право на извѣстную мѣстность.

Въ до-московской Руси обращеніе собственнаго имени или личнаго прозванія въ родовое обыкновенно совершалось придачею къ первому окончанія «ичъ». Этимъ окончаніемъ обозначались въ лѣтописяхъ цѣлые княжескіе роды: Ольговичи или Олеговичи, Ростиславичи, Мстиславичи, Изяславичи, Рюгволодовичи. Такимъ же окончаніемъ обозначались и родовыя прозвища русскихъ богатырей: Волговичъ, Поповичъ, Чу-

риловичъ, Пленковичъ, а также бояръ, напри-
мѣръ: Кучковичи, Яруновичи, и вообще имени-
тыхъ людей: Бутовичъ, Вышатичъ, Твердигнѣ-
вичъ, Сельковичъ.

Такое окончаніе родовыхъ прозвищъ удержа-
лось и до-днесь среди кореннаго русскаго на-
рода, гдѣ названіе кого нибудь, хотя бы безъ
крестнаго имени, но только по отчеству съ
«вичомъ», т. е. Семенычемъ, Трофимычемъ,
Назарычемъ, служитъ знакомъ уваженія и по-
чета. Но Москва извела мало-по-малу этотъ
общій славяно-русскій обычай. Москва, через-
чуръ любившая умаленіе, выразила это стре-
мленіе и въ умаленіи какъ крестныхъ именъ
подвластныхъ ей людей, такъ и родовыхъ ихъ
прозваній. И усѣченіе отчества было напра-
влено къ приниженію одной личности передъ
другою, считавшеюся «преимущей». Скажи-
те, напримѣръ: Зуболомовъ или Кособрюховъ,
и передъ вами предстанутъ, прежде всего,
образы современныхъ богатырей изъ москов-
скаго Охотнаго ряда. Но скажите: Зуболомичъ
или Кособрюховичъ, и передъ вами промелькнутъ
облики древнихъ богатырей Земли Русской.

Русское ухо, чуткое къ отзвукамъ родного языка и къ отголоскамъ отечественной исторіи, несомнѣнно почувствуетъ сразу рѣзкую разницу между русско-историческимъ прозваніемъ «Мономаховичъ» и московско-приказнымъ прозвищемъ «Мономаховъ», которое является, такъ сказать, окруженнымъ славянскимъ именова-ніемъ. Извѣстно также, что въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ, былинахъ и сказкахъ нѣкоторыя рѣки, какъ, напр., Донъ и Дунай имѣютъ отчества: первый—Ивановичъ, а второй—Селивановичъ, но назовите ихъ по-московски Донъ Ивановъ или Дунай Селивановъ, и отъ ихъ дополнительныхъ прозваній отшатнется вся поэзія: они покажутся только или служивыми, или мѣщанами.

VII.

Мы уже замѣтили, какъ крестныя имена стали принимать уменьшительную, а затѣмъ и уничижительную форму передъ лицомъ великихъ князей московскихъ; послѣднее распространилось также и на отчества, а вслѣдствіе этого и на родовыя прозванія.

Во время господства Москвы явились, вмѣсто Петра и Аѳанасья,—Петрушка и Аѳонька, а вмѣсто Глѣбовичъ и Васильевичъ—Глѣбовъ и Васильевъ.

Употребленіе личныхъ, а затѣмъ и родовыхъ прозваній въ уменьшительной формѣ встрѣчается часто у народовъ славянскаго происхожденія, въ особенности у чеховъ, но тамъ такіа прозванія имѣютъ исключительно ласкательный смыслъ. На Руси родовыя прозванія, въ видѣ полнаго отчества на «ичъ», были, какъ замѣчено выше, выраженіемъ уваженія и почета, но подъ вліяніемъ московскаго духа начали придавать отчеству уменьшительную или собственно уничижительную форму усѣчкою отъ полнаго отчества окончанія «ичъ».

Это доказывается тѣмъ, что сами великіе князья продолжали, попрежнему, «вичить» и самихъ себя, и своихъ сродниковъ, а также «вичили» и тѣхъ лицъ, которыя пользовались ихъ особенною милостью. Холопы «вичили» постоянно своихъ господъ, а простые люди—знатныхъ особъ. Мало того, въ московскихъ отпискахъ «вичъ» прибавлялся въ знакъ почета къ такимъ

иноземнымъ фамиліямъ, которыя собственно не имѣли такого окончанія. Такъ, напр., знаменитыя литовскія фамиліи Радзивиль, Сапѣга, Довгердъ писали въ Москвѣ: Радзивиловичи, Сапѣжичи, Довгердовичи, такъ какъ съ представителями этихъ фамилій, по ихъ политическому положенію на ихъ родинѣ, приходилось обращаться почтительно и, выражаясь по-старинному, «не задирать ихъ». Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Москва могла дѣйствовать безъ опаски, она въ сокращеніи родовыхъ прозвищъ старалась выразить приниженіе подвластныхъ ей лицъ. Примѣры такого приниженія видны, между прочимъ, изъ того, что гетману Хмѣльницкому дѣлались не разъ изъ московскихъ приказовъ замѣчанія, что онъ «непристойно величается», прописывая въ ссылкахъ съ Москвою свое отчество съ «вичемъ» а малороссійскія фамиліи на «ичъ» подвергались тамъ, тоже въ видѣ умаленія личности, урѣзыванію. Такъ, въ московскихъ столбцахъ, въ исходѣ XVII вѣка, гетмана Самойловича писали только Самойловъ; другія малороссійскія фамиліи, на примѣръ: Мокрѣвичъ, Домонтовичъ, Якубовичъ, Михневичъ

обращались подъ перомъ московскихъ приказныхъ въ Мокріевъ, Домонтовъ, Якубовъ, Михневъ и т. д.

Старославянское окончаніе «ичъ» обратилось въ исходѣ XVI вѣка въ особую чрезвычайную награду, такъ какъ самъ государь указывалъ, кого слѣдуетъ писать съ «вичемъ». Первыя такого рода награды встрѣчаются со времени упроченія московскаго единовластія. Продолжались же онѣ и при царѣ Петрѣ, который въ 1697 году дозволилъ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову писаться съ «вичемъ», а въ 1700 году пожаловалъ такою же милостью и именитаго человека Григорія Строгонова.

Въ Великомъ Новгородѣ, до подчиненія его Москвѣ, удерживалась старинная славянская форма родовыхъ прозваній въ видѣ полного отчества, но Москва сокращала ихъ по своему, желая принизить «величавыхъ мужей» новгородскихъ. То же было и въ Псковѣ, гдѣ въ началѣ XVI столѣтія являлись, между прочимъ, слѣдующія боярскія фамиліи: Строиловичи, Казачковичи, Дойниковичи, Райгуловичи, Ледовичи и Люшковичи, обратившіяся подъ вліяніемъ

Москвы въ Строиловыхъ, Казачковыхъ, Дойниковыхъ, Райгуловыхъ, Ледовыхъ и Люшковыхъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины былъ составленъ списокъ тѣхъ весьма немногихъ, впрочемъ, лицъ, которыхъ въ правительственныхныхъ бумагахъ слѣдовало писать съ «вичемъ». Когда же при печатаніи «чиновной росписи» возникъ общій вопросъ, какъ въ этомъ случаѣ поступить съ отчествами, то въ отвѣтъ на это послѣдовало такое распоряженіе государыни: особъ первыхъ пяти классовъ писать полнымъ отчествомъ; лицъ отъ шестого до восьмого классовъ включительно—полуотчествомъ, а всѣхъ остальныхъ—безъ отчества, только по именамъ.

Обыкновенно фамиліныя окончанія на «евъ», «овъ» и «инъ» считаются у насъ признакомъ русской или, точнѣе говоря, великорусской народности. Это, однако, очень ошибочно уже потому, что такимъ же признакомъ отличаются всѣ цыганскія родовыя прозванія, большинство татарскихъ и весьма много еврейскихъ. Однако послѣ сказаннаго нами нельзя, какъ кажется,

не признать, что указанные окончанія, какъ установившіяся «административнымъ порядкомъ», не имѣютъ вовсе такого значенія, какое имъ обыкновенно придается, и что существующія съ этими окончаніями фамиліи сложились собственно по образцамъ, преподаннымъ московскими дьяками и приказами. Самъ же великорусскій народъ удержалъ, какъ мы замѣтили выше, донынѣ старинный обычай, и среди него ни одинъ простолюдинъ не окликнетъ и не назоветъ другаго ни Ивановымъ, ни Харитоновымъ, ни Пахомовымъ, а назоветъ его Иванычемъ, Харитонычемъ, Пахомычемъ, если только онъ не пожелаетъ принизить передъ собою въ зовѣ или въ разговорѣ того, къ кому онъ обращается. Народъ нашъ донынѣ сознаетъ истинный смыслъ старо-московской выдумки. Такъ, напримѣръ, по освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, они стали называть свою братію съ «вичемъ». Случалось такъ, что, напримѣръ, помѣщикъ, Петръ Петровичъ, стоя на крыльцѣ, зоветъ мужика: Иванъ Семеновъ! А крестьяне, подхватывая этотъ зовъ, измѣняютъ его такъ: «Ступай сюда, Иванъ Семенычъ! Петръ

Петровъ тебя зоветъ!» Ишь, конечно, было пріятно оплачивать «преимущественно» передъ ними чело-вѣку такимъ казеннымъ способомъ за свое преж-нее приниженіе.

VIII.

У насъ обыкновенно считаютъ фамиліи на «скій», «цкій» и «ичъ» польскими, но это оши-бочно. Во-первыхъ, есть множество коренныхъ русскихъ фамилій, и даже среди великорусскаго православнаго духовенства, оканчивающихся на «скій» и «цкій». Если же среди него не встрѣ-чается вовсе фамилій, оканчивающихся на «ичъ», то это происходитъ оттого, что фамиліи среди духовенства, производимыя отъ отчествъ или отъ разныхъ прозваній, замѣнявшихъ ихъ, упо-треблялись безъ «ичъ», только какъ полуотче-ство. Во-вторыхъ, у поляковъ нѣтъ вовсе фа-милій, оканчивающихся на «скій» или «цкій», а есть только фамиліи, оканчивающіяся, со-гласно общимъ свойствамъ ихъ языка, на «скі» или «скі», т. е. безъ «и» краткаго. Въ-третьихъ, наконецъ, русскія фамиліи, оканчивающіяся на «скій» или «цкій», пишутся такъ только въ

силу позднѣйшаго русскаго правописанія. Въ старое же время никогда, на примѣръ, не писалось: Одоевскій, Оболенскій, Волконскій, а писалось: Одоевской, Оболенской, Волконской. Такимъ образомъ, часто встрѣчающіяся одинаковыя, какъ у русскихъ, такъ и у поляковъ, родовыя прозванія слѣдовало бы писать различно. На примѣръ: Островской, Красовской, Краевской, Добровольской, Залѣской, Заблоцкой, Левицкой, — послѣднія двѣ фамиліи, если онѣ русскія, правильнѣе писать: Заблотской и Левитской, — будутъ фамиліи чисто-русскія; но тѣ же самыя фамиліи, написанныя: Островски, Красовски, Краевски, Добровольски, Залѣски, Заблоцки, Левицки, будутъ фамиліи чисто-польскія. Приведемъ еще въ примѣръ фамилію Шубинскій. Написанная такимъ образомъ она можетъ считаться и русской, и польской. Если же она только польская, то ее слѣдуетъ, согласно условіямъ польскаго произношенія, писать — Шубиньски; если же русская — Шубинской, а, наконецъ, для полнѣйшаго ея обрусѣнія можно перенести удареніе на первый слогъ и тогда выйдетъ Шубинской. То же самое можно ска-

зять и о фамилии Семевски, Семевскій и Семевской, Полонски, Полонскій и Полонской и о многих другихъ.

Въ настоящее время видимое обрусѣніе польскихъ фамилій производится чаще всего очень просто, а именно: обращеніемъ мягкой польской буквы «п», т. е. «нь», поставленной передъ окончаніемъ «скій», въ твердую. Напр., написанная такимъ образомъ извѣстная фамилія «Ogiński» произносится по-польски Огиньски; въ русскомъ же произношеніи она обращается въ Огинскій и можетъ явиться еще въ болѣе обрусѣломъ видѣ, если начать писать ее—Огинской. Съ своей стороны, и поляки ополячиваютъ русскія родовыя прозванія очень легко примѣненіемъ ихъ къ польскому выговору, вслѣдствіе чего иная, вполнѣ русская и даже православно-семинарская фамилія обращается въ чисто-польскую. Такъ, наиримѣръ, они пишутъ и выговариваютъ фамилію Введенской—Wiedenski—Веденьски, Воскресенской—Воскресеньски и т. д. Въ другихъ случаяхъ русская фамилія ополячивается лишь перенесеніемъ ударенія съ послѣдняго слога на предпослѣдній; такъ, рус-

ская фамилія Шаховской можетъ быть обращена въ чисто-польскую фамилію Шаховски.

Бываютъ иногда странныя совпаденія по случаю одинаковости между русскими и польскими фамиліями. Такъ, во время польскаго возстанія въ 1863 году, явились поляки-довудцы, напомнившіе извѣстныхъ представителей тогдашняго русскаго театра. Такими довудцами были: Островскій, Шумскій, Садовскій и Тарновскій. Вдобавокъ къ этому, у поляковъ есть въ настоящее время проживающій въ Парижѣ драматическій писатель Островскій. По настоящему же русскую фамилію Островскій, очень употребительную въ нашемъ духовенствѣ, должно писать и произносить — Островской, а не Островскій. У насъ такъ много кричатъ объ обрусѣніи, а, между тѣмъ, ополячиваютъ коренныхъ русскихъ людей по одному изъ главныхъ признаковъ — по родовымъ прозваніямъ, и можно сдѣлать не мало такихъ указаній, какія мы сдѣлали относительно прозванія Островскій.

Происходитъ также обрусѣніе польскихъ родовыхъ прозваній еще и вслѣдствіе измѣненія находящихся въ нихъ гласныхъ буквъ примѣ-

нительно къ русскому произношенію тѣхъ словъ, отъ которыхъ произведена фамилія. Такъ, фамилія Піотровскій — отъ собственнаго имени Piotr — Петръ — обращается у русскихъ въ Петровскаго, а Домбровскій — отъ слова dąbrowa, т. е. дубрава, — въ Дубровскаго. Сочувственники покойнаго Достоевскаго, желая обрусить вполне его прозваніе, называютъ его «Достдеевской», между тѣмъ какъ фамилія его, по происхожденію чисто-польская, должна быть произносима — Достоевски.

Всего же легче обрусѣніе какого нибудь иностраннаго прозвища производится у насъ совершеннымъ его искаженіемъ на русскій ладъ. Такъ, солдаты называли извѣстнаго нѣкогда по своей храбрости генерала Бистрома — Быстрымъ, а Паскевича, котораго они называли сперва Пашкевичемъ, обрусили въ Башкевича. Въ исходѣ XVII столѣтія выѣхалъ въ Москву какой-то служилый нѣмецъ Гундретъ-Марктъ. Такъ какъ первая его фамилія была неудобна для русскаго выговора, то она и не вошла въ употребленіе, но за то вторая фамилія какъ нельзя лучше поддавалась полному обрусѣнію

посредствомъ выпуска изъ нея буквы «т» и прибавки окончанія «овъ». И дѣйствительно, при обрусѣніи сыновей этого Гундрета-Маркта первое ихъ прозваніе было вовсе оставлено, а второе обратилось въ Марковъ, т. е. въ фамилію, повидимому, чисто-русскаго происхожденія.

Приведемъ другой примѣръ. Въ началѣ прошлаго столѣтія (1701—1707 г.) жила въ Москвѣ жена доктора Пагенкампа. По смерти мужа, она поступила въ актрисы, и фамилію ея стали писать Поганкова. По матери стали такъ звать и ея сыновей, потомство которыхъ существуетъ и нынѣ подъ искаженнымъ на русскій ладъ прежнимъ нѣмецкимъ прозваніемъ, и, конечно, подъ фамилію Поганковыхъ, чисто-русскою позвукую и по окончанію, никакъ не придетъ въ голову предполагать представителя чисто-нѣмецкой фамиліи Пагенкампа. Встрѣчается еще и третій, подходящий къ тому примѣръ. При Петрѣ Великомъ въ числѣ служилыхъ иноземцевъ находился нѣмецъ Гаррахъ, котораго передѣлали въ Горохъ, а затѣмъ въ Горохова, и отъ его фамиліи получила свое названіе одна изъ петер-

бургскихъ улицъ—Гороховая, на которой былъ домъ упомянутаго Гарраха или Гороха.

О другихъ подобныхъ измѣненіяхъ разныхъ иностранныхъ фамилій, а также о замѣнѣ ихъ совершенно русскими новыми фамиліями среди древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ, мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ статей, озаглавленной: «Сліяніе иноземцевъ съ русскими», а теперь замѣтимъ, что многія иностранныя фамиліи, оканчивающіяся на «о» и «и», очень легко поддаются полному обрусѣнію. Такъ, жившій нѣкогда въ Петербургѣ итальянецъ Баско обратился въ Баскова, а другой итальянецъ Вавили—въ Вавилина; знаменитый нашъ живописецъ Брюло писался Брюловымъ. Подобному легкому обрусѣнію подвергъ свою фамилію извѣстный нѣкогда ректоръ харьковскаго университета Дегуръ, обратившись въ Дегурова, а другой французъ, жившій въ Москвѣ, обрусилъ себя еще болѣе замысловато. Написавъ свою фамилію Soucharд навыворотъ, онъ получилъ слово «Драшусъ»; когда же онъ къ этой переиначкѣ прибавилъ окончаніе «овъ», то оказался совершенно русскимъ человѣкомъ

по фамиліи—Драшусовъ. Подверглась замѣчательному обрусѣнію и одна старинная нѣмецкая фамилія Косъ-фонъ-Даленъ, обратившись въ Козодавлева.

Бывали и другія еще превращенія иностранныхъ фамилій на русскій ладъ. Такъ, одинъ ярославскій помѣщикъ, большой руки шутникъ, жившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вздумалъ отпускаемымъ имъ на оброкъ крѣпостнымъ людямъ давать фамиліи извѣстныхъ лицъ, бывшихъ близкихъ Наполеону I. Такъ, въ выдаваемыхъ при этомъ случаѣ на жительство паспортахъ онъ, на примѣръ, писалъ: «крѣпостной мой дворовый человекъ Ермилъ Ерофѣевъ, сынъ Даву, или Фупе, или Бернадотъ, отпущенъ мною для прокормленія себя работою» и т. д. Забавляясь этимъ, онъ, между прочимъ, наименовалъ одного изъ своихъ отпущенниковъ на оброкъ Коленкурромъ—фамиліею извѣстнаго французскаго посла при русскомъ дворѣ; но въ послѣдствіи, при перемѣнѣ этого паспорта въ Москвѣ управляющимъ помѣщика, никогда, быть можетъ, ничего не слышавшимъ о Коленкурѣ, этотъ новый Коленкуръ обратился въ Коленкорова, и если

когда нибудь потомство его прославится, то генеалогамъ трудно будетъ отыскать истинное происхожденіе такой фамиліи.

IX.

Что касается родовыхъ прозваній, оканчивающихся на «ичъ», то такихъ коренныхъ польскихъ фамилій осталось очень немного. Всего же чаще встрѣчаются такія фамиліи у южныхъ славянъ, не имѣющихъ къ Польшѣ никакихъ отношеній, кромѣ общаго племеннаго родства, какъ и съ Русью. Обреновичи, Стояновичи, Бранковичи, Ненадовичи, Міатовичи — коренныя сербскія фамиліи. Гардашевичи, Таловичи, Соколичи — фамиліи боснійскихъ беговъ. Патриновичи, Алтимановичи, Беголичи, Столкевичи еще въ отдаленныя времена управляли Герцеговиною. Въ областяхъ, бывшихъ нѣкогда подвластными Польшѣ, окончаніе родовыхъ прозвищъ на «ичъ» считается даже признакомъ русскаго происхожденія. Тамъ среди издавна ополячившагося шляхетства встрѣчаются, на примѣръ, такія фамиліи: Даниловичъ, Сидоръ-

вичъ, Ваньковичъ. Что фамиліи эти русскія, а не польскія, доказывается уже тѣмъ, что у поляковъ нѣтъ собственныхъ именъ ни Данило, ни Сидора, а есть Даніель и Изидоръ, а также нѣтъ вовсе уменьшительнаго имени Ваньки, какимъ назывался какой-то зашлый въ Литву русскій князь, родоначальникъ Ваньковичей, а фамилія Сидоровичей происходитъ отъ русскаго посла Сидорова, бывшаго въ началѣ XVI вѣка въ Вильнѣ и тамъ оставившаго свое ополячившееся потомство. Къ ополячившимся русскимъ фамиліямъ принадлежатъ и такія знаменито-магнатскія польскія фамиліи, какъ Тышкевичи и Ходкевичи. Знатные нѣкогда польскіе паны Немиричи были чисто-новгородскаго происхожденія.

Названія русскихъ городовъ входятъ также въ великорусскія родовыя прозванія, въ смыслѣ уроженца или обывателя какого нибудь города и притомъ въ старинномъ значеніи слова «городъ», подъ которымъ подразумѣвались не только самый городъ, но и подлежавшая его вѣдѣнію область или уѣзды. Такъ, на примѣръ, отъ названія жителя города Болхова—болхови-

тинъ—произошла фамилія Болховитиновъ, отъ города Веневы—веневитинъ, а отъ него прозваніе Веневитиновъ, отъ Твери—тверитянинъ—фамилія Тверитяниновъ. Встрѣчается и другой способъ производства родовыхъ прозваній отъ названія городскихъ жителей городовъ, какъ-то: Туляковъ, Ярославцевъ, Ростовцевъ, Пошехоновъ, Казанцевъ и т. д. Такого рода прозванія особенно распространены среди великорусскаго кушества.

Слова, отъ которыхъ производились въ прежнія времена русскія фамильныя прозванія, были чрезвычайно разнородны. Кромѣ именъ собственныхъ, и въ обыкновенной, и въ уменьшительной, и въ уничижительной формѣ, употреблялись названія разныхъ предметовъ, иной разъ даже и отвлеченныхъ, а также личныя прозвища и клички, преимущественно насмѣшливыя, нерѣдко лишенные всякаго смысла въ примѣненіи къ нынѣшнему русскому языку. Нужно также сообразить, сколько къ коренному великорусскому населенію прибавилось иноплеменной смѣси. Если, на примѣръ, совершенно исчезли торки и печенѣги, то все же они могли

оставить болѣе или менѣе словъ изъ своихъ языковъ, и эти слова, обратившись въ мѣстные выраженія, могли послужить корнемъ для русскихъ родовыхъ прозваній. Въ числѣ мѣстныхъ названій разныхъ предметовъ, — названій, послужившихъ для того же самаго, — есть множество словъ, не употребляемыхъ въ обще-русскомъ разговорномъ языкѣ. Многимъ ли изъ коренныхъ русскихъ извѣстно, что, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Владимірской губерніи вода называется «валакша»? Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи «верека» значитъ плохая лошадь, «кляча», а въ иныхъ «вьятка» или «вятка» — клинъ земли, вдающійся въ чужую землю, а «друзги» — хмѣль. На языкѣ офеней — «дубасъ» означаетъ сарафанъ. Между тѣмъ отъ такихъ словъ произошло очень много родовыхъ прозваній, встрѣчающихся нынѣ у насъ во всѣхъ сословіяхъ, почему иныя фамиліи, какъ кажется, не имѣютъ никакого смысла, который, однако, таится въ нихъ.

Сверхъ того, въ Восточной Руси повелся и такой еще обычай. Изъ боязни чаръ и волхвованій, при которыхъ нужно было знать крестное

имя того, на кого онъ направлялись, русскіе люди старались скрывать это послѣднее, такъ что перѣдко, — какъ это было, напр., съ однимъ изъ любимцевъ царя Алексѣя Михайловича, оружейничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово, крестное имя котораго Іовъ, — сдѣлалось извѣстнымъ только по смерти носившаго его. Крестныя имена въ Москвѣ очень часто замѣнялись не только другимъ христіанскимъ, но и татарскими, на примѣръ, Булатъ, Муратъ, Ахматъ, такъ что и отъ такихъ подставныхъ именъ производились полуотчества, обращавшіяся потомъ въ родовыя прозванія людей, чисто-русскихъ по происхожденію.

Были еще у насъ въ старину, нынѣ почти вышедшія изъ употребленія, родовыя прозванія на «во» или еще рѣже на «аго». Какъ образовывались прозванія съ такими исключительными окончаніями, мы съ точностію сказать не можемъ, но, насколько мы могли замѣтить изъ родословныхъ росписей, поводъ къ тому могъ быть слѣдующій. Положимъ, кто нибудь носилъ личное прозваніе Благой. Сынъ его назывался Благоговъ, но если у этого послѣдняго былъ сынъ,

имѣвшій то же крестное имя и такое же отчество, какъ его отецъ, то онъ, въ отличіе отъ этого послѣдняго, прозывался Благово и передавалъ это прозваніе своему потомству. Вслѣдствіе этого возникли прозванія: Хитрово, Дурново, Хромово, причемъ иной разъ окончаніе «овъ» обращалось въ «аго».

Изъ существующихъ донынѣ княжескихъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, только пять родовъ носятъ прозванія, заимствованныя отъ удѣльныхъ княженій, а именно: Мосальскіе, Елецкіе, Звенигородскіе, Ростовскіе и Вяземскіе. Девять родовъ: Барятинскіе, Оболенскіе, Шехонскіе, Прозоровскіе, Вадбольскіе, Шелешпанскіе, Ухтомскіе, Бѣлосельскіе и Волконскіе приняли прозванія по принадлежавшимъ ихъ родоначальникамъ вотчинамъ, но не по княженіямъ. Что же касается присоединенной къ фамиліи Бѣлосельскихъ фамиліи Бѣлозерскихъ, то эта послѣдняя давно уже не была родовою; но при учрежденіи однимъ изъ князей Бѣлосельскихъ командорства мальтійскаго ордена въ Россіи императоръ Павелъ повелѣлъ ему, какъ старшему въ родѣ князей Бѣлозерскихъ, имено-

ваться и этою неупотреблявшеюся уже фамиліею. Съ своей стороны, московскіе государи не любили такихъ родовыхъ дополненій. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ запретилъ князьямъ Ромодановскимъ писаться, какъ старшимъ въ родѣ князей Стародубскихъ, общимъ ихъ родовымъ прозваніемъ, т. е. князьями Стародубскими, находя, что оно «не пристойно». По поводу такого запрета князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій написалъ царю слѣдующее челобитье.

«Пришла ко мнѣ твоя Великаго Государя грамота, чтобъ мнѣ впередъ Стародубскимъ не писаться и до твоего царскаго указа писаться не стану, а прежде писался я для того: тебѣ, Великому Государю, извѣстно, князишки мы Стародубовскіе и предки мои и отецъ и дядя писались Стародубскіе-Ромодановскіе, да дядя мой князь Иванъ Петровичъ, какъ въ Астрахани, за васъ, великихъ государей, отъ вора лжеименитаго Августа, по вашей государской милости, написанъ въ книгу, и страданія его объявляя въ сборное воскресеніе, поминаютъ Стародубовскій - Ромодановскій. Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнимать».

Подобнымъ взглядомъ Москвы, желавшей сгладить воспоминанія о родовомъ старѣйшинствѣ Рюриковичей, быть можетъ, и объясняется то, что большая ихъ часть усвоила себѣ фамиліи прозванія не по княженіямъ, а по личнымъ прозваніямъ своихъ предковъ. Большая часть прозваній представителямъ княжескихъ родовъ, взамѣнъ наименованій ихъ по наследственнымъ удѣламъ, была дана великимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ, такъ усердно истреблявшимъ удѣльныя княженія. Къ числу такихъ фамилій, кромѣ уже вымершихъ, принадлежатъ нынѣ князья: Горчаковы, Долгоруковы, Щербатовы, Бабичевы, Путятины, Щетинины, Засѣкины, Солнцевы, Дуловы, Крапоткины, Гагарины, Хилковы и Рѣпнины. Безъ всякаго сомнѣнія, Москвѣ, установившей въ Восточной Руси единое великое княженіе, должно было казаться «непристойнымъ», если представители этихъ родовъ своими прозваніями напоминали ей о прежнемъ существованіи старѣйшихъ великихъ княженій: Черниговскаго, Смоленскаго, Рязанскаго и Ярославскаго. Хотя князья Ростовскіе и напоминали своею фамиліею о зна-

менигомъ иѣкогда княженіи Ростовскомъ, но такое прозваніе какъ бы ослаблялось приложеніемъ къ каждой вѣтви этого дома особыхъ прозваній по личнымъ прозвищамъ родоначальниковъ. Князей Ростовскихъ въ Москвѣ собственно не было, но были существующія и донынѣ отдѣльныя ихъ отрасли, а именно: князья Лобановы, Касаткины и Щепины, съ присвоеніемъ къ каждой изъ этихъ отраслей общаго, какъ бы только дополнительнаго прозванія. Удержаніе же названія Ростовскихъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что при уступкѣ Ростова Москвѣ князья Ростовскіе выговорили себѣ и своимъ потомкамъ право, чтобы по пріѣздѣ ихъ въ Ростовъ они были тамъ встрѣчаемы съ особыми почестями, какъ владѣтельные князья, что и продолжалось до Екатерины II, отмѣнившей такія встрѣчи. Дозволеннымъ почетнымъ отчествомъ, въ видѣ родоваго прозванія, т. е. отчествомъ съ окончаніемъ на «вичь», воспользовалась одна только отрасль дома Рюрикова. Романъ, сынъ ярославскаго князя Василя Дмитріевича, построившій городъ Романовъ, имѣлъ нѣсколько сыновей, дѣти которыхъ стали писаться Романовичами, но вско-

рѣ родъ ихъ прекратился, и послѣ того въ московской Руси ни княжескихъ, ни дворянскихъ родовыхъ прозваній съ окончаніемъ на «вичъ» уже не составлялось, такъ какъ окончаніе это при отчествѣ сдѣлалось уже особою, почетною наградою.

Х.

Изъ дворянскихъ фамилій, происшедшихъ отъ Рюрика, одни только Ржевскіе удержали прозваніеі по ихъ польской вотчинѣ. Остальные же приняли прозванія по прозвищамъ ихъ родоначальниковъ или по ихъ отчествамъ, какъ, на-примѣръ: Татищевы, Судаковы, Аладьины, Дмитриевы-Мамоновы, Цытлетевы, Ильины, Ивины, Березины, Осинины и другіе.

Потомки великаго князя литовскаго Гедемина получали въ Литвѣ фамильныя прозванія по ихъ владѣніямъ, за исключеніемъ лишь князей Коріатовичей-Курцевичей, но по переселеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москву потомство ихъ начало получать разныя личныя прозвища. Одни изъ этихъ прозвищъ прошли безслѣдно, а другія, какъ прозвища Голица и Курака, обрати-

лись въ родовыя прозванія и нынѣ существующихъ княжескихъ фамилій Голицыныхъ и Буракиныхъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какія загадочныя фамильныя прозванія могли возникнуть изъ личныхъ прозвищъ, встрѣчаемыхъ не только въ такъ называемомъ простонародьи, но и въ древнихъ дворянскихъ родословныхъ, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, кромѣ прозвищъ, заимствованныхъ отъ какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ, какъ наприм.: Кривой, Нѣмой, Одноглазъ, Хрипунъ, или какихъ-либо внутреннихъ свойствъ, напримѣръ: Глупый или Умный, встрѣчаются въ лѣтописяхъ и такія прозванія: «Умойся грязью», «Собачья рожа», Швихъ, Шистъ, Кудекуша, Сыдавный, Киберь, Ничика, Нешта, Сандырь, Силеха, Псище, Волкохищенная Собака, Ляпунъ, Дубовый Носъ, Свистунъ Неблагословенный, Еропка, Шква, Усломя. Одинъ изъ князей Ярославскихъ носилъ прозвище Кнутъ. Отъ него пошли князья Кнутовы, нынѣ уже не существующіе. Позднѣе въ Москвѣ носилъ родовое прозваніе тоже Кнутовъ одинъ шведскій выходецъ Кнутсонъ.

Непристойныя родовыя прозванія измѣняли въ отдѣльныхъ случаяхъ довольно просто.

Въ 1826 году, въ Учрежденіи Генеральнаго Штаба, между прочимъ, сказано было: «если кто изъ принятыхъ рекрутъ будутъ имѣть прозвища непристойныя, о тѣхъ писать въ полкахъ, какъ къ жалованью, такъ и во всѣхъ спискахъ и перекличкахъ отчествомъ», или по заведенному въ Москвѣ порядку только полуотчествомъ: какъ Федосѣевъ, Карповъ, Лукинъ и т. д., и нѣкоторыя изъ такихъ прозваній обратились въ родовыя. Звучащія нынѣ грубо для современно-образованнаго уха фамиліи, а также относящіяся къ какимъ-либо некрасивымъ внѣшнимъ признакамъ или непригляднымъ внутреннимъ качествамъ, считаются у насъ обыкновенно простонародными — «мужицкими», но это не совсѣмъ вѣрно. Дѣйствительно, среди прѣстонародья такія родовыя прозванія, какъ Синебрюховъ, Воробатовъ, Пьяницынъ, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ среди дворянства, но, тѣмъ не менѣе, не только простота, но и грубоватость фамиліи вовсе не свидѣтельствуютъ еще о темнотѣ и недавности ея происхожденія. Если же

теперь среди нашего дворянства не встрѣчается слишкомъ грубыхъ и даже не совсѣмъ приличныхъ фамильныхъ прозваній, то это происходитъ оттого, что по мѣрѣ развитія въ немъ образованія нѣкоторыя не совсѣмъ удобныя фамиліи мало-по-малу замѣнялись другими.

Есть родовыя прозванія, въ которыхъ коренное слово принимается не въ томъ значеніи, въ какомъ оно бываетъ здѣсь примѣнено. Такъ, на примѣръ, существуетъ старинный дворянскій родъ Свиныхъ. Здѣсь неблагозвучное коренное слово употреблено не въ общепринятомъ, но, такъ сказать, въ военно-техническомъ смыслѣ. Предокъ этого рода дѣйствительно назывался Свиной, но безъ всякаго уподобленія личности его къ этому животному. Въ числѣ воеводъ великаго князя московскаго Василя Темнаго былъ одинъ, который при встрѣчѣ съ татарами построилъ свою рать въ такомъ порядкѣ, въ какомъ становятся свиньи, защищаясь отъ производимыхъ на нихъ въ лѣсахъ нападеній. Онъ одержалъ надъ татарами побѣду, и это доставило ему, въ награду его военачальнической

доблести, прозваніе Свиньи. Такая награда въ наше время, конечно, немислима.

Надобно также замѣтить, что сама по себѣ громкая фамилія не всегда ручается за древность и знатность происхожденія того, кто ее носитъ. Такъ, и среди купечества, и среди мѣщанства, и среди крестьянства встрѣчаются такія именитыя фамиліи, какъ Салтыковы, Воронцовы, Бутурлины, Шереметевы и многія другія. Это преимущественно произошло оттого, что въ прежнее время выходившіе на волю крѣпостные люди принимали очень часто фамилію своихъ господъ, особенно если эти фамиліи были общеизвѣстны и громки.

Въ прежнее время наше простонародье, какъ мы уже сказали, не имѣло вообще родовыхъ прозваній, и когда представлялась надобность для опредѣленія такимъ способомъ какой-либо личности изъ ихъ среды, какъ, на примѣръ, при запискѣ въ купечество, въ мѣщанство или въ ремесленное общество, то личность ихъ опредѣлялась только крестнымъ именемъ и полуотчествомъ, обращавшимся обыкновенно въ фамильное прозваніе, если о такомъ не заявлялъ

самъ новикъ. Если же, несмотря на такое заявленіе, въ гильдіи или мѣщанскомъ обществѣ было уже другое лицо съ такимъ же именемъ и полуотчествомъ, то вступающій получалъ особое прозваніе, такъ называемую «приватную» фамилію, подъ которою онъ и велъ торгъ или справлялъ свое ремесло. При этомъ русскіе ремесленники принимали иногда иностранную фамилію, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, въ качествѣ хозяина какой нибудь мастерской, казаться по прозванію нѣмцемъ или вообще иностранцемъ и въ силу этого пользоваться бѣльшимъ вниманіемъ и довѣріемъ со стороны заказчиковъ и покупателей, которые обыкновенно предпочитаютъ нѣмецкую работу русской и русскимъ товарамъ иностранные.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось подобное дѣло, а именно: о присвоеніи какимъ-то крестьяниномъ Ярославской губерніи фамиліи Викторсонъ. На судѣ коренникъ-ярославецъ заявилъ, что онъ принялъ эту фамилію съ тѣмъ, чтобы, торгуя папиросами, казаться иностранцемъ. Подобнаго рода присвоеніе русскими людьми чу-

жестранныхъ фамилій весьма близко подходитъ къ означенію на прежнихъ вывѣскахъ мнимаго чужеземства, какъ, на примѣръ: «портной мастеръ Дубиносковъ изъ Парижа».

Вообще по фамильнымъ прозваніямъ отличить національность бываетъ трудно. На примѣръ, въ старинныхъ нашихъ актахъ встрѣчаются часто русскія прозвища людей, которые по происхожденію не были вовсе русскими. Такъ, при патріархѣ Никонѣ, въ числѣ его «домовныхъ» людей былъ выкрещенный еврей, называвшійся Аѳонасьевъ. Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ были: голландецъ Луневъ, англичане: Юрьевъ и Ивановъ, и нѣмецъ Игнатьевъ. Въ одномъ изъ договоровъ нашего правительства съ калмыцкою княгинею Тайшиною, заключенномъ въ 1737 году, встрѣчаются такія прозванія калмыцкихъ «зайсанговъ»: Батуменко, Дешизасонъ, Амуръ Добрицынъ, Тюрятя, Чидоръ. Такія прозванія съ постановкою на нѣкоторыхъ изъ нихъ соответствующаго ударенія могутъ быть примѣнены и къ малороссу, и къ французу, и къ великороссу, и къ англичанину, и къ венгерцу.

XI.

Вопросъ о фамильныхъ прозваніяхъ въ Россіи, разсматриваемый съ исторической точки зрѣнія, долженъ главнымъ образомъ, по самому его ходу, примѣняться преимущественно къ дворянской средѣ не только потому, что относительно ея имѣется болѣе свѣдѣній, но и потому еще, что способъ установленія въ ней родовыхъ прозваній отразился и на прочихъ сословіяхъ, такъ какъ первообразомъ въ этомъ случаѣ служило дворянство или, говоря иначе, преимущественное сословіе.

Древнее наше дворянство составилось бѣльшею частью изъ иностранныхъ выходцевъ. Явленіе это до того было обыкновенно, что при составленіи, въ царствованіе Екатерины II, общей формы для родословной росписи по шестой части дворянской родословной книги, — части, предоставленной древнему русскому дворянству, признано было наиболѣе удобнымъ начать эту форму съ такой рубрики: «выѣхалъ въ Россію оттуда-то при великомъ князѣ такомъ-то». Та-

кое означеніе примѣнялось къ родоначальнику каждой древней русской дворянской фамиліи, и дѣйствительно, бѣольшая часть нашего «кореннаго» дворянства — не мѣстнаго, а иноземнаго происхожденія, преимущественно татарскаго, почему многія фамиліи, хотя по окончанію и чисто-русскія, но, тѣмъ не менѣе, носятъ на себѣ татарскую тамгу въ коренномъ словѣ.

Выше было уже сказано, что въ одной изъ моихъ статей, подъ заглавіемъ: Сліяніе русскихъ съ иноземцами, я указывалъ, какъ на замѣчательную особенность, на чужестранное происхожденіе нашихъ отечественныхъ знаменитостей, хотя и съ чисто-русскими фамильными прозваніями, но ведущихъ свое начало по мужскому колѣну отъ иноплеменныхъ родоначальниковъ. Поэтому теперь будутъ слѣдовать только новыя, не сдѣланныя прежде указанія.

Въ нѣкоторыхъ, повидимому, чисто-русскихъ фамиліяхъ сохранились слѣды чуждаго происхожденія. Такъ, на примѣръ, фамилія Мухановъ есть ничто иное, какъ только татарское имя и татарскій титулъ, слитые вмѣстѣ — «Му-ханъ», съ прибавкою окончанія «овъ». То же слѣдуетъ

сказать и о фамилии Бибиковъ: въ ней слогъ «Би» — собственное имя, а «бикъ» — то же, что «бекъ», т. е. мурза, тоже съ прибавкою «овъ», вмѣсто «овичъ». Другія иноземныя фамиліи передѣлались на русскій ладъ до неузнаваемости. Венгерская фамилія Батугердъ обратилась въ фамилію Батуричь. Съ другою, тоже венгерскою, фамиліею произошло еще болѣе замѣчательное превращеніе. Родоначальникъ ея Калашъ въ Россіи обратился въ Калашева, а потомъ въ Калачева и даже въ Колачева, такъ что, повидимому, въ ея чисто-русскомъ происхожденіи не представляется никакого сомнѣнія. Съ невѣстою великаго князя Ивана III Васильевича Софіею Ооминишною Палеологъ пріѣхали въ Москву изъ Рима не мало италіанцевъ и грековъ. Одинъ изъ нихъ, уроженецъ Флоренціи, назывался Сісегі, по италіанскому произношенію Чичери, — а въ Москвѣ окончаніе его фамиліи нѣсколько измѣнилось прибавкою буквъ «нъ» и вышелъ Чичеринъ. Другой изъ спутниковъ царевны грекъ или, вѣрнѣе, тоже италіанецъ, прозывавшійся Кашкини — вѣроятно Кассини, былъ записанъ въ Москвѣ подъ прозваніемъ Кашки-

на. Потомство ихъ обоихъ донынѣ существуетъ среди древняго и извѣстнаго русскаго дворянства: одного — подъ фамиліею Чичерины, а другаго — Кашкины.

Въ половинѣ XVII столѣтія пріѣхалъ въ Москву и остался тамъ на постоянное житіе англійскій врачъ Тома. Онъ имѣлъ сына, называвшагося полуотчествомъ «Томина сынъ», но оба эти слова потомъ слились, и изъ нихъ составилось родовое прозваніе Томинынь или, по болѣе удобному для русскихъ произношенію, Фаминцынь. Около того же времени жилъ въ Москвѣ другой англичанинъ, по фамиліи Burgess, т. е. Бернсъ, которая писалась по-русски Бурнесъ; сынъ его назывался уже Бурнесовъ или Бурнашовъ, повидимому, вполне русскою фамиліею и даже съ нѣкоторымъ татарскимъ отбѣнкомъ. Еще болѣе обрусѣнію подверглись на Руси извѣстная англійская фамилія Гамильтонъ и нѣмецкая фамилія Левенштейнъ, представители которой называются нынѣ Левшины.

Въ первыхъ поколѣніяхъ они удерживали свое нѣмецкое, нѣсколько сокращенное прозваніе Левштейнъ или Левштинъ, а потомъ изъ этой пе-

реиначки присвоили себѣ какъ будто уже чисто русское прозвище отъ слова «лѣвша». Что же касается фамиліи Гамильтоновъ, то сперва она писалась Гамантовъ, потомъ Гаматовъ и, наконецъ, обратилась уже въ до-нельзя русскую — Хомутовъ. Подверглись въ Россіи передѣлкамъ и другія иностранныя фамиліи: французскія и итальянскія. Такъ, потомки выѣхавшаго въ Россію изъ Франціи какого-то пушкаря de Richmond обратились въ прежнихъ отписяхъ въ Деримонтовыхъ, а потомъ еще проще — въ Дермидонтовыхъ. Потомки итальянскаго инженера Градинеско-Марини, устроившаго при взятіи Казани царемъ Иваномъ IV подкопъ, рѣшившій судьбу этого города, имѣетъ нынѣ чисто-русское прозвище — Марини. Передѣлана была въ Москвѣ и фамилія маркграфовъ Мейссенскихъ. Въ прежнее время Мейссенъ назывался Мисніею, а пріѣхавшій, въ 1425 году, одинъ изъ маркграфовъ Мисницкихъ обратился въ Мышницкаго, а потомъ въ Мышецкаго, причемъ титулъ маркграфа былъ замѣненъ титуломъ князя. Замѣчательно, что потомокъ, въ восьмомъ колѣнѣ, этого нѣмецкаго маркграфа — князь

Андрей Мышецкой — знаменитый старец Досифей — былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ поборниковъ русскаго церковнаго раскола. Отрасль императорско-византійской фамиліи Комненовъ обратилась у насъ въ исходѣ XV столѣтія въ Комриныхъ или Ховриныхъ, а затѣмъ, — по прозвищу одного изъ предковъ уже въ Россіи «Голова», — существуетъ нынѣ подъ прозваніемъ Головиныхъ. Представители другой, тоже императорско-византійской фамиліи, Ласкарисы обратились въ Ласкиревыхъ. Молдавская фамилія Хераско сдѣлалась русской посредствомъ прибавки къ ней окончанія «овъ». Переименаніе въ русское нынѣ родовое прозваніе подверглось и грузинское слово «Лашкаръ», т. е. волкъ, обратившись въ фамилію Лашкаревъ.

Одна изъ знаменитѣйшихъ средневѣковыхъ итальянскихъ фамилій, по преданіямъ, а потомъ и по рукописнымъ источникамъ дала свое названіе одному изъ примосковскихъ городовъ. Сохранилось извѣстіе, что одинъ изъ представителей родовъ Колонна, изъ которыхъ были и папы и кардиналы, переселился въ XIV или XV вѣкѣ въ Москву, и такъ какъ по-латыни Со-

Юппе — столбъ — называется Columna, то онъ основанный имъ близъ Москвы поселокъ называлъ этимъ латинскимъ именемъ, которое и обратилось въ названіе Коломна, а отъ названія этого города произошло, въ смыслѣ уроженца Колемны, нынѣ совершенно уже русское родовое прозваніе Коломнинъ.

Въ иныхъ случаяхъ потомки одного и того же иноземнаго выходца существуютъ въ Россіи подъ разными совершенно русскими фамиліями. Такъ, потомки нѣмца Дола носятъ нынѣ слѣдующія родовыя прозванія: Свѣчины, Яхонтовы и Левашовы. Потомки выѣхавшаго въ 1425 г. въ Москву литовца Лаховича раздѣлились на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна носитъ прозваніе Лихачевы, а другая — Краевскіе. Потомки плѣннаго нѣмецкаго барона фонъ-Искюля именуются Соковнинными, потомки другаго нѣмца — Пупковыми, а третьяго — Протопоповыми. Встрѣчаются и болѣе простыя переименуванія нѣмецкихъ обрусѣвшихъ фамилій. Такъ, фонъ-Менгденъ въ XVII вѣкѣ писался Фомединъ, фонъ-Берландъ — Фонберелановъ, фонъ-Визенъ — Фонвисинъ. Подвергались часто из-

мѣненію и коренныя русскія фамиліи. Такъ, фамилія Мироновыхъ обратилась въ Нероновыхъ.

Добавимъ къ этому, что у насъ подъ видомъ великорусскихъ фамилій, какъ по ихъ окончаніямъ, такъ въ иныхъ случаяхъ и по созвучію, существуетъ болѣе 50 мордовскихъ фамилій съ княжескимъ титуломъ. Къ такимъ фамиліямъ принадлежатъ, между прочимъ, фамиліи: Енгалычевы, Бедашевы, Еникѣевы, Акчурины, Аганины, Булушевы, Утѣшевы, Кудашевы, Дѣевы и другія. Что же касается ихъ княжескаго титула, то онъ явился потому, что съ XVI вѣка государи московскіе, побуждаемые ревностью къ обращенію магометанъ въ православіе, приказывали принявшихъ крещеніе татарскихъ мурзъ и мордовскихъ «панковъ» именовать князьями. Особенно это было въ большемъ употребленіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ прежнее время такихъ прибавокъ не было, и, напримѣръ, потомки татарскаго царевича Бахмета стали писаться просто Бахметевы, а потомки татарскаго мурзы Тюфменя — Тихменевы.

О переименіи русскихъ фамильныхъ прозваний иностранцами излишне было бы вообще говорить, но встрѣчаются нѣкоторыя особенности, имѣющія историческое значеніе. Такъ, во времена Ивана Грознаго въ числѣ русскихъ отъѣзжиковъ изъ Москвы были Барановы, татарскаго происхожденія, предки нынѣшнихъ русскихъ графовъ Барановыхъ. Одинъ изъ нихъ удалился въ Эстляндію, гдѣ потомки его, сдѣлавшись нѣмцами и лютеранами, удержали свое прежнее родовое прозваніе, съ прибавкою къ нему нѣмецко-дворянской частицы «фонъ». Туда же отъѣхалъ одинъ изъ представителей извѣстнаго въ ту пору боярскаго, но не княжескаго рода Бѣльскій. Потомство этого отъѣзжика существовало тамъ еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, а, можетъ быть, существуетъ и донынѣ, подъ именемъ бароновъ Бильскихъ. Потомки отъѣхавшаго въ Польшу, во время междуцарствія, боярина Салтыкова отбросили тамъ окончаніе «овъ» и пишутся нынѣ Солтыкъ. Около той же поры не мало было русскихъ отъѣзжиковъ и въ Швецію. Тамъ одинъ изъ нихъ, Высоцкой или, правильнѣе, Высот-

ской, присоединилъ къ своей прежней русской фамиліи нѣмецкую фамилію Гохмутъ, которую и поставилъ передъ русскою. Другой отъѣзжикъ, Бутурлинъ, сталъ писаться Bütterlin, а изъ прочихъ отъѣзжиковъ Аминовы, Калитины и Пересвѣтвы, — послѣдніе, по преданію, потомки извѣстнаго витязя-инока Пересвѣта, — будучи причислены къ шведскому дворянству, сохранили свои русскія фамильныя прозванія. Одинъ изъ русскихъ выходцевъ въ Польшу носилъ личное прозвище «Врагъ»; потомки его стали носить тамъ фамилію Вражскихъ или Врасскихъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что одинъ изъ Врасскихъ, которымъ силезскіе геральдики придаютъ русско-княжеское происхожденіе, возвратился въ свое древнее отечество, не позже половины XV столѣтія. Недавно фамилія Врасскихъ передана была представителямъ стариннаго русскаго рода Галкиныхъ. Во время стрѣльческихъ бунтовъ одинъ изъ князей Черкасскихъ ушелъ изъ Москвы въ Угорскую Русь, гдѣ потомки его, существующіе донинѣ, носятъ фамилію Духновичи, а одинъ изъ нихъ пользуется извѣстностью, какъ руссинскій писатель. Одинъ

изъ русскихъ отъѣзжиковъ въ Польшу Юрловъ получилъ въ 1525 году отъ Сигизмунда II фамилію Плещевичъ, а другой, по прозванію Вревкинъ, къ своей русской фамиліи присоединилъ прозваніе Шелита, отъ имени помѣстья, пожалованнаго ему королемъ Сигизмундомъ III. Когда одинъ изъ потомковъ извѣстнаго князя Андрея Курбскаго, отъѣхавшаго въ Литву при Иванѣ Грозномъ, возвратился на родину, то настоящее его родовое прозваніе, заимствованное отъ находящагося въ Ярославской губерніи села Курби, неизвѣстно почему обратилось въ прозваніе Крупскій. Этотъ князь, считающійся по разряднымъ книгамъ и другимъ приказнымъ бумагамъ послѣднимъ въ своемъ родѣ, извѣстенъ тѣмъ, что былъ битъ кнутомъ за то, что убилъ жену. Послѣ того нигдѣ не встрѣчается прозванія ни князей Курбскихъ, ни князей Крупскихъ, но въ началѣ сороковыхъ годовъ къ профессору или академику Устрялову явился какой-то молодой человекъ, выдававшій себя, по имѣвшимся у него бумагамъ, за князя Курбскаго или Крупскаго, потомка упомянутаго князя Андрея. Въ сѣверо-западномъ краѣ донынѣ существуетъ

княжеская фамилія Крупскихъ, но—насколько мнѣ извѣстно — она не имѣетъ никакого отношенія къ князьямъ Курбскимъ и къ тому князю, который возвратился въ Россію подъ прозваніемъ Крупскій.

ХІІ.

Употребленіе въ Россіи двойныхъ фамилій во второй половинѣ XVI столѣтія становилось все рѣже и рѣже, такъ какъ постепенно устранялась вызывавшая ихъ прежде причина, т. е. неокончательное установленіе родовыхъ прозваній, когда каждое семейство выдѣлялось обыкновенно особнякомъ изъ общаго рода и усваивало себѣ отдѣльное прозваніе или по какой-либо кличкѣ, или по отчеству, сохраняя, однако, иногда для поддержанія связи съ своими однородцами и общее родовое прозваніе. Очень часто такое прозваніе замѣнялось какимъ-нибудь искаженнымъ именемъ, несмотря на то, что употреблявшій его имѣлъ уже прозваніе. Такъ, въ концѣ XV вѣка одинъ изъ Челядинныхъ постоянно писался «Яковля». Иногда для опредѣленія происхожденія дѣлались особыя поясненія, на-

примѣръ: «Ляцкой изъ рода Кошкиныхъ». Чтобы познакомить нашихъ читателей съ развѣтвленіями по особымъ фамильнымъ прозваніямъ одного и того же рода, мы приведемъ здѣсь слѣдующій примѣръ.

По московскимъ родословнымъ книгамъ, въѣхавшій въ началѣ XIII вѣка въ Новгородъ нѣкто Михайло имѣлъ прозваніе Прушанинъ или Прушаничъ, что, конечно, указываетъ на его происхожденіе изъ Пруссіи или же изъ такъ называвшагося въ то время въ Великомъ Новгородѣ «прусскаго конца». Его единственные сынъ, внукъ и правнукъ означены въ родословныхъ безъ всякаго прозванія, которое, по всей вѣроятности, оставалось то же самое, какое носилъ Михайло. Когда же у него оказалось двое, хотя и разноименныхъ сыновей, то каждый изъ нихъ получилъ особое прозваніе: старшій сынъ назывался Морозъ, а младшій—Туша. Отъ Мороза уже въ Москвѣ пошли Морозовы, изъ которыхъ одинъ, по имени Борисъ, имѣлъ сына Василя, по прозвищу Тучко, а другаго—по прозвищу Брюхо. Сыновья этихъ Морозовыхъ стали писаться различно: одни Тучко-Морозо-

выми, а другіе Брюхо-Морозовыми. Но въ послѣдствіи Тучко-Морозовы откинули свое прежнее родовое прозваніе и стали писаться только Тучковыми. Одновременно съ этимъ и въ потомствѣ Туши стали измѣняться родовыя прозвища. Одни изъ представителей этого потомства, оставивъ фамилію Морозовыхъ, стали писаться по послѣдующимъ прозваніямъ членовъ рода Морозовыхъ:—Шестовыми, а другіе Шестовыми-Русалкиными. Дальнѣйшіе потомки упомянутаго Мороза или удерживали одну только эту общую фамилію, или же по прозвищамъ ея членовъ принимали иныя дополнительныя прозванія, какъ, на примѣръ, Салтыкъ отъ Салтыковыхъ, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ потомствѣ Салтыка-Морозова удержалось только одно новое родовое прозваніе.

Древній боярскій родъ Романовыхъ также мѣнялъ свои фамильныя прозванія, и еще дѣдъ патріарха Филарета именовался Захарьинымъ-Юрьевымъ, по именамъ своего отца Юрія и своего дѣда Захарія.

Кромѣ измѣненій родовыхъ прозваній по отчествамъ или по личнымъ прозваніямъ того или

другаго члена одного и того же рода, встрѣчается еще и особый случай перемѣны такого прозванія. Такъ, фамилія одного литовца, участвовавшаго въ Куликовской битвѣ, Нелидовскаго, обрусѣла въ московской формѣ, обратившись въ Нелидова, затѣмъ потомки этого Нелидова стали прозываться Фарисеевыми, а въ слѣдующихъ поколѣніяхъ — Отрепьевыми. Когда же утвердилась молва, что нареченный царь Дмитрій Ивановичъ — по своему полуимени Гришка — былъ изъ рода Отрепьевыхъ, и когда его стали предавать въ праздникъ православія анафемѣ, съ упоминаніемъ и его родоваго прозванія, то однофамильцамъ его царь Алексѣй Михайловичъ дозволилъ именоваться ихъ старинною фамиліею — Нелидовыми.

Вообще же можно сказать, что фамильныя прозванія даже въ самыхъ знаменитыхъ московскихъ боярскихъ родахъ установились окончательно только во второй половинѣ XV столѣтія, и тогда исчезли почти всѣ двойныя фамиліи. Такъ, изъ внесенныхъ въ «Бархатную книгу» и существующихъ донынѣ дворянскихъ родовъ — общимъ числомъ до семидесяти — двой-

ныя фамиліи удержали только Бобрищевы-Пушкины, Вельяминовы-Зерновы, Воронцовы-Вельяминовы, Голенищевы-Кутузовы, Квашнины-Самарины, Мусины-Пушкины и Сухово-Кобылины. Двойныхъ древнихъ, хотя и не внесенныхъ въ «Бархатную книгу», фамилій тоже очень немного. Вотъ ихъ очень недлинный перечень: Долгово-Сабуровы, Иванчины-Писаревы, Кузьмины-Короваевы, Петрово-Соловово, Римскіе-Корсаковы и Скорняково-Писаревы. Представителямъ двухъ другихъ, тоже древнихъ дворянскихъ родовъ,—Меледенскихъ и Бестужевыхъ дозволено было прибавить: первымъ, въ 1699 году, фамилію Мелецкій, которую предки ихъ носили нѣкогда въ Польшѣ, а вторымъ, въ 1701 году, по прозвищу одного изъ ихъ предковъ Рюма,—Рюминными, въ отличіе отъ прочихъ ихъ единокровцевъ.

Двойныя фамильныя прозванія въ старинной Руси не составлялись въ особенности потому, что у насъ не было заведено передачи ихъ по женскому колѣну. Этимъ объясняется безслѣдное исчезновеніе многихъ знаменитыхъ родовъ, какъ, на примѣръ, рода князей Пожарскихъ, хо-

тя потомство ихъ при существующемъ нынѣ у насъ способѣ передачи угасшихъ въ мужскомъ колѣнѣ фамилій могло бы продолжаться въ родѣ князей Черкасскихъ. Въ этомъ случаѣ видна большая разница во взглядѣ на высшее сословіе, установившемся, съ одной стороны, на феодалномъ Западѣ, а съ другой—у насъ, въ служилой Россіи.

Въ самомъ исходѣ XVII вѣка въ Москвѣ стали появляться челобитныя о присвоеніи дополнительныхъ родовыхъ прозваній.

Въ 1697 году было подано царямъ и великимъ князьямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ и великой княжнѣ, благовѣрной царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, самодержцамъ, слѣдующее прошеніе:

«Бьютъ челомъ холопи ваши: Васька, Ильюшка и Афонька Дмитріевы. Прозвищемъ нашимъ, холопей вашихъ, Дмитреевыхъ, пишутся многіе разныхъ чиновъ малородные, а по вашей государской милости сродника нашего въ родословной книгѣ написанъ родъ Григорія Андреевича Мамонова и Данилы Иванова Дмитреева».

Въ виду этого челобитчики, взывая къ мило-

сердію царей и царевны, пишуть: «пожалуйте насъ, холопей своихъ, для отличія отъ иныхъ прозваніемъ Дмитреевыхъ, велите, Государи, къ прозванію нашихъ Дмитреевыхъ прибавить старое наше прозваніе по родословцу Мамоновыхъ, чтобъ намъ, холопемъ вашимъ, отъ другихъ Дмитреевъ безчестными не быть». По этой просьбѣ сентября 21 дня 1697 года сдѣлана дьякомъ помѣтка: «Государи пожаловали, велѣли ихъ написать въ разрядъ и имъ самимъ во всякихъ письмахъ писаться Мамоновыми-Дмитреевыми».

Въ томъ же году, по указу великихъ Государей, дозволено было постельничаго Кирьяна Ивановича Самарина и сродниковъ, для различія ихъ, Самаринныхъ, отъ иныхъ Самаринныхъ, въ боярскихъ спискахъ и во всѣхъ письмахъ писаться и называться Самаринными-Квашинными. Но затѣмъ потребовали какъ отъ Мамоновыхъ-Дмитреевыхъ, такъ и Самаринныхъ-Квашинныхъ, чтобы они писали свои прозванія въ обратномъ порядкѣ, на томъ основаніи, что не Мамоновы идутъ отъ Дмитриевыхъ, а Дмитриевы отъ Мамоновыхъ, и Самарины идутъ отъ Квашинныхъ,

а не Квашнины отъ Самаринныхъ. Квашнины стали, однако, оспаривать такое происхожденіе Самаринныхъ и просили не вѣрить росписи этихъ послѣднихъ, но дать имъ съ Самаринными очную ставку. Самарины, однако, выиграли дѣло, такъ какъ представители другихъ отраслей рода Квашнинныхъ, Тушины и Разладины, подтвердили принадлежность Самаринныхъ къ этому роду.

Такія же прошенія о двойныхъ прозваніяхъ поступили отъ холопей Левко и Ивашки Мирныхъ-Вельяминовыхъ о дозволеніи писаться имъ Зерновыми-Вельяминовыми, и отъ Вердеревскихъ, бившихъ челомъ о дозволеніи имъ писаться Вердеревскими - Опраксинными, потому что «дѣды и прадѣды ихъ тѣми двумя прозваніями писались». Такъ какъ показаніе это подтвердилось справками въ Разрядѣ, то и челобитье Вердеревскихъ было удовлетворено. Но такъ какъ вскорѣ послѣ того возникли «сомнительства», собственно на счетъ рода Опраксинныхъ или Апраксинныхъ, то, вѣроятно, вслѣдствіе этого Вердеревскіе перестали писаться своимъ двойнымъ прозваніемъ.

Порядокъ усвоенія у насъ двойныхъ прозваній объясненъ былъ такъ:

«А въ боярскихъ книгахъ и некакыхъ (нѣкоторыхъ) иныхъ такихъ родословныхъ родовъ двѣмя прозваніями написаны многіе, и написаны такіе роды прежь своимъ прозваніемъ, которыми сами повелись слыть, а послѣ того другимъ прозваніемъ, отъ которыхъ родовъ роды ихъ повелись».

XIII.

Хотя у насъ и не существовало никогда имѣвшаго незыблемую силу такъ называемаго «салическаго» закона, по которому женщины и ихъ потомство безусловно отстранялись отъ престолонаслѣдія, но такой уставъ дѣйствовалъ на Руси самъ по себѣ. У насъ не было феодальнаго дворянства, а было только служилое сословіе; служить же могъ только мужчина, потому и представителемъ служилаго рода могло быть лицо только мужскаго, а не женскаго рода. Такое же понятіе распространилось и на понятіе о княжеской власти, которая не могла передаваться по женскому колѣну. Такъ, ни

одно изъ русскихъ княженій не перешло во владѣніе къ кому-либо по женскому колѣну, тогда какъ въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, гдѣ не было салическаго закона, и герцогства, и княженія, и даже королевства переходили по этому колѣну.

Что же касается дворянства на Западѣ, то тамъ «фьефы» могли доставаться въ наслѣдство такимъ же путемъ, съ ихъ названіемъ, причемъ названіе «фьефа» обращалось въ фамилію новаго владѣльца фьефа, хотя бы онъ и наслѣдовалъ его по матери, бабкѣ, прабабкѣ и т. д. Хотя съ 1399 года короли французскіе, а нѣсколько позднѣе и другіе западно-европейскіе государи начали жаловать дворянское достоинство, а потомъ и почетные титулы безъ соответствующихъ этому достоинству и почетнымъ титуламъ помѣстій, но давнишній взглядъ на Западѣ на дворянство, установившійся въ томъ смыслѣ, что каждый дворянинъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и поземельный владѣлецъ, держался еще очень долго. Вслѣдствіе этого во Франціи и въ Германіи къ новымъ дворянскимъ фамиліямъ постоянно прибавлялись частички:

въ первой «de», а во второй «von», долженствовавшія указывать, что лицо, употреблявшее ее, есть владѣлецъ какой-либо дворянской собственности. Разумѣется, что это вело къ разнымъ смѣшнымъ сочетаніямъ: такъ, какой нибудь Шапо, получившій дворянство, дѣлался де-Шапо, т. е. оказывался владѣльцемъ шляпы, или, смотря по его родовому прозвищу, владѣльцемъ какого нибудь другого обиходнаго предмета или качества тѣлеснаго или душевнаго.

Въ Россіи былъ однажды подобный случай. За усердіе на пользу австрійской арміи въ 1813 году одинъ русскій купецъ Филимоновъ получилъ отъ австрійскаго императора дворянское достоинство и сталъ писаться и именоваться совершенно законно фонъ-Филимоновымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывалось, что онъ владѣлъ самимъ собою. У насъ существуетъ обычай на визитныхъ карточкахъ, заготовляемыхъ очень часто на французскомъ языкѣ, прибавлять къ русской фамиліи частичку «de», но собственно такая прибавка не имѣетъ для русскихъ рѣшительно никакого смысла и можетъ имѣть развѣ значеніе заграницей, какъ указа-

ніе на званіе вояжирующей особы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ способѣ облагороживанія можетъ происходить и переименка фамилій; такъ, наприимѣръ, Ивановъ обратится въ Диванова и т. д.

Въ противоположность тому, что мы сказали о передачѣ фамилій на Западѣ, у насъ выдвинуто было совершенно иное начало по поземельному владѣнію, а именно, что «сестра и дочь не вотчичи», а такъ какъ вотчиннымъ правомъ опредѣлялись у насъ продолженіе и связь рода, то и передача родоваго прозванія, выражавшая такое продолженіе и такую связь, казалась неумѣстной, такъ какъ, съ пресѣченіемъ мужскаго колѣна, пресѣкалось вотчинное право, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, пресѣкался и родъ. Законодательство московской поры допустило, однако, въ особомъ указѣ царя Михаила Федоровича, а потомъ и въ «Уложеніи», переходъ вотчинъ по женскому колѣну, но передача фамиліальныхъ прозваній по этому колѣну даже въ исходѣ XVI столѣтія у насъ еще не устанавливалась. Только Петръ I завелъ такую новизну, дозволивъ въ первый разъ князю Друцкому-Соколинскому

принять фамилію его тестя Ромейко-Гурко. Изданіе Петромъ закона о правѣ наследованія недвижимаго родоваго имущества однимъ только изъ сыновей владѣльца могло бы повести въ нѣкоторыхъ случаяхъ и къ наследственной, вмѣстѣ съ заповѣднымъ имѣніемъ, передачѣ родовыхъ прозваній, но законъ этотъ существовалъ столь непродолжительное время, что дѣйствіе его въ подобныхъ случаяхъ осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Въ настоящее время относительно усыновленія съ передачею родоваго прозванія существуютъ такія правила: дворянамъ, не имѣющимъ ни потомковъ, ни сродниковъ мужескаго пола той же фамиліи, дозволяется, для возобновленія оной, усыновлять своихъ законорожденныхъ родственниковъ для передачи имъ при жизни своей фамиліи и герба или присовокупленіемъ оныхъ къ ихъ фамиліи и гербу. Такое усыновленіе производится не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Усыновлять же представляется не только одного, но и нѣсколькихъ съ присовокупленіемъ имъ всѣмъ фамиліи усыновляющаго. Кромѣ того, дозволяется безпотом-

ственнымъ дворянамъ передавать съ Высочайшаго разрѣшенія фамилію мужу одной изъ родственницъ ихъ фамилій.

XIV.

У насъ въ Россіи — какъ это, впрочемъ, водится и въ другихъ странахъ — названія городовъ и поселковъ имѣютъ весьма часто связь съ родовыми прозваніями. Хотя въ настоящее время въ Россіи очень мало городовъ, которые заимствовали бы свое имя отъ чьего-либо родоваго прозвища, но за то найдется не мало сельскихъ поселеній, получившихъ свои имена отъ родовыхъ прозваній ихъ основателей или владѣльцевъ, причемъ имена эти даются обыкновенно съ окончаніями на «во» или «но», или въ особо-уменьшительномъ видѣ съ окончаніемъ на «ка». Особенно часто встрѣчается это въ Малороссіи, гдѣ такъ называемыя слободки получили свои имена отъ родоваго прозвища тѣхъ, кто «осадилъ» ихъ, напримѣръ Кочубеевка, Гамалѣевка и т. д.

Въ городахъ улицы, переулки, площади, са-

ды, бульвары, скверы, рынки и разныя урочища носятъ иногда названія отъ родовыхъ прозвищъ тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ они были даны, или которыя имѣли какое либо къ нимъ отношеніе. Мы уже упомянули о происхожденіи названія Гороховой улицы въ Петербургѣ, а теперь укажемъ на другую мѣстность въ этомъ же городѣ, носящую названіе, полученное отъ искаженнаго на русскій ладъ иностраннаго прозвища. Въ чертѣ Петербурга находится островъ Голодай, и такое названіе очень кстати подходитъ къ этой пустынной и печальной мѣстности. Между тѣмъ онъ получилъ свое названіе отъ фамиліи одного англійскаго негодіанта Голлидея, имѣвшаго когда-то на этомъ островѣ какую-то фабрику или заводъ. Такъ какъ англійское слово Holliday означаетъ воскресенье или праздникъ, то было бы болѣе правильнымъ русское названіе Воскресенскій или Праздничный.

Не мало родовыхъ прозваній присоединено было у насъ къ учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ, какъ-то лицеи: Ришельевскій, князя Безбородки, Демидова, рисовальная

школа графа Строгонова и такая же школа барона Штиглица и т. д.

Изъ благотворительныхъ учрежденій у насъ имѣются: Голицынская больница, Страннопріимные дома графа Шереметева въ Москвѣ и Таранова-Бѣлозерова въ Одессѣ, Хлюстинскія богоугодныя заведенія въ Калугѣ и т. д.

Въ средѣ научныхъ учрежденій у насъ существуютъ: Румянецевскій музей, залы: Ларинская и барона Корфа въ публичной библіотекѣ; преміи Демидова, графа Уварова, Жуковскаго и Пушкина. Въ минералогіи и ботаникѣ нѣкоторые минералы и растенія названы родовыми русскими прозвищами въ честь Разумовскаго и Уварова. Есть и медицинскія снадобья съ такими же прозвищами, напримѣръ, Бестужевскія капли и глазная примочка Буяльскаго. Былъ Жуковъ табакъ, а нынѣ существуютъ Ланинскія шипучія воды.

Нѣкоторые историческіе промежутки времени отмѣчены у насъ именами главныхъ дѣятелей той или другой поры, но употребленные въ этихъ случаяхъ родовыя прозвища, какъ нарочно, возбуждаютъ прискорбныя воспоминанія,

какъ-то: Бироновщина, Пугачевщина и Аракчеевщина.

Въ русскихъ народныхъ поговоркахъ или поговорахъ родовыя прозвища вовсе не встрѣчаются, за исключеніемъ развѣ смолкающей нынѣ поговорки: «на шереметьевскій счетъ».

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать объ употребленіи вымышляемыхъ у насъ родовыхъ прозваній, встрѣчающихся въ романахъ, повѣстяхъ, рассказахъ, драмахъ и комедіяхъ. Они до нѣкоторой степени даютъ понятіе если не о направленіи, то о настроеніи русской изящной словесности. Когда словесность наша считала себя главнымъ образомъ наставницею общественной нравственности и обличительницею личныхъ и общественныхъ пороковъ, то на страницахъ литературныхъ произведеній являлись родовыя прозвища, въ видѣ ярлыковъ, опредѣлявшихъ характеръ личностей. Такъ явились Честоны, Здравосуды, Правдины, Скотинины и т. д. Даже Грибоѣдовъ «въ Горѣ отъ ума» придалъ дѣйствующимъ въ ней лицамъ прозванія, намекающія на ихъ свойства: Молчалинъ, Скалозубъ, Фамусовъ (*famosus*), Тугоуховскій и другіе.

Когда впоследствии русскіе романы, повѣсти и драмы приняли великосвѣтскій оттѣнокъ — хотя большею частію и поддѣльный, — то дѣйствующимъ въ нихъ лицамъ, предназначеннымъ быть героями и героинями, стали придавать самыя звучныя родовыя прозванія съ титулами князей и графинь.

Пушкинъ отличался простотою въ подборѣ даваемыхъ имъ родовыхъ прозвищъ и главный герой его прозывался Онѣгинъ. Лермонтовъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ примѣру Пушкина и прозвалъ своего героя Печоринымъ, такъ что въ обоихъ этихъ случаяхъ прозванія были заимствованы отъ названія рѣкъ. Чрезвычайно удачными отчасти по звукамъ, а отчасти по корнямъ словъ были прозванія, даваемые Гоголемъ, какъ, на примѣръ, Чичиковъ, Маниловъ, Хлестаковъ, Собакевичъ, Ноздревъ, Плюшкинъ, не говоря уже о такихъ прямо-смѣшныхъ прозваніяхъ, какъ, на примѣръ, Держиморда.

Когда впоследствии литература наша стала освобождаться отъ прежнихъ великосвѣтскихъ замашекъ, родовыя прозванія начали въ ней все болѣе упрощаться, и въ ней стали появляться,

даже при романической своего рода закваскѣ, но въ сущности при реальной обстановкѣ, Ремнищевы, Кнутищевы и тому подобныя, что, конечно, гораздо болѣе соответствовало дѣйствительности русской жизни, чѣмъ благозвучныя родовыя прозвища великосвѣтскихъ героевъ и героинь.

XV.

Въ былое время въ той части русскихъ, гдѣ иностранныя слова были не въ употребленіи, латинскому слову «familia» не придавали еще значенія родоваго прозванія, но только значеніе «семейства». По поводу этого ходилъ когда-то такой анекдотъ, а можетъ это случилось и въ дѣйствительности. Рассказывали, что когда императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ какой-то губернской городъ и ему представлялись тамошніе почетные купцы, то онъ къ одному изъ нихъ обратился съ отрывистымъ вопросомъ: «твоя фамилія?» — «Дома осталась, ваше императорское величество», отвѣчалъ осчастливленный такимъ вопросомъ купецъ, по-

лагая, что государю угодно было спросить объ его семействѣ.

Въ законодательномъ же смыслѣ слово «фамилія» было у насъ объяснено такимъ образомъ по слѣдующему случаю.

Въ 1818 году представлено было на засвидѣтельствованіе духовное завѣщаніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Г. Р. Державина; по завѣщанію этому онъ отдалъ, между прочимъ, родовое свое имѣніе племяннику своему Миллеру. Сенатъ, разсматривавшій дѣло, возникшее по поводу этого завѣщанія, призналъ распоряженіе бывшаго министра юстиціи противнымъ указу 23-го марта 1714 года, находя, что упомянутый указъ дозволяетъ бездѣтному владельцу отдавать свое родовое имѣніе одной только «фамиліи» своей, кому захочетъ, а между тѣмъ Миллеръ къ «фамиліи» Державина не принадлежитъ.

За разногласіемъ въ Сенатѣ дѣло это перешло въ Государственный Совѣтъ, который нашелъ, что подъ словомъ «фамилія» нельзя понимать иначе, какъ «семья», «родъ» (familia), а не прозвище (nomen). При этомъ Государ-

ственный Совѣтъ, ссылаясь на то, что по закону 1714 года бездѣтный волею отдать свое имущество, за неимѣніемъ мужской линіи, одной изъ своихъ родственницъ, которыя могутъ быть совсѣмъ другого прозванія, ибо дозволяетъ отдавать имѣнія дѣвицамъ, слѣдовательно племянницамъ отъ замужней сестры и даже вдовамъ, которыя, по силѣ того же указа, могутъ сохранить имѣніе при себѣ, если женихи ихъ не захотятъ принять прозваніе или имя завѣщателя, которое нынѣ, по неправильному употребленію иностраннаго реченія, понимается иными подъ словомъ «фамилія», «Миллеръ — говоритъ въ заключеніе Государственный Совѣтъ — долженъ быть признанъ принадлежащимъ къ роду Державина, хотя и не носитъ его фамиліи и принять ее не обязанъ».

Разсматривая вообще законы, существующіе у насъ относительно родовыхъ прозваній, замѣтимъ, что сверхъ узаконенія, входящаго въ «Уложеніе о наказаніяхъ», относительно присвоенія кѣмъ-либо не принадлежащей ему фамиліи и закона объ усыновленіи съ передачею фамиліи усыновляемому, у насъ касательно ро-

довыхъ прозваній не существуетъ ни общихъ, ни частныхъ узаконеній даже въ отношеніи дворянства. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ только одни евреи, которымъ — и то лишь съ недавняго времени — воспрещено перемѣнять тѣ фамильныя прозвища, которыя они носили до обращенія въ христіанство. Существуютъ также нѣкоторыя правила о переходѣ, такъ называемыхъ, заповѣдныхъ имѣній вмѣстѣ съ фамиліями ихъ учредителей, если лица, получающія эти имѣнія, не однофамильцы учредителей. При отсутствіи насчетъ фамилій какихъ-либо положительныхъ узаконеній, каждое дѣло объ измѣненіи ихъ, о передачѣ ихъ другимъ лицамъ или о присоединеніи къ прежней фамиліи новой восходитъ на Высочайшее усмотрѣніе, и изъ нѣкоторыхъ подобнаго рода случаевъ видно, что такой порядокъ соблюдается не только въ отношеніи лицъ изъ такъ называемыхъ привилегированныхъ, но и другихъ сословій. Въ дополненіе къ этому скажемъ, что въ 1675 году изданъ былъ такой царскій указъ: «кто въ своемъ челобитѣѣ напишетъ «въ чьемъ либо имени или прозвищѣ, не зная правописа-

нія, вмѣсто «о», «а» или вмѣсто «а», «о», или вмѣсто «ъ», «ь», или вмѣсто «ѣ», «е», или вмѣсто «и», «і» или иныя въ письмахъ нарѣчія, по природѣ тѣхъ народовъ, въ которыхъ кто родился, того въ безчестье не ставить и судовъ въ томъ не давать и не розыскивать».

Послѣ Петра I до императора Павла не было у насъ ни одного случая передачи родоваго по женскому колѣну прозванія. Императоръ Павелъ приказалъ начать составленіе Общаго гербовника дворянскихъ родовъ Всероссійской имперіи. Онъ жаловалъ почетные титулы, начиная отъ барона и до свѣтлѣйшаго князя, и повелѣлъ одному изъ своихъ любимцевъ, генералу Ладыженскому, какъ потомку по женскому колѣну князей Ромодановскихъ, принять потомственно эту знаменитую фамилію не только съ княжескимъ титуломъ и съ родовымъ гербомъ, но и съ предоставленнымъ князю-кесарю Ромодановскому правомъ употреблять придворную ливрею. Такимъ образомъ, здѣсь на европейскій совершенно ладъ появилась «субституція» или подставка одной угасшей фамиліи другою, представители которой

происходятъ отъ первой по женскому колѣну. Съ этого времени въ каждое царствованіе случалась болѣе или менѣе частая передача пресѣкшихся въ мужскихъ представителяхъ титулованныхъ и вообще дворянскихъ фамилій. Такъ, одному изъ Глѣбовыхъ передана была знаменитая нѣкогда, — родственная царскому дому, — боярская фамилія Стрѣшневыхъ, которая потомъ, по браку одной изъ Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ, должна была бы перейти къ нѣмецкой дворянской фамиліи фонъ-Бревернъ, но такъ какъ дочь Бреверна отъ упомянутаго брака вышла замужъ за князя Шаховскаго, то къ нему и перешла фамилія Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ. Два раза въ одинъ и тотъ же родъ дворянъ Корсаковыхъ была передаваема фамилія князей или собственно калмыцкихъ хановъ Дондуковыхъ. Фамилія графовъ Остермановъ съ графскимъ титуломъ перешла сперва къ одному изъ дворянъ Толстыхъ, а потомъ къ одному изъ князей Голицыныхъ. Къ одному изъ князей же Голицыныхъ перешла фамилія князей Прозоровскихъ, а къ одному изъ Демидовыхъ фамилія князей Лопухиныхъ съ пожалованнымъ П. В.

Лопухину титуломъ свѣтлости. Были еще и слѣдующія передачи фамилій: князю Оболенскому фамиліи Нелединскихъ-Мелецкихъ; Глинкѣ — Мавриныхъ; Шубину — Поздѣевыхъ; князей Дашковыхъ, безъ княжескаго титула, графу Воронцову; Толстому, внуку фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, была передана, съ отступленіемъ отъ общаго правила, только родовая фамилія фельдмаршала, безъ пожалованныхъ ему титуловъ князя и свѣтлости и наименованія «Смоленскій». Такая ограниченная передача объясняется тѣмъ, что самъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ пожалованъ этими почетными титулами только лично, безъ распространенія ихъ на потомство. Фамилія князя Барклая-де-Толли перешла къ одному изъ Веймарновъ, а другому представителю этой послѣдней фамиліи перешли фамилія и титулъ графа Лидерса. Фамилія и титулъ графа Сумарокова перешли къ Эльстону, графа Коцебу — къ барону Пилларъ-фонъ-Пильхау, князя же Воронцова — къ одному изъ графовъ Шуваловыхъ. Фамилія князей Рѣпниныхъ была передана одному изъ князей Волконскихъ; фамилія

и титуль графа Сперанскаго — князю Кантакузену, а графа Безбородко — графу Кушелеву. Къ одному изъ сыновей донскаго генерала Орлова перешли сперва фамилія и графскій титуль, пожалованный Павломъ I донскому атаману Денисову, а потомъ къ одному изъ его внуковъ перешли фамилія и титуль графа Никитина; къ одному изъ Давыдовыхъ перешла фамилія графовъ Орловыхъ.

Въ прежнее время передача угасшей фамиліи и соединеннаго съ нею титула распространялась на все мужское и женское потомство лица, получавшаго ихъ, но теперь такая передача ограничивается предоставленіемъ права носить переданныя фамиліи и титуль только одному старшему въ родѣ. Такъ было установлено при передачѣ разныхъ фамилій, а, между прочимъ, при передачѣ Маслову фамиліи князей Одоевскихъ, но за то былъ допущенъ болѣе широкій способъ такой передачи. Такъ, пожалованный извѣстному нѣкогда кавказскому генералу Евдокимову графскій титуль, вмѣстѣ съ его фамиліей, былъ переданъ мужу племянницы его жены, нѣкому Доливо-Добровольскому.

Кромѣ передачи фамилій по женскому колѣну и даже, какъ мы видѣли, по свойству, допускается у насъ и передача титула племянникамъ по мужскому колѣну; такъ, наприимѣръ, графскіе титулы Бенкендорфа, Ридигера и Киселева предоставлены были, по ихъ бездѣтности, ихъ роднымъ племянникамъ — однофамильцамъ, а графскій титулъ, пожалованный извѣстному генералу Милорадовичу, былъ переданъ одному изъ его родственниковъ и однофамильцевъ.

XVI.

Въ другихъ славянскихъ странахъ не существовало обычая, и донынѣ не существуетъ его, передавать родовыя прозванія по женскому колѣну. Въ Польшѣ до такой степени уклонялись отъ подобной передачи, что даже самые именитѣйшіе и богатѣйшіе магнаты никогда не рѣшались продолжать свой родъ такимъ способомъ. Нынѣшніе поляки, находящіеся въ подданствѣ Россіи, Австріи и Пруссіи, — насколько намъ извѣстно, — не измѣнили этому стародавнему обы-

чаю. Въ этомъ отношеніи они твердо держатся старины, такъ какъ даже учредители «ординацій», т. е. нераздѣльныхъ громадныхъ имѣній съ условіемъ перехода ихъ къ старшему въ родѣ, ограничивали этотъ переходъ лишь мужскимъ поколѣніемъ. Учрежденіе въ Польшѣ ординацій восходитъ къ концу XV столѣтія, но затѣмъ въ продолженіе болѣе ста лѣтъ переходимости ординацій поженскому колѣну не устанавливалось. При учрежденіи всѣхъ ординацій, а, между прочимъ, и двухъ самыхъ главныхъ радзивилловскихъ ординацій — одной олыкской, соединенной съ герцогскимъ титуломъ, а другой несвижской — было оговариваемо, что обѣ эти ординаціи по женскому колѣну не переходятъ. Только въ 1591 году, при учрежденіи такъ называемой «пинчовской» ординаціи Петромъ и Сигизмундомъ Мышковскими, было постановлено, что ординація эта переходитъ и по женскому колѣну, причемъ то лицо, къ которому она перейдетъ такимъ путемъ, обязано будетъ присоединить къ своей родовой фамиліи и фамилію Мышковскихъ. Такое распоряженіе учредителей названной ординаціи было нару-

шеніемъ польскихъ обычаевъ, и оно объясняется тѣмъ, что Мышковскіе, нося полученный ими изъ-чужа, не употреблявшійся-вовсе въ Польшѣ титулъ маркграфовъ или маркизовъ, отдались уже тѣмъ самымъ отъ преданій польской шляхты и слѣдовали иноземнымъ уставамъ. Впослѣдствіи пинчовская ординація перешла по женскому колѣну къ Велепольскимъ, предки которыхъ были краковскіе райцы или мѣщане нѣмецкаго происхожденія и назывались Бокнары. Теперь же старшій въ родѣ Велепольскихъ, владѣлецъ ординаціи, именуется: графъ Велепольскій, маркизъ Гонзаго-Мышковскій.

Хотя въ 1609 году, при учрежденіи знаменитой острожской ординаціи, сблизившей впоследствии Россію съ мальтійскимъ рыцарскимъ орденомъ, и допущенъ былъ переходъ этой ординаціи къ потомкамъ ея основателя, князя Януша Острожскаго, и по женскому колѣну, но, все-таки, пресѣкшейся фамиліи князей Острожскихъ, несмотря на всю ея извѣстность, не носили послѣдующіе владѣтели ординаціи — князья Сангушки.

Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пред-

стояло пресѣченіе какой-нибудь шляхетской или магнатской фамилии въ нисходящемъ, прямомъ мужскомъ поколѣніи, крайне опечаленный этимъ представитель угасавшаго рода розыскивалъ всюду своихъ однофамильцевъ, и какъ бы такая обрѣтенная имъ личность ни была бѣдна и ничтожна, и какъ бы ни былъ онъ плоховатъ самъ по себѣ, — самый знатный магнатъ охотно выдавалъ за него свою дочь, чтобы въ лицѣ этого родича продолжать свое фамильное прозваніе. Разказы о подобныхъ бракахъ часто составляютъ преданіе нѣкоторыхъ болѣе или менѣе знатныхъ польскихъ фамилій.

У чеховъ, сербовъ и у другихъ славянскихъ народовъ и нынѣ родъ считается совершенно пресѣкшимся, если нѣтъ болѣе въ живыхъ его мужскихъ представителей; и если нѣкоторыя, напр., чешскія фамиліи перешли въ другіе роды, то это состоялось подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, въ отступленіе отъ кореннаго славянскаго обычая.

XVII.

Намъ не привелось встрѣтить ни одного такого случая, который бы показывалъ, что въ старинной Руси употреблялись родовыя прозванія, переведенныя съ какого либо иностраннаго языка на русскій. Въ Польшѣ подобные случаи бывали, хотя, впрочемъ, и очень рѣдко. Такъ, извѣстная нѣмецкая фамилія фонъ - Гуттенъ, происходящая отъ нѣмецкаго слова *Hutt* — шапка, была переведена тамъ Чапскій, и представители этой фамиліи графы Чапскіе стали только въ недавнее время снова писаться своимъ прежнимъ нѣмецкимъ прозваніемъ, т. е. Гуттенъ-Чапскій. Одна французская фамилія Граммонъ была переведена по-польски Вельгорскій—словами, имѣющими значеніе «большая гора». Другая нѣмецкая фамилія Унруэ—«непокой» была переведена — Непокойчицкій. Замѣчательный странный переводъ на нѣмецкій языкъ французской фамиліи Бетанкуръ, существовавшей да, кажется, еще и теперь существующей въ Россіи. Изъ этой фамиліи происходилъ извѣстный въ началѣ XV столѣтія завоеватель Канар-

скихъ острововъ. Пишется онъ по-французски *Betencouge*, а по-нѣмецки она была переведена «*Vieh im Hof*», откуда и вышла извѣстная въ остзейскомъ краѣ фамилія бароновъ Фитингофовъ.

Подъ вліяніемъ латинскаго языка въ Германіи въ исходѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій завелся среди тамошнихъ ученыхъ обычай переводить нѣмецкія фамиліи на классическіе языки. Вслѣдствіе этого между нѣмцами встрѣчаются: *Sartorius*, собственно переводъ слова *Schneider*, такъ какъ оба эти слова значатъ портной, или *Piscator* — переводъ фамиліи *Fischer*, т. е. рыбакъ. Фамилія, которую посиль извѣстный другъ Лютера Меланхтонъ, т. е. «черная земля», была переводъ его нѣмецкой фамиліи *Schwarzerde*. Замѣтимъ кстати, что между учеными, преимущественно же между лютеранскими пасторами, относительно присвоенія себѣ родоваго прозванія завелся еще и другой обычай. Для составленія такого прозванія очень часто служило крестное имя отца на латинскомъ языкѣ, употребленное въ родительномъ падежѣ. При семъ подразумѣвалось слово «*filius*» —

сынъ. Поэтому такія фамиліи самымъ ближайшимъ образомъ совпадаютъ съ русскимъ отчествомъ. По этой причинѣ среди нѣмцевъ встрѣчается такое множество фамилій: Арнольди, Фредерици, Якоби, Вильгельми, Христіани, Маттеи и т. д., что, въ сущности, значитъ сынъ Фридриха, Якова, Вильгельма, Христіана, Матвѣя и т. д. Въ Швеціи ученые и духовныя лица прибавляли къ своимъ недворянскимъ прозваніямъ латинское окончаніе «ius». Такъ, напримѣръ, предокъ нынѣшнихъ русскихъ графовъ Адлерберговъ былъ пасторъ Свибеліусъ, достигшій впоследствіи званія епископа унсальскаго, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавшійся и примасомъ королевства шведскаго. Такъ какъ въ Швеціи существуетъ обычай, при возведеніи въ дворянство, или нѣсколько измѣнить прежнее прозваніе, или замѣнить его совершенно новымъ, то въ концѣ XVII столѣтія сыновья епископа Свибеліуса, при полученіи ими дворянства отъ короля Карла X, приняли фамилію Адлербергъ. Въ Россіи въ недавнее время былъ одинъ переводъ нѣмецкой фамиліи на русскій языкъ. Извѣстный нашъ грамматикъ Востоковъ,

чистокровный нѣмецъ, носилъ родовое прозваніе Остенекъ, но такъ какъ нѣмецкое его прозвище не согласовалось съ его занятіемъ, — учить русскихъ ихъ родному языку, — то нѣмецъ Остенекъ и обратился въ русскаго — въ Востокова.

XVIII.

Кромѣ тѣхъ условій, при которыхъ, какъ мы видѣли, составились у насъ въ старину нѣкоторыя двойныя фамиліи, и кромѣ перехода нѣкоторыхъ изъ пресѣкшихся въ мужскомъ представительствѣ фамилій по женскому колѣну, у насъ явились двойныя фамиліи еще и на другихъ основаніяхъ и по другимъ поводамъ. Такъ, нѣсколько фамилій были пожалованы у насъ въ видѣ особой, чрезвычайно почетной награды, что было заведено въ подражаніе римлянамъ, у которыхъ побѣдитель какой либо страны или народа получалъ прозваніе, заимствованное отъ имени тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ прославился своими побѣдами. Такое подражаніе римлянамъ было впервые примѣнено у насъ Екатериною II къ

графу Алексѣю Орлову, который за одержанную имъ при Чесмѣ надъ турецкимъ флотомъ побѣду получилъ наименованіе — Чесменскій. Отъ Екатерины II получили такія же почетныя прозванія: Румянцевъ, за переходъ черезъ Дунай — Задунайскаго; Суворовъ, за побѣду при Рымникѣ — Рымникскаго; князь Долгоруковъ, за покореніе Крыма — Крымскаго и Потемкинъ, за присоединеніе къ Россіи Тавриды — Таврическаго. Императоръ Александръ I, за побѣды въ 1812 году русской арміи въ предѣлахъ Смоленской губерніи, прибавилъ къ родовой фамиліи предводительствовавшего ею генераль-фельдмаршала Голенищева-Кутузова наименованіе Смоленскій. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ фельдмаршалу Дибичу, за переходъ за Балканы — наименованіе Забалканскій, а Паскевичу, за взятіе Эривани — Эриванскій. Последнее подобнаго рода пожалованіе было при императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, который прибавилъ къ фамиліи генераль-адъютанта Муравьева наименованіе Амурскій, въ память присоединенія имъ къ Россіи Амурскаго края. Придача такихъ почетныхъ названій со-

провождалась въ бѣльшей части случаевъ съ пожалованіемъ графскаго или княжескаго титула, и она обращалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ родовое потомственное прозваніе.

Кромѣ того, были у насъ два особые случая придачи второй новой фамиліи съ княжескимъ титуломъ. Такъ, императоръ Павелъ наименовалъ графа Суворова-Рымникскаго княземъ Италійскимъ, а императоръ Николай Павловичъ графа Паскевича-Эриванскаго — княземъ Варшавскимъ.

Пожалованіе почетныхъ прозваній, вродѣ приведенныхъ нами, допускается, хотя и чрезвычайно рѣдко, въ Пруссіи. Такъ, тамъ фельд-маршалъ Блюхеръ получилъ наименованіе Вальдштадтскаго, а генералъ Бюловъ — Денневицкаго, т. е. von Waldstadt и von Dennewitz.

Наполеонъ I чрезвычайно любилъ пожалованія почетныхъ фамилій, и всѣ его маршалы имѣли почетныя прозванія, заимствованныя отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они отличились воинскими подвигами. Такая же награда съ титулами была даваема и нѣкоторымъ лицамъ изъ гражданскихъ сановниковъ, причемъ такія прозванія

брались произвольно, какъ, напримѣръ, Фуше герцогъ д'Отрантъ, Маре дюкъ - де - Фельтръ. Между прозваніями маршаловъ было и прозваніе «de la Moscou», предоставленное маршалу Нею съ княжескимъ титуломъ. Наполеонъ III далъ, между прочимъ, почетное прозваніе Малакофъ маршалу Пелисье, за взятіе подъ Севастополемъ Малахова кургана, и даже китайское прозвище «Паликао» генералу Кузэнъ-де-Монтобану, за его блестящія дѣйствія въ предѣлахъ Китайской имперіи.

Какъ на особые случаи придачи въ Россіи новыхъ фамилій, укажемъ на слѣдующіе: нѣкоему Свѣчину итальянскій князь Торремуза, — не владѣтельный — двоюродный братъ его жены — «уступилъ» одну изъ своихъ фамилій — итальянскую фамилію Гальяни съ титуломъ графа, и императоръ Александръ Павловичъ дозволилъ этому Свѣчину именоваться графомъ Свѣчнымъ-Гальяни. Король итальянскій Викторъ-Эммануилъ предоставилъ одному изъ Демидовыхъ фамилію Санъ-Донато съ титуломъ князя, и г. Демидову дозволено было пользоваться этимъ титуломъ, но не считаясь русскимъ княземъ.

Крестянину Костромской губернии Коммиссарову, при возведеніи его за спасеніе жизни покойнаго Государа въ дворянское достоинство, къ его прежнему крестянскому прозвищу была прибавлена, по мѣсту его рожденія въ Костромской губернии, фамилія Костромской. Къ фамиліи одного англичанина — Шервудъ было за открытіе имъ заговора декабристовъ пожаловано прозваніе «Вѣрный».

Извѣстно, что одинъ бельгіецъ, по фамиліи Вилэнъ, желая выразить свое удивленіе къ необыкновеннымъ личнымъ достоинствамъ короля французскаго Людовика XIV, попросилъ у него дозволенія прибавить къ своей фамиліи цифру XIV. Король согласился на такую просьбу, и потомки этого бельгійца выставляютъ при своемъ родовомъ прозваніи цифру XIV.

У насъ въ Россіи былъ случай, очень схожій съ этимъ случаемъ. Императоръ Павелъ Петровичъ построилъ Михайловскій замокъ и ему доставляла удовольствіе похвала новопостроенному дворцу. Объ этомъ провѣдалъ одинъ изъ директоровъ государственнаго банка, статскій совѣтникъ Данилевскій. Пользуясь настроеніемъ

императора и желая обратить на себя его высочайшее вниманіе, онъ написалъ императору, что, восхищаясь безпредѣльно «Михайловскимъ» замкомъ, онъ, Данилевскій, дерзаетъ всеподданнѣйше просить его величество о дозволеніи въ ознаменованіе этого прибавить ему, Данилевскому, къ родовому его прозванію фамилію Михайловскій. Павелъ Петровичъ удовлетворилъ эту просьбу, выразивъ просителю свое благоволеніе. Этотъ Михайловскій-Данилевскій былъ отцомъ извѣстнаго нашего военнаго историка, котораго, однако, неправильно называли Михайловскій, такъ какъ собственно онъ, по происхожденію своей прибавочной фамиліи, долженъ былъ бы именоваться Михайловской.

Говоря о прибавочныхъ фамиліяхъ, укажемъ на одинъ особый случай. Около 1860 г. «казанское литературное общество», занимавшееся въ особенности изслѣдованіемъ средней Азіи, поднесло нѣмецкому ученому Герману Шлягенвейту, за переходъ имъ, какъ путешественникомъ, горнаго хребта Кююлюнь, названіе «Закююлюнскаго», и это почетное названіе было, въ видѣ родовой фамиліи, утверждено за нимъ бавар-

скимъ правительствомъ. Отчего бы другимъ нашимъ ученымъ обществамъ не послѣдовать такому примѣру въ отношеніи нашихъ соотечественниковъ и не наименовать г. Пржевальскаго «Азійскимъ», а, пожалуй, и г. Миклуху-Маклая—«Папуасскимъ».

Въ царствованіе императора Александра Павловича нѣкоторые изъ такъ называвшихся «воспитанниковъ», — питомцевъ лицъ, принадлежавшихъ къ извѣстнымъ русскимъ дворянскимъ, а частью и къ титулованнымъ фамиліямъ, — которые носили особья, данныя имъ прежде прозванія, причислены были, по просьбамъ ихъ воспитателей, къ фамиліямъ этихъ послѣднихъ, съ предоставленіемъ имъ при такомъ причисленіи дворянства, гербовъ и титуловъ, принадлежавшихъ ихъ воспитателямъ.

Въ отношеніи прибавочныхъ фамилій замѣчательнъ при Петрѣ I такой случай. Извѣстному сперва дьяку, а потомъ боярину, бывшему своему наставнику Никитѣ Моисеевичу Зотову, царь далъ загадочную фамилію «Магнусъ Наклеванги». Вѣроятно, тутъ было нѣчто шуточное, но, тѣмъ не менѣе, Зотовъ назывался и

подписывался своею новою фамиліею даже въ государственныхъ актахъ.

Нѣсколько болѣе или менѣе старинныхъ, но неблагозвучныхъ дворянскихъ фамилій были въ разное время, съ высочайшаго разрѣшенія, или измѣнены, или замѣнены другими. То же дѣлалось и дѣлается разными сословными обществами въ отношеніи нѣкоторыхъ родовыхъ, не совсѣмъ приличныхъ прозвищъ, употребляемыхъ ихъ сочленами.

XIX.

На западѣ Европы поводомъ къ возникновенію новыхъ дворянскихъ фамилій служили, между прочимъ, и такъ называемые «морганатическіе» браки. Такое названіе браковъ одни производятъ отъ нѣмецкаго слова «Morgengabe», т. е. отъ того подарка, который мужъ дѣлалъ своей женѣ на другой день свадьбы, а другіе — отъ готскаго слова «morgian», что значитъ: ограничивать. Последнее толкованіе вполнѣ вѣрно, такъ какъ морганатическій бракъ, хотя и считается вполнѣ дѣйствительнымъ, и въ цер-

ковномъ, и въ гражданскомъ отношеніяхъ, и не можетъ быть расторгнутъ на иныхъ основаніяхъ, какъ и всякій законный бракъ, но, тѣмъ не менѣе, фамилныя права супруга, а иногда и супруги, сопровождаются извѣстными ограниченіями для той стороны, которая считается ниже. Въ отношеніи мужей такіе браки бывають чрезвычайно рѣдки, да и въ отношеніи фамилнаго названія остаются совершенно незамѣтны. Что же касается жены, то она, какъ и дѣти, рожденныя отъ морганатическаго брака, не носятъ фамиліи мужа и отца и не пользуются ни его титуломъ, ни его гербомъ, такъ что собственно начинаютъ родъ съ своей матери.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ допускаются такіе браки, женихъ при совершеніи ихъ подаетъ невѣстѣ не правую, какъ это принято, а лѣвую руку. Поводомъ къ заключенію морганатическаго брака служитъ неравное общественное положеніе невѣсты примѣнительно къ положенію, занимаемому женихомъ, т. е. если она считается ниже его въ этомъ отношеніи по своимъ родителямъ. Главнымъ признакомъ такого брака служитъ различіе въ фамилныхъ про-

званіяхъ брачной четы. Морганатическіе браки установлены въ Германіи собственно для лицъ изъ владѣтельныхъ домовъ, но они съ разрѣшенія верховной власти допускаются и для представителей знатныхъ родовъ. Такъ, въ Пруссіи жена короля Фридриха-Вильгельма III, графиня Гаррахъ, носила титулъ и фамилію княгини Лигницъ; жена короля датскаго Христиана IX — графини Даннеръ. Дочь нашего знаменитаго поэта Пушкина, Наталья Александровна, состоящая въ супружествѣ съ герцогомъ Насаусскимъ, получила фамилію графини Меренбергъ. Новыя фамиліи, возникающія при морганатическихъ бракахъ, должны переходить и къ потомству морганатическихъ супруговъ. Такъ, теперь въ Вѣнѣ существуетъ князь Монтенуово, внукъ бывшей эрцгерцогини австрійской, а потомъ вдовы Наполеона I, вступившей во второй бракъ съ графомъ Нейпергомъ. Сыну, рожденному отъ этого брака, дана была упомянутая итальянская фамилія.

Въ старинной Руси морганатическіе браки не существовали, да и не могли установиться въ отношеніи невѣсты даже и во владѣтель-

ныхъ семействахъ, такъ какъ удѣльные и великіе князья, а потомъ и цари постоянно вступали въ супружество съ своими подданными, и при этомъ какъ насчетъ ихъ супруговъ, такъ и рождаемыхъ отъ такихъ браковъ дѣтей, конечно, не устанавливалось уже никакихъ ограниченій.

Петръ Великій хотѣлъ, однако, завести у насъ что-то вродѣ морганатическихъ браковъ, но безъ установленія ихъ закономъ, да и законъ о нихъ не соотвѣтствовалъ бы взгляду Петра, не обращавшаго вниманія на породу. Тѣмъ не менѣе, — неизвѣстно, впрочемъ, по какимъ именно причинамъ и соображеніямъ, — онъ не дозволилъ, чтобы дѣти князя Рѣпина, рожденные отъ законнаго его брака съ какою-то чухонкою, назывались князьями Рѣпинными, но повелѣлъ имъ именоваться Рѣпинскими, безъ княжескаго титула, признавъ ихъ, впрочемъ, дворянами.

И послѣ Петра Великаго морганатическіе браки не установились у насъ даже въ царскомъ домѣ, такъ какъ при готовившихся бракахъ императора Петра II, сперва съ княжною

Меншиковою, а по низверженіи Меншикова, съ княжною Долгоруковою, не устанавлилось никакого ограниченія правъ какъ будущихъ супругъ-императрицъ, такъ равно и потомства, которое произошло бы отъ этихъ браковъ. Мы находимъ даже, что въ упомянутыхъ случаяхъ не оказалось на лицо и тѣхъ особыхъ обычаевъ, какіе существовали прежде. Такъ, при государяхъ московскихъ тесть царскій мѣнялъ свое прежнее крестное имя, а невѣсту царскую нарекали за нѣсколько времени до брака «благовѣрною царевною».

Первый у насъ въ императорской фамиліи морганатическій бракъ былъ бракъ цесаревича Константина Павловича съ польскою графинею Іоанною Грудзинскою, причемъ ей и будущему ея потомству предоставлено было княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и съ фамиліею Ловичъ, отъ имени княжества, принадлежавшаго нѣкогда архіепископамъ гнѣзненскимъ. Впослѣдствіи при бракахъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, князей Романовскихъ, ихъ супругамъ изъ невладѣтельныхъ домовъ и потомкамъ отъ этихъ браковъ была предоставлена

родовая фамилія Ихъ Высочествъ де-Богарне, съ графскимъ титуломъ, замѣнившимъ присвоенный этой весьма древней французской дворянской фамиліи титулъ маркиза.

XX.

Говоря о фамильныхъ прозваніяхъ лицъ женскаго пола, замѣтимъ, что въ юго-западной Руси существовалъ въ XVI вѣкѣ особый обычай. Тамъ дѣвушка, вступая въ бракъ, принимала фамилію мужа, но потомъ очень часто даже въ официальныхъ актахъ именовалась и подписывалась только тѣмъ родовымъ прозваніемъ, которое она носила до своего замужества. Объясненія такой особенности намъ отыскать не удалось.

За изъятіемъ членовъ императорскаго дома, у насъ морганатическіе браки, а слѣдовательно и различія между фамильными именами супруговъ и ихъ дѣтей ни въ какомъ случаѣ не допускаются, такъ какъ жена, какого бы происхожденія она ни была, она и дѣти, рожденныя отъ законнаго съ нею брака, пользуются всѣми

правами, какія вообще истекаютъ изъ брачнаго союза. Только въ случаѣ выхода замужъ дѣвицы или вдовы за лицо низшаго сословія, онѣ сохраняютъ права, предоставленныя имъ по рожденію или по предшествовавшему браку, но и при этомъ прежней своей фамиліи не удерживаютъ.

У насъ по закону не установлено даже правило, существовавшее въ Польшѣ, чтобы замужняя женщина или вдова при составленіи какихъ-либо оффиціальныхъ актовъ именовалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и своею прежнею родою фамиліею. Такое означеніе предоставлено у насъ на волю каждой, но вообще оно у насъ не принято, за исключеніемъ визитныхъ карточекъ и надгробныхъ памятниковъ. Впрочемъ, у насъ былъ только одинъ случай, гдѣ жена постоянно отличалась не по фамиліи, однако, но по прирожденному ей титулу. Такъ, принцесса Гольштейнъ-Бекская, бывшая въ супружествѣ за княземъ Барятинскимъ, дѣдомъ покойнаго фельдмаршала, писалась сама и ее именовали не княгинею, а «принцессою» Барятинскою.

Въ заключеніе этой главы мы скажемъ о фамиліяхъ тѣхъ, которые, по дѣйствующимъ у насъ законамъ, обречены являться въ міръ безъ всякаго права на какое-либо родовое прозваніе — о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Обыкновенно прозваніе въ видѣ родовой фамиліи дается имъ по имени крестнаго отца или по имени матери. Въ дворянскихъ же фамиліяхъ очень часто присвоивается, при запискѣ незаконныхъ дѣтей въ метрическія книги, родовое прозваніе ихъ отца, но съ отброскою первой буквы или перваго слога. Такъ, побочный сынъ фельдмаршала Румянцева назывался Умянцовымъ и носилъ титулъ барона, пожалованный ему королемъ польскимъ. Другой сынъ фельдмаршала Румянцева, въ воспоминаніе одной изъ побѣдъ, одержанныхъ его отцомъ, былъ названъ Кагульскимъ. Одинъ изъ побочныхъ сыновей фельдмаршала князя Рѣпина имѣлъ фамилію Пнинъ. Онъ былъ въ свое время довольно извѣстный литераторъ. Въ особенности обратила на себя вниманіе его статья объ участи незаконныхъ дѣтей. Въ ней краснорѣчиво и трогательно высказалъ онъ все то, что ему самому

пришлось перечувствовать при его ложномъ положеніи. Графъ Орловъ-Чесменскій далъ своему побочному сыну въ видъ фамиліи пожалованное ему, Орлову, наименованіе Чесменскій. Князь Безбородко далъ побочной своей дочери фамилію Верецкая, по названію первой деревни, пожалованной ему Екатериною II. Есть у насъ, между прочимъ, и одна обязательная для незаконнорожденныхъ дѣтей фамилія—Гомбурцовъ. Ее должны присвоивать тѣмъ малюткамъ, которые воспитываются въ Воспитательномъ домѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ 10,000 р., пожертвованныхъ принцессою Анастасіею Ивановною Гессенъ-Гомбургскою, женою фельдмаршала русской службы въ половинѣ прошлаго столѣтія, рожденною княжною Трубецкою. Правило относительно дачи такого прозванія въ память фамиліи жертвовательницы было установлено ею самою въ честь фамиліи ея мужа «Гомбургъ». Независимо отъ этого, подобныя дѣти получаютъ нерѣдко родовыя фамиліи своихъ отцовъ, если съ этими фамиліями не соединены почетныя титулы, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ родители, пользующіеся титуломъ, не

имѣютъ повода предъявлять притязанія на причисленіе къ ихъ роду лица, не имѣющаго на это права по своему происхожденію. Подобнаго рода щекотливыя притязанія устраняются легко и въ тѣхъ еще случаяхъ, когда отецъ, имѣющій двѣ родовыя фамиліи, даетъ побочнымъ своимъ дѣтямъ только одну изъ нихъ, или, наконецъ, тѣмъ, что, передавая имъ свою настоящую фамилію, прибавляетъ къ ней еще какую-либо другую фамилію. Въ простонародьѣ подкидышамъ дается обыкновенно прозваніе Богдановъ, — прозваніе, имѣющее свой явный смыслъ.

XXI.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ особымъ частностямъ, которыми обусловливается происхожденіе фамильныхъ прозваній по областямъ и сословіямъ.

Родовыя прозванія въ Малороссіи чрезвычайно разнообразны и среди тамошняго простонародія; и по тѣмъ словамъ, отъ которыхъ они происходятъ, и по ихъ окончанію они рѣзко отличаются отъ прозваній великорусскихъ. Сре-

ди же дворянства большая часть старинныхъ малороссійскихъ фамилій, какъ большая часть великорусскихъ, оказывается не туземнаго, а чуждаго происхожденія. Хотя представители этихъ фамилій вполнѣ «обмалорусились», какъ «обвеликорусились» въ Великой Россіи потомки иноземныхъ выходцевъ, но, тѣмъ не менѣе, и среди первыхъ сохранились въ фамильныхъ прозваніяхъ признаки ихъ иноземнаго начала.

Изъ сотни съ небольшимъ тѣхъ малороссійскихъ родовъ, члены которыхъ занимали еще во времена гетмановъ важнѣйшіе уряды или должности въ войскѣ запорожскомъ, коренныхъ малороссійскихъ прозваній можно насчитать очень немного. Въ числѣ же чужестранныхъ фамилій были: Апостолы—молдавская; Брюховецкіе, Бутовичи, Валькевичи, Гудовичи, Гуляницкіе, Дунины-Барковскіе, Зуборовскіе, Забѣлло и другія—польскія; Карновичи—чешская; Капнисты, Мануйловичи—греческія; Домонтовичи—литовская; Кочубеи и Якубовичи—татарскія; Милорадовичи—герцеговинскія; Гамалѣи—турецкая и т. д. Иныя фамиліи хотя и кажутся

чисто малороссійскими, но родоначальниками ихъ были выходцы изъ-чужа.

Такая пестрота среди малороссійскихъ фамильныхъ прозваній объясняется тѣмъ, что въ XVI столѣтіи Украина была сборищемъ искателей приключеній, наплывъ которыхъ былъ значителенъ съ разныхъ сторонъ, въ особенности же изъ Польши. Оттуда удалялось въ Малороссію множество такъ называемыхъ «баннитовъ», т. е. шляхтичей, которые за своеволие и нелады съ польскимъ правительствомъ, а иногда и за какія-либо общія уголовныя преступленія, осуждены были на «банныцю», т. е. на изгнаніе изъ отечества. Баннитовъ было такъ много, что въ войскахъ Богдана Хмѣльницкаго считалось ихъ до 6,000. Значительное число этихъ удальцовъ осѣло потомъ на Украинѣ, и потомки ихъ, сдѣлавшись православными, сохранили, однако, за нѣсколькими исключеніями, свои родовыя польскія прозванія, и, кромѣ того, нѣкоторые изъ чистокровныхъ малороссовъ, желая прослыть шляхтичами, или принимали польскія фамиліи, или передѣлывали свои простонародныя малорусскія прозванія на поль-

скій ладъ, такъ что, напримѣръ, Гриценко или Потапчукъ обращались въ Гриценскаго и Потапскаго. Казакъ Василенко передѣлалъ свою фамилію такъ: онъ обратилъ имя Василій въ польское Базиль и затѣмъ прибавилъ окончаніе «евскій». У малороссовъ, склонныхъ къ шуткамъ, большая часть родовыхъ прозваній произошла отъ насмѣшливыхъ прозвищъ. Такъ, хохла, спалившаго хату, прозвали «Палій», а разводившаго огонь около рѣки—Паливода. Человѣка громаднаго роста называли въ насмѣшку Малютой и, наоборотъ, приземистаго—Махиной и т. д.

Среди малороссовъ, какъ и среди великороссовъ, не было обычая производить свои фамильныя прозванія отъ принадлежавшихъ имъ «маетностей», или имѣній. Они производились, какъ и въ Великой Руси, главнымъ образомъ, отъ отчествъ, затѣмъ отъ личныхъ прозваній, а иногда и отъ названія должностей, занимаемыхъ кѣмъ-либо изъ членовъ рода, причемъ господствовавшими окончаніями, имѣвшими значеніе происхожденія, а также и ласкательный смыслъ, были «ко», «юкъ» и «акъ». Такъ,

напримѣръ, въ видѣ отчествъ явились: Семеновко, Кириленко, произведенныя отъ собственныхъ именъ Семень и Кирило; Крамаренко—отъ крамарь; т. е. лавочникъ, Судьенко—отъ слова судья и т. д. Павлюкъ—уменьшительное имя Павелъ; Чернякъ, Краснюкъ—прилагательныя имена, обращенныя сперва въ личныя, а потомъ въ родовыя прозвища.

Двойныя фамиліи въ Малороссіи довольно употребительны. Это объясняется, какъ мы полагаемъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ Малороссіи, какъ и въ Великой Россіи, довольно поздно установились окончательныя родовыя прозванія, такъ что тамъ, въ одно и то же время, употреблялись и личныя, и наслѣдственныя прозвища, а во-вторыхъ, тѣмъ, что во время отпаденія Украйны отъ Польши поселившіеся на Украйнѣ польскіе шляхтичи, изъ страха преслѣдованія, замѣнили свои родовыя фамиліи малороссійскими прозвищами, а потомъ, когда при водворившихся среди казачества великорусскихъ порядкахъ пришлось доказывать шляхетство или дворянство, они стали дѣлать ссылки на принадлежавшія имъ издавна шля-

хетскія фамиліи. Поэтому, въ большей части случаевъ, на ряду съ малороссійскимъ прозвѣщемъ встрѣчается и шляхетско-польская фамилія, напр., Курилло-Сементовскій, Немировичъ-Даняенко, Гудима-Левковичъ и т. д., да и, кромѣ того, такая прибавка смахивала на шляхетско-польскій «*przydomek*», о чемъ мы говорили выше.

Когда же вслѣдствіе разныхъ надобностей и служебныхъ исканій малороссы начали ѣздить въ Петербургъ, гдѣ ихъ не слишкомъ долюбливали, то они стали приближать свои чисто-хотлацкія фамильныя прозванія къ великорусскимъ, съ прибавкою соотвѣтствующихъ окончаній. Такъ, Костенко и Павленко обращались въ Костенкова и Павленкова, Солоница—въ Солоницына, Нечай—въ Нечаева и т. д.

Особенность фамильныхъ прозваній у малороссовъ заключается въ измѣненіи ихъ окончаній для лицъ женскаго пола. Такъ, для замужнихъ и для вдовъ употребляются окончанія «иха», а для дѣвицъ—«ичка», напр., Мазепиха, Кочубичка. Это, впрочемъ, свойственно и польскому языку, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нашему

простонародью. Такъ, поляки называютъ жену Тышкевича и Сапѣги—Тышкевичева и Сапѣжина, а дочерей ихъ—Тышкевичувна и Сапѣжанка. У нашего народа тоже, какъ мы сейчасъ сказали, существуетъ для отличія женскихъ лицъ особая форма для такихъ фамильныхъ прозваній, которая въ русскомъ языкѣ не измѣняется въ женскомъ родѣ, напримѣръ, Миллерша, Шмидтша, такъ что и маркизу Помпадуръ называли бы у насъ въ простонародьѣ Помпадурша, Помпадуршина или, пожалуй, еще проще: Помпадуриха.

XXII.

Въ прибалтійскомъ нашемъ краѣ, гдѣ все старинное дворянство нѣмецкаго происхожденія, фамиліи въ этомъ сословіи должны существенно разниться отъ туземно-народныхъ эстскихъ и латышскихъ прозвищъ. Если мы не ошибаемся, то съ такимъ прозвищемъ тамъ среди мѣстнаго древняго дворянства существуетъ одна только фамилія фонъ-Куббе, или Каупо, Каупе, выдававшаяся по своей знатности среди

леттовъ еще до прихода къ нимъ нѣмецкихъ крестоносцевъ. Одинъ изъ представителей этого леттскаго рода принялъ въ 1216 г. отъ папы Целестина III фамилію Ливе, или Ливенъ, и былъ родоначальникомъ нынѣшнихъ російскихъ свѣтлѣйшихъ князей и бароновъ Ливеновъ. Вообще же въ прибалтійскомъ краѣ древнихъ фамилій, существовавшихъ во время господства тамъ ливонскаго ордена, осталось теперь немного: всего не болѣе ста. Остальныя же тамошнія нѣмецкія фамиліи состоятъ изъ потомковъ позднѣйшихъ германскихъ выходцевъ и еще болѣе изъ потомковъ эстовъ и латышей, принявшихъ нѣмецкія фамильныя прозванія.

Говоря о старинномъ остзейско-нѣмецкомъ дворянствѣ, у насъ нынѣшнихъ его представителей называютъ очень часто «потомками» рыцарей, но это не совсѣмъ точно, такъ какъ рыцари давали обѣдъ безбрачія и, слѣдовательно, не могли имѣть законныхъ дѣтей. Есть также въ остзейскихъ губерніяхъ не мало онѣмечившихся французскихъ фамилій, переселившихся туда вслѣдствіе воздвигнутыхъ, по уничтоже-

ніи въ концѣ XVII столѣтія нантскаго эдикта, гоненій на гугенотовъ во Франціи. Къ чужеземнымъ, но уже вполне онѣмечившимся фамиліямъ принадлежатъ нѣсколько польскихъ фамилій, а также и потомки выкрещенныхъ евреевъ, принявшихъ нѣмецкія фамиліи.

Къ нѣмецкимъ дворянскимъ фамиліямъ причислено и нѣсколько русскихъ, внесенныхъ по какому-либо случаю въ тамошніе дворянскіе матрикулы. Среди этихъ фамилій встрѣчается и семинарская фамилія Сперанскаго, внесенная въ лифляндскій матрикуль до полученія имъ еще графскаго титула. Изъ малороссійскихъ онѣмечившихся родовъ существовала нѣкогда въ Лифляндіи фамилія Малама, пользовавшаяся баронскимъ титуломъ.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Западнаго края, къ русскимъ подданнымъ присоединилось множество лицъ, носившихъ польскія, литовскія и ополяченныя русскія дворянскія фамиліи. Фамиліи эти не измѣнились вслѣдствіе этого присоединенія, но что касается тамошнихъ крестьянъ и мѣщанъ, изъ христіанъ, то родовыя ихъ прозванія получили, особенно у крестьянъ, ве-

ликорусскую окраску. Въ ихъ родовыя прозванія стали обращаться, противъ тамошняго обычая, полуотчества, а чиновники изъ поляковъ, не умѣвшіе сладить съ такимъ нововведеніемъ, писали полуотчества съ окончаніемъ то на «овъ», то на «инъ», какъ попало, не соображаясь съ свойствами русскаго языка. Оттого въ западномъ краѣ вмѣсто прозванія, напримѣръ, *Өо-минъ* явился *Өомовъ*, а вмѣсто *Семеновъ* — *Семенинъ*.

Чрезвычайно большой приливъ совершенно чуждыхъ русскому языку родовыхъ прозваній произошелъ въ Россіи вслѣдствіе присоединенія къ ней Закавказскаго края. Но замѣчательно, что нигдѣ не удается такъ легко, какъ тамъ, внѣшнее обрусѣніе туземныхъ фамилій и, притомъ, самымъ простымъ способомъ — измѣненіемъ или усѣченіемъ окончаній, свойственныхъ грузинскимъ фамиліямъ на «швили» и армянскимъ на «янць» — на «овъ». Такъ, тамъ явились фамиліи: *Аваловы*, *Андронниковы*, *Мачабеловы*, *Меликовы*, *Палавандовы*, *Салаговы*, *Тумановы*, *Челокаевы*, *Эристовы* и другія, которыя съ перваго раза могутъ показаться по ихъ

окончанію, а нѣкоторыя даже и по звуку, великорусскими фамильными прозваніями. Такое обрусѣніе армянскихъ родовыхъ прозваній происходило въ прежнее время, когда сами армяне желали казаться русскими, но когда въ послѣдствіи и между ними стала развиваться «идея національности», то они стали мѣнять ново-заимствованныя ими русскія прозвища на прежнія армянскія, и тогда между ними взамѣнь, на примѣръ, Назарова оказался Назаріанць, а вмѣсто Окопова—прежній Акопіанць.

Такъ, въ приказныхъ отписяхъ XVII вѣка встрѣчаются подъ чисто русскими прозваніями: Луневъ — голландецъ, Кнотовъ — датчанинъ, Юрьевъ и Ивановъ — англичане, Игнатьевъ — нѣмецъ, Афонасьевъ—еврей.

Кромѣ того, въ такъ называвшемся Новороссійскомъ краѣ и въ бывшей Бессарабской области существуетъ не мало молдавскихъ и греческихъ фамилій, которыя по окончанію и по звуку рѣзко отличаются отъ русскихъ, малороссійскихъ и польскихъ фамилій. Молдавскія фамиліи оканчиваются преимущественно на «ско» и на «ано» или «сно». Нѣкоторыя греческія фа-

миліи легко поддаются обрусѣнію. Такъ, напри-
мѣръ, Леопардосъ обращается въ Леопардова,
Албаносъ—въ Албанова и Евлампіосъ— въ Ев-
лампіева. Греческая фамилія одного изъ извѣст-
ныхъ русскихъ ученыхъ—Качіони обратилась
въ Каченовскаго. Нынѣшнія греческія фамиліи
оканчиваются преимущественно на «аки», но
окончаніе это не должно смѣшивать съ оконча-
ніемъ «акій», встрѣчающимся въ старинныхъ
польско-малороссійскихъ фамиліяхъ, какъ, на-
примѣръ, Мазаракій.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что обрусѣніе
по фамильнымъ прозваніямъ производится у
насъ уже издавна не только въ силу давности
пребыванія на Руси иноземца, но и сразу. Позд-
нѣе въ XVII вѣкѣ, между камчадалами, уча-
ствовавшими въ маскарадѣ, бывшемъ по слу-
чаю свадьбы въ «ледяномъ домѣ», были: Юдинъ,
Бороздинъ и Черновъ; въ старинныхъ доку-
ментахъ встрѣчается «индѣецъ» Ивановъ, «япо-
нецъ» Бѣдаковъ и «буряты» Чистохинъ. Въ
числѣ людей, приведшихъ въ 1741 году въ
Петербургъ изъ Персіи слоновъ, значатся, между
прочими, «персіане»: Соколовъ, Петровъ, Кре-

стьяновъ, Барабановъ и «армяне»: Ивановъ и Константиновъ. Замѣтимъ кстати, что цыгане носятъ обыкновенно самыя употребительныя русскія родовыя прозванія преимущественно въ видѣ полуотчествъ.

Мѣстными особенностями при образованіи фамильныхъ прозваній можно считать слѣдующія. Среди донскихъ казаковъ, вмѣсто окончанія «ской», употребляется окончаніе «сковъ», напр., вмѣсто Днѣпровской—Днѣпровсковъ; а въ Сибири—«ыхъ» и «скихъ» въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, напримѣръ, Иванъ Блѣдныхъ, Василій Еловскихъ и т. д.

XXIII.

Указавъ вообще на происхожденіе и образованіе фамильныхъ прозваній въ Россіи, мы добавимъ къ этому нѣсколько особенностей, зависѣвшихъ не столько отъ языка мѣстныхъ жителей и прилива разныхъ чужеземцевъ, сколько отъ условій сословнаго быта и нѣкоторыхъ случайностей. Замѣчанія эти относятся, во-первыхъ, къ фамильнымъ прозваніямъ нашего ду-

ховенства и, во-вторыхъ, къ такимъ же прозваніямъ евреевъ, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства.

Не смотря на то, что въ такъ называемыхъ «внутреннихъ великорусскихъ» губерніяхъ православное духовенство принадлежитъ къ самой коренной части туземнаго населенія, въ средѣ его встрѣчается такое разнообразіе фамилныхъ прозваній, какое едва ли можно замѣтить даже среди нашего стариннаго дворянства, происходящаго въ значительной части отъ иноземныхъ выходцевъ и подвергавшагося различнымъ вліяніямъ со стороны чуждыхъ русскихъ національностей.

Въ православномъ русскомъ духовенствѣ попадаетъ не мало совершенно не русскихъ, разумѣется, сравнительно со множествомъ фамилій чисто-русскаго склада, сходныхъ съ прозваніями, столь употребительными среди другихъ, ближайшихъ къ духовенству сословій, т. е. фамилій, произведенныхъ отъ обиходныхъ русскихъ словъ или полуотчествъ. Такъ, напримѣръ, среди его находятся лица, носящія фамилное прозваніе, вродѣ: Носовъ, Орѣховъ, Медвѣдевъ

и т. д. На ряду, однако, съ этими простыми родовыми прозваніями великорусскаго духовенства оказывается много прозваній чрезвычайно вычурныхъ и произведенныхъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ разныхъ иностранныхъ языковъ. Замѣчательно, что въ послѣднемъ случаѣ сдѣлано гораздо больше позаимствованій изъ латинскаго, нежели изъ греческаго языка, который, конечно, долженъ былъ бы быть гораздо ближе представителямъ восточно-греческой церкви, нежели языкъ латинскій. Съ перваго взгляда кажется, что такое позаимствование не имѣетъ никакого историческо-культурнаго значенія, но, въ сущности, оно весьма важно, такъ какъ оно указываетъ на то господствующее вліяніе, которому въ исходѣ XVII вѣка стало подчиняться образованіе нашего духовенства. Проглядываетъ это вліяніе и въ сходствѣ фамильныхъ прозваній, существующихъ среди великорусскаго, какъ городскаго, такъ и сельскаго духовенства, съ фамиліями польскими. Въ силу этого словопроизводства, лѣтъ сорокъ тому назадъ — значитъ въ ту пору, когда о недавно изобрѣтенныхъ въ Сѣвер-

ной Америкѣ велосипедахъ не имѣли у насъ еще никакого понятія, въ одной изъ при-московскихъ епархій существовалъ престарѣлый діаконъ, по прозванію Велосипедовъ или, какъ онъ произносилъ свое прозваніе примѣнительно къ латинскому выговору, — болѣе правильно-му, — Велоципедовъ. Это латино-русское прозваніе можетъ восходить по своему корню съ большою вѣроятностью гораздо далѣе, нежели, наиримѣръ, древняя достовѣрность существующаго въ сѣверо-западномъ краѣ ополячившагося шляхетскаго рода де-Кампо-Сципіи, производящаго себя отъ одного изъ знаменитыхъ римскихъ Сципіоновъ. Поводомъ же къ возникновенію фамилии Велоципедовъ послужило слѣдующее обстоятельство.

Престарѣлый діаконъ, поступившій мальчуганомъ въ духовное училище подъ одною изъ многочисленныхъ праздничныхъ фамилій: Вознесенскій, Воскресенскій, — или что-то подобное, по этому прозванію смѣшивался со многими изъ своихъ товарищей, но лично онъ отличался тѣмъ, что бѣгалъ на своихъ молодыхъ ногахъ чрезвычайно быстро. Въ ту пору латинизмъ такъ же

господствовалъ въ духовныхъ училищахъ, какъ и вообще господствовалъ школьный обычай давать каждому ученику какую нибудь кличку, и подъ этимъ вліяніемъ будущій отецъ діаконъ получилъ латинское прозваніе «veloces pedes», а при переходѣ изъ училища въ семинарію его, въ отличіе отъ прочихъ однокашниковъ, имѣвшихъ одноименныя прозванія, нарекли и по качеству—Велоципедовымъ.

Пришлось также намъ слышать, что въ одной изъ великорусскихъ епархій существовало лицо духовнаго сана подъ прозваніемъ Просвирищенскій. Объяснялось это прозваніе такъ: однажды пришелъ къ мѣстному владыкѣ дьякъ съ своимъ маленькимъ сынишкою и по уставу оба бухнулись ему въ ноги. Полюбился преосвященному стоявшій передъ нимъ на четверинкахъ мальчуганъ. Добрый іерархъ приласкалъ его, погладилъ по головѣ и въ знакъ своего благоволенія приказалъ ему взять просвиру. Маленькій поповичъ въ конецъ растерялся, водилъ своими оторопѣлыми глазами по сторонамъ, отыскивая владычный даръ. Архіерею почему-то очень понравилась такая растерянность маль-

чика, который такъ долго искалъ просвиру, хотя она и лежала передъ нимъ на столѣ; владыко снова погладилъ его по головѣ, и въ память этого событія онъ, при поступленіи въ духовное училище, именовался Просвироищенскимъ.

Все это объясняется тѣмъ, что еще въ исходѣ XVIII столѣтія, — а потомъ и до второй половины XVIII вѣка, когда фамильныя прозванія въ великорусскомъ духовенствѣ еще не установились, — насадителями просвѣщенія среди его, а потомъ и въ числѣ какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ іерарховъ были малороссы, воспитавшіеся въ польско-латинскихъ школахъ и приносившіе въ Россію позаимствованную тамъ закваску, при которой латинскій языкъ получалъ и въ нашихъ духовныхъ училищахъ первенствующее значеніе, напримѣръ, Ясинскій, Малиновскій.

Представляется чрезвычайно страннымъ, что въ составѣ нашего клира чисто-русскіе люди носятъ, напримѣръ, такого рода прозванія: Преферанскій, Орнатскій, Делигенскій, Сперанскій, Лекторскій, Лявданскій, Гумилевскій, Оранскій,

Меліоранскій, Констанскій, Альбинскій и множество другихъ подобныхъ тому родовыхъ прозваній, заимствованныхъ изъ латинскаго языка и по окончанію свойственныхъ преимущественно польскимъ фамиліямъ. Къ послѣднимъ подходятъ очень часто, хотя и случайно, также и тѣ фамиліи среди православнаго великорусскаго духовенства, которыя заимствуются отъ какой либо мѣстности, напримѣръ, Лазовскій, отъ села Лазова, въ Ярославской губ., и Ламанскій — отъ рѣки Ламань, въ Вологодской губерніи. Этого, впрочемъ, еще мало, такъ какъ пестрота въ фамильныхъ прозваніяхъ нашего духовенства идетъ еще далѣе. Къ производству ихъ служили и служатъ: имена миѳическихъ героевъ, а также прославившихся мужей языческой древности, имена грековъ и римлянъ и даже имена боговъ и богинь греческаго Олимпа. Встрѣчаются въ корняхъ фамилій, носимыхъ представителями нашей церкви, имена извѣстныхъ лицъ исторіи разныхъ народовъ, — имена, внесенныя исключительно въ святцы западной церкви, и, наконецъ, географическія названія разныхъ иностранныхъ об-

ластей, рѣкъ и городовъ. Вслѣдствіе этого у насъ есть изъ коренныхъ великороссовъ митрополиты, архіереи, архимандриты, священники и проч. съ такими, напримѣръ, прозваніями: Мицервинъ, Геркулесовъ, Парисовъ, Церринъ, Цицероновъ, Юнонинъ, Діанинъ, Аквилоновъ, Мильтіадовъ, Семидинъ, Термопильскій, Орлеанскій, Амстердамскій, Рудольфовъ, Леопольдовъ, Альфонскій, Адоабаровъ и т. д. Есть также фамиліи, произведенныя отъ именъ библейскихъ: Немвродовъ, Ноевъ, Сарданапаловъ.

Родовыя прозванія, заимствованныя отъ именъ языческихъ боговъ и богинь, противорѣчатъ даже одному изъ правилъ вселенскихъ соборовъ, такъ какъ еще на Никейскомъ соборѣ было запрещено христіанамъ употреблять имена языческихъ «божковъ», дабы привести ихъ въ забвеніе. Правда, что такое постановленіе было нарушено впоследствии даже самою церковью, такъ какъ къ лику святыхъ были причислены преподобные, носившіе имена Аполлона и даже Меркурія, но все какъ-то страннымъ должно казаться, что въ православной церкви священ-

подѣйствуютъ сыновья языческихъ богинь, напр., Юноны или дѣвственницы Діаны, потому что такое значеніе имѣютъ семинарскія прозванія Юнонинъ и Діанинъ и многія другія, подходящія подъ этотъ разрядъ родовыхъ прозвищъ, употреблявшихся, даже быть можетъ среди нашего православно - великорусскаго клира. При такомъ измышленномъ производствѣ родовыхъ прозваній не должно показаться нисколько страннымъ, если на обширномъ пространствѣ Руси отыщется гдѣ нибудь отецъ протоіерей Калхасовъ. Было бы очень кстати, если бы церковныя власти, имѣя въ виду не только странность подобныхъ прозваній, но и касающійся до нихъ нѣкоторымъ образомъ запретъ Никейскаго собора, сочли умѣстнымъ если не измѣнить такія уже существующія нынѣ прозванія, то, по крайней мѣрѣ, прекратили бы возможность ихъ появленія на будущее время.

На ряду съ такими фамильными прозваніями является безконечное множество прозваній, заимствованныхъ отъ названій праздниковъ и построенныхъ въ чествованіе ихъ церквей. Всякій русскій, конечно, знаетъ, сколько встрѣ-

чается всюду въ великорусскихъ губерніяхъ: Воскресенскихъ, Богоявленскихъ, Спасскихъ, Стрѣтенскихъ, Троицкихъ, Духовскихъ и т. д. Такой способъ производства фамильныхъ прозваній несравненно болѣе приличествуетъ православному великорусскому духовенству, нежели указанный нами выше способъ производства отъ именъ, не соотвѣтствующихъ вовсе духовному сану. Этотъ послѣдній способъ зависѣлъ главнымъ образомъ, оттого, что среди нашего духовенства — вопреки обычаю стариннаго русскаго дворянства и русскаго простолюдинья вообще — не повелось давать такія прозванія исключительно по личнымъ прозвищамъ отцовъ, а также мало встрѣчается прозваній по отчествамъ. Оттого среди нашего духовенства не встрѣчается почти ни Долгоноговыхъ, ни Бурицыныхъ, ни Ласточкиныхъ и тому подобныхъ фамильныхъ прозваній. Нѣкоторыя изъ своеобразныхъ фамилій, присвоенныхъ лицамъ духовнаго званія, посредствомъ государственной службы ихъ представителей, перешли и въ среду русскаго дворянства.

Въ Малороссіи православное духовенство со-

ставлялось, какъ и католическое въ Польшѣ, почти исключительно изъ шляхты, слѣдовательно, изъ такихъ лицъ, которыя имѣли уже какое либо родовое прозваніе. Великорусское же духовенство такихъ прозваній не имѣло, и потому являвшіеся среди его архипастыри и начальствующія лица изъ уроженцевъ Малоросіи хотѣли пополнить этотъ слишкомъ замѣтный для нихъ недостатокъ. Прозваніе духовныхъ только по отчествамаъ и по позаимствованію фамилій отъ церквей и праздниковъ представляло, по ихъ привычкѣ, слишкомъ большое однообразіе и порождало бы сбивчивость, а потому, съ одной стороны, подъ вліяніемъ представителей епархіальной, а иногда только и семинарской власти, а съ другой—подъ вліяніемъ классицизма, и возникли тѣ замысловатая для русскаго челоуѣка прозванія, о которыхъ мы упоминали выше.

Сами іерархи изъ малороссовъ, какъ шляхтичи, придавали извѣстную важность фамильнымъ прозваніямъ, отъ которыхъ они, по примѣру католическаго духовенства, не отрекались и по вступленіи въ монашество. Въ под-

ражаніе имъ, такой обычай началъ установ-
 ляться и среди великорусскаго монашества,
 такъ какъ представители его на ряду съ име-
 немъ, нареченнымъ при постриженіи, стали
 выставлятъ и свое родовое прозваніе, въ та-
 комъ, впрочемъ, только случаѣ, если оно было
 дворянское, какъ, на примѣръ, Георгій Даш-
 ковъ. Церковное правительство, съ своей сто-
 роны, не признавало такой занесенной изъ-
 чужа новизны правильною, и она, просущество-
 вавъ недолго, вывелась изъ употребленія, тѣмъ
 болѣе, что дворянъ вступало въ монашество
 очень немного. Въ настоящее время при одно-
 именности іерарховъ прибавляется и семинар-
 ская ихъ фамилія, на примѣръ: Филаретъ Амфи-
 театровъ и Филаретъ Гумилевскій, но это при-
 бавка только частная, а не допускаемая цер-
 ковнымъ управленіемъ.

XXIV.

Что касается еврейскихъ прозвищъ, то до
 присоединенія къ Россіи областей, подвластныхъ
 прежде Польшѣ, такія прозвища не могли имѣть

никакого общаго значенія, а прозвища попадавшихся случайно въ Московскую Русь евреевъ передѣлывали на русскій ладъ, напримѣръ: Яковлевъ, Марковъ.

Въ исходѣ XVII столѣтія, еще до Петра Великаго, въ число переводчиковъ посольскаго приказа попали двое выкрещенныхъ евреевъ, одинъ подъ фамиліею Веселовскій, а другой — подъ фамиліею Шафировъ, собственно Шапиро, что означаетъ камень сапфиръ. Вообще же евреи во всей Европѣ не имѣли сперва родовыхъ прозваній по тѣмъ причинамъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Для означенія же родства въ нисходящей и восходящей линіяхъ они употребляли древне-еврейское слово «бенъ», означающее сынъ и соотвѣтствовавшее русскому отчеству. При замѣнѣ же въ обиходной жизни древне-еврейскаго языка исковерканнымъ нѣмецкимъ жаргономъ, слово «бенъ» стало замѣняться окончаніемъ «зонъ» или «сонъ». Отсюда такое множество фамильныхъ прозваній, кончающихся на «сонъ», что такія прозванія считаются признакомъ еврейскаго происхожденія, хотя это и не безусловно вѣрно,

потому что съ такимъ окончаніемъ существу-
ютъ, между прочимъ, и шведскія, и нѣмецкія
фамиліи. Есть также коренныя еврейскія фа-
миліи, которыя ближайшимъ образомъ совпа-
даютъ съ самыми употребительными нѣмец-
кими фамиліями. Напримѣръ, нѣмецкая фами-
лія Мейеръ, происходящая отъ латинскаго
слова «major» — старшій, смѣшивается очень
часто съ еврейскою фамиліею Мееръ, что зна-
читъ пророкъ.

На западѣ Европы принятіе евреями родо-
выхъ, а не однихъ только употреблявшихся ими
издавна личныхъ прозваній, сдѣлалъ обязатель-
нымъ римско-нѣмецкій императоръ Іосифъ II.
Онъ приказалъ, чтобы каждый живущій въ его
владѣніяхъ еврей присвоилъ себѣ какое-либо
прозвище, которое потомъ и переходило бы на-
слѣдственно на все потомство первопринявшаго
извѣстное прозвище. Исполненіе этого указа
было возложено на полицейскія власти, кото-
рыя и воспользовались такимъ распоряженіемъ,
чтобы поживиться на счетъ евреевъ. Громкія и
пріятныя для евреевъ имена, какъ Рубинштейнъ,
Пургольдъ, Розенталь и т. п. полиція стала

давать богатымъ евреямъ при полученіи съ нихъ значительной подачки. Уплатившіе полиціи только умѣренно получали прозванія отъ именъ географическихъ: Винеръ, Лембергеръ, Кашауеръ и т. д.; тѣмъ евреямъ, которые не могли достаточно ублаготворить полицію, давались имена болѣе простыя, какъ-то: Фуксъ, Гунъ, Эссигъ, и, наконецъ, тѣ изъ нихъ, которые были не въ ладахъ съ полиціею, получили, какъ бы въ отместку съ ея стороны, грубыя и даже ругательныя прозванія: Эзелъкопфъ, Лауфрессеръ и даже Швейнсонъ.

Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ евреи не были принуждаемы принимать родовыя прозванія по назначенію этихъ послѣднихъ со стороны полиціи, они преимущественно заимствовали ихъ отъ собственныхъ личныхъ именъ и названій разныхъ нравившихся имъ предметовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія первоначально только личные прозвища обращались постепенно въ родовыя.

Первое распоряженіе объ обязательномъ принятіи прозваній евреями, поступившими въ подданство Россіи, и о передачѣ этихъ прозва-

ній потомству состоялось еще при Екатеринѣ II, при присоединеніи къ Россіи Бѣлоруссіи. Но постановленіе это не приводилось въ исполненіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неправильнаго веденія метрическихъ записей о рождающихся, да и самъ еврей, по разнымъ своимъ соображеніямъ, очень часто мѣнялъ по нѣскольку разъ принятое имъ однажды прозваніе, такъ что разобратъся въ этой путаницѣ было не только трудно, но, пожалуй, и невозможно.

Въ настоящее время живущіе въ Россіи некрещенные евреи присвоиваютъ себѣ самыя разнообразныя фамиліи, такъ что ихъ трудно по этому признаку отличить не только отъ нѣмцевъ, поляковъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ, но и коренныхъ великоруссовъ, на примѣръ, есть и выкрещенные и некрещенные евреи: Ильины, Прохоровы, Елисѣевы, Филипповы и т. д. Въ одномъ уголовномъ процессѣ, происходившемъ въ Волынской губ., въ числѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей были евреи: Пружанинъ, Воловъ и Соскинъ, которыхъ можно было принять за русскихъ, если бы на ряду съ этими прозва-

ніями не стояли исключительно еврейскія собственныя имена: Сруль, Хаимъ и Мошка.

Въ прежнее время евреи мѣняли свои фамиліи при обращеніи въ христіанство. Такъ какъ поводомъ къ этому бывало очень часто желаніе избѣгнуть предстоящаго за какое-либо преступленіе наказанія или уменьшить его мѣру, или же подъ новымъ христіанскимъ именемъ и новою фамиліею укрыться отъ преслѣдованія полицейской или судебной власти, то таковая перемѣна въ настоящее время воспрещается закономъ, и еврей, принявшіе православіе, обязаны удерживать тѣ фамильныя прозванія, которыя они носили до крещенія.

Хотя вообще перемѣна фамиліи или присвоеніе чужой у насъ не допускается, но есть случаи, въ которыхъ за это не полагается никакой отвѣтственности. Подъ произвольной фамиліею, хотя бы и съ какимъ нибудь почетнымъ титуломъ, званіемъ и чиномъ, на самомъ дѣлѣ не принадлежащими, дозволяется являться въ печати, въ области ученой или литературной дѣятельности. Такъ, у насъ законъ не препятствуетъ присвоивать сочинителю какой угодно

ему такъ называемый «псевдонимъ» или, собственно, ложное имя; то поэтому, на примѣръ, у насъ существуетъ графъ Жасминовъ. Такой порядокъ относительно писателей и издателей допускается законодательствами всѣхъ странъ, гдѣ существуетъ печать.

Замѣна собственной фамиліи другою, произвольно взятой, допускается также повсемѣстно, а, между прочимъ, и у насъ при появленіи кого-либо на театральномъ сценѣ. У насъ такой начинъ сдѣлала императрица Екатерина II, давшая знаменитому въ ея время русскому актеру Нарыкову фамилію Дмитревскій, по сходству его съ однимъ извѣстнымъ ей польскимъ графомъ, носившимъ такую фамилію. Впослѣдствіи подобныя перемѣны сдѣлались у насъ очень обыкновенны. Такъ, фамилія одной извѣстной въ свое время русской актрисы Лѣсогоровой была замѣнена переводомъ этой фамиліи на нѣмецкій языкъ — Вальдбергъ. Въ тридцатыхъ годахъ одинъ изъ пѣвцовъ русской оперы — французъ Шарпантье являлся на сценѣ подъ фамиліею Леонова, а актеръ Дальмасъ, коренной французъ, явился

на русской сценѣ подѣ фамилію Прохорова. Въ настоящее время такихъ превращеній на сценѣ чрезвычайно много. Скажемъ кстати, что повсюду въ театральномъ мірѣ, а также и въ Россіи, бываетъ всего чаще замѣна пѣвцами и пѣвицами ихъ неитальянскихъ фамилій итальянскими. Такъ, ходила молва, что известная нѣкогда въ Петербургѣ пѣвица Фіоретти, въ дѣйствительности Цвѣткова, приняла свою фамилію отъ слова «fiore», что означаетъ цвѣтокъ, и будто фамилія французскаго актера Дьедоне, пользовавшагося недавно въ Петербургѣ большимъ расположеніемъ публики, была переводъ русской фамиліи — Богдановъ.

ТИТУЛЫ ВЪ РОССІИ

I.

Титулы царствующаго дома.

Нѣкогда въ Россіи былъ только одинъ титулъ князя. Слово это несомнѣнно славянскаго происхожденія, хотя слишкомъ уже ученые наши историки и производятъ его отъ норманскаго слова «конунгъ», означающаго «предводитель», «король». Титулъ этотъ, однако, и притомъ издавна, существовалъ у такихъ славянъ, которые не имѣли никакихъ сношеній съ норманами, варягами тожъ, но всюду онъ давно уже утратилъ свое важное значеніе. Только на Руси онъ долѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, сохранялъ прежнее значеніе, и впродолженіе многихъ столѣтій его носили русскія владѣтельныя особы, т. е. удѣльные князья и великіе князья,

причемъ въ послѣднемъ случаѣ имя прилагательное «великій» употреблялось въ смыслѣ «старшій». Такъ какъ въ послѣдствіи явилось въ Восточной Руси немало удѣльныхъ князей съ такимъ дополнительнымъ наименованіемъ, то даже и титулъ великаго князя утратилъ свое первоначальное значеніе. Великихъ князей явилось немало: рязанскіе, смоленскіе, тверскіе и ярославскіе, но всѣ они перевелись. Оставались только великіе князья московскіе, но и они прибавили къ своему прежнему, казавшемуся уже скромнымъ, титулу — титулъ царя, сохранивъ, однако, и прежній титулъ великаго князя, который, равно какъ и титулъ князя, удержались донынѣ въ полномъ императорскомъ титулѣ при исчисленіи нѣкоторыхъ областей, составлявшихъ нѣкогда великія и удѣльныя княженія.

При Петрѣ Великомъ у насъ стали называть государя — монархомъ; хотя слово это и греческое, но оно пришло къ намъ не изъ Византіи, а съ Запада, откуда также пришло именованіе государя и членовъ его дома «августѣйшими» въ смыслѣ лицъ, заслуживающихъ особаго уваженія.

Съ принятіемъ великимъ княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ царскаго титула, сыновья царя стали носить титулъ царевичей и великихъ князей, а дочери — царевенъ и великихъ княженъ, а послѣ принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула, титулъ царевича оставался за его сыновьями, но дочери его именовались уже не царевнами, а цесаревнами, такъ какъ титулъ императора считался однозначущимъ съ титуломъ кесаря, или цесаря. Впослѣдствіи императоръ Павелъ Петровичъ въ «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи» отмѣнилъ титулъ царевичей и царевенъ и предоставилъ всѣмъ своимъ потомкамъ, до пятаго колѣна включительно, титулъ великихъ князей и великихъ княженъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и императорскаго высочества, а слѣдующимъ затѣмъ потомкамъ титулъ князей и княженъ императорской крови и высочества, безъ прибавленія императорское, но до настоящаго времени поколѣніе царствующаго дома не достигало еще той степени нисходящаго родства, въ которой должно было бы начаться употребленіе этихъ титуловъ, хотя въ

недавнее время счетъ нисходящихъ колѣнъ и сокращенъ однимъ поколѣніемъ.

Въ «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи» Павелъ I ввелъ въ императорскую фамилію новый титулъ — «цесаревичъ», съ тѣмъ, чтобы титулъ этотъ принадлежалъ старшему сыну царствующаго государя, какъ будущему его наслѣднику. Но самъ Павелъ Петровичъ сдѣлалъ изъ этого титула другое употребленіе: онъ не предоставилъ его исключительно старшему своему сыну Александру Павловичу, но пожаловалъ титулъ цесаревича, въ видѣ почетной награды за военные подвиги въ Швейцарскомъ походѣ, своему второму сыну, Константину Павловичу, который и носилъ его до конца своей жизни, такъ что только по смерти его покойный императоръ Александръ Николаевичъ сталъ, въ 1831 г., носить титулъ цесаревича, какъ старшій сынъ и объявленный наслѣдникъ императора Николая Павловича. Затѣмъ титулъ цесаревича перешелъ, при вступленіи на престолъ императора Александра II, къ старшему сыну его, великому князю Николаю Александровичу, а послѣ его кончины — къ нынѣ цар-

ствующему государю императору, а отъ него уже, по праву первородства, перешелъ къ настоящему государю наследнику, великому князю Николаю Александровичу. Соответственно титулу цесаревича и супруга наследника престола титулуется цесаревною и великою княгинею.

Были примѣры пожалованія особыхъ титуловъ и лицамъ, родственнымъ царствующему дому. Такъ императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ титулъ императорскаго высочества принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому и титулы князей Романовскихъ и императорскаго высочества герцогамъ Лейхтенбергскимъ, имѣвшимъ прежде право только на титулъ свѣтлости.

Такъ называемаго «величашья», а по западному «предиката», у русскихъ государей и у членовъ его семейства прежде вовсе не было. По принятіи Иваномъ IV царскаго титула, государей московскихъ стали именовать царскимъ или пресвѣтлѣйшимъ величествомъ и великимъ государемъ; въ послѣднемъ случаѣ слово «великій» употреблялось въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялось оно въ былое время при

словъ князь. Прибавленіе это казалось необходимымъ потому, что съ исхода XVI вѣка обращеніе съ словомъ «государь» стало дѣлаться у насъ обиходнымъ, и даже крестьяне стали обыкновенно величать своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ государями. Въ прежнее время въ иныхъ случаяхъ русскіе государи довольствовались титуломъ «благородіе». Слѣды этого сохранялись и — если мы не ошибаемся — сохраняются и донынѣ въ церковныхъ книгахъ. Такъ по «Чиновику», т. е. по книгѣ, по которой архіерей совершаетъ литургію, онъ, обращаясь послѣ большаго выхода къ присутствующему государю, говоритъ: «Благородіе твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ». Величали также въ старину русскихъ государей и «милостію», и «благоутробіемъ».

Царю Алексѣю Михайловичу не только наши повѣствователи и драматурги, но даже и историки, придаютъ названіе «Тишайшаго», считая такое названіе его личнымъ прозвищемъ, но это ошибочно. Когда во второй половинѣ XVII вѣка на Москвѣ сталъ, благодаря пріѣзду туда наставниковъ, обучавшихся въ польскихъ и

итальянскихъ училищахъ, водворяется латинизмъ, то употреблявшееся на западѣ величаніе государей «clementissimus» стали переводить по-русски «тишайшій». Этотъ титуль давался и царямъ Феодору и Ивану Алексѣевичамъ, и царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Придавался онъ и царю Петру I, который, конечно, не былъ изъ тишайшихъ. Замѣчательно, что до принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула ему въ церковномъ богослуженіи многолѣтіе возглашалось такъ: «тишайшему, избранному и почитенному царю и великому князю».

3-го декабря 1721 года, въ общемъ собраніи синода и сената разсуждали о томъ, какой установить новый титуль русскихъ государей по случаю поднесенія Петру I императорскаго достоинства. Общее собраніе за благо разсудило упомянутый выше титуль выключить, а супругу императора титуловать «цесарѣва». Петръ утвердилъ это мнѣніе синода и сената, замѣнивъ только слово «цесарѣва» словами «цесаревино величество». Въ иныхъ особо торжественныхъ случаяхъ, гдѣ при возглашеніи многолѣтія, какъ, напримѣръ, на богоявленскомъ

повечеріи, прочитывается полный титулъ императора всероссійскаго, его именуютъ «цесарскимъ величествомъ». Въ этомъ же титулѣ, кромѣ царствъ, великихъ княженій и нѣкоторыхъ бывшихъ удѣльныхъ княженій и присоединенныхъ къ Россіи областей, состоящихъ въ дѣйствительномъ обладаніи русскаго государя, находятся еще собственно только почетные, возникшіе изъ родоваго права титулы: наследника норвежскаго и четыре иностранныхъ герцогскихъ титула, а въ царствованіе императора Павла Петровича къ прежнимъ титуламъ присоединенъ былъ, по его повелѣнію, титулъ: «великаго магистра державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго». Къ неудовольствію Павла Петровича, этотъ новый титулъ синодъ призналъ нужнымъ поставить въ самомъ концѣ большаго титула, а при императорѣ Александрѣ I онъ былъ исключенъ вовсе, хотя и могъ бы остаться, какъ титулъ почетный, какъ историческое воспоминаніе...

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіемъ россійско-императорскаго титула, о которомъ мы упомянули выше, собраніе синода постановило: выключить

также титуль «благородный» царевичъ и «благородная» царевна, потому что, какъ сказано въ указѣ синода, такое названіе «по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается». Титуль этотъ былъ замѣненъ словомъ «благовѣрный», а этотъ послѣдній титуль, принадлежавшій нѣкогда государю, былъ, въ свою очередь, замѣненъ для него и его супруги титуломъ «благочестивѣйшій», «благочестивѣйшая».

Впослѣдствіи, когда въ дипломатіи латинскій языкъ былъ замѣненъ языкомъ французскимъ, прежнее величаніе «clementissimus» переведено было на французское «très gracieux», а у насъ это французское слово было переведено — «всемилоствѣйшій» и это названіе было также примѣнено къ государскому титулу, взамѣнъ прежняго «тышайшій»

II.

Почетные дворянскіе титулы.

Замѣчательно, что у насъ царскій и даже королевскій титулъ можетъ считаться и почетнымъ дворянскимъ титуломъ. Такъ титулъ царя всея Руси былъ пожалованъ при Иванѣ IV бывшему царю казанскому, Симеону Бекбулатовичу, который впослѣдствіи въ разрядныхъ спискахъ, т. е. въ спискахъ московскихъ служилыхъ людей, значился царемъ Тверскимъ. Въ 1598 году царь Борисъ Федоровичъ Годуновъ пожаловалъ титулъ царя Касимовскаго плѣнному киргизскому царевичу Уразъ-Махмету, а Михаилъ Федоровичъ далъ такой же титулъ Альпъ-Арслану, внуку царя сибирскаго Ючума. Отъ этого царя Касимовскаго пошли царевичи Касимовскіе, существовавшіе въ числѣ рус-

скихъ дворянъ до 1715 года, когда умеръ бездѣтнымъ послѣдній царевичъ Касимовскій.

Отъ родного младшаго брата царя Касимовскаго и трехъ двоюродныхъ его братьевъ пошли царевичи Сибирскіе. Родъ ихъ продолжается донынѣ; но въ 1718 году Петръ I приказалъ имъ, вмѣсто царевичей, писаться князьями Сибирскими.

Впослѣдствіи члены царскихъ домовъ грузинскаго и имеретинскаго, отправляя службы въ Россіи, носили титулъ царевичей, и только въ недавнее время титулъ ихъ былъ замѣненъ княжескимъ.

Въ прошедшемъ году умеръ въ Петербургѣ въ очень преклонныхъ годахъ полковникъ русской службы принцъ де-Лузиньянъ, именовавшійся по праву наслѣдія «титулованнымъ королемъ» Кипрскимъ и Іерусалимскимъ. Такъ какъ онъ получилъ отъ императора Николая Павловича чинъ полковника, то, вступивъ въ русское подданство, онъ могъ бы быть причисленъ къ потомственному русскому дворянству, и если бы представленныя имъ въ установленномъ порядкѣ доказательства на носимые имъ

ТИТУЛЫ БЫЛИ ПРИЗНАНЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМИ, ТО НИЧТО НЕ МОГЛО БЫ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ЕМУ, БУДУЧИ РУССКИМЪ ДВОРЯНИНОМЪ, НОСИТЬ ВЪ РОССІИ, СЪ ВЫСОЧАЙШАГО РАЗРѢШЕНІЯ, И ПРИСВОЕННЫЙ ИМЪ СЕБѢ ТИТУЛЪ НЕ ТОЛЬКО ПРИНЦА, НО И КОРОЛЯ. САМО СОБОЮ, ВИРОЧЕМЪ, РАЗУМѢЕТСЯ, ЧТО ПРИЗНАНІЕ ЗА НИМЪ ЭТОГО ТИТУЛА ВЪ ДРУГИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЗАВИСѢЛО БЫ ОТЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА ТОГО ГОСУДАРСТВА, ВЪ КАКОЕ ОНЪ ЯВИЛСЯ БЫ СЪ ТАКИМЪ ПЫШНЫМЪ ТИТУДОМЪ.

III.

Княжескіе титулы въ Россіи.

Нынѣ дѣйствующіе у насъ законы признають три дворянскіе титула: князя, графа и барона. При этомъ право пользованія наследственнымъ княжескимъ титуломъ принадлежитъ: а) нынѣшнимъ потомкамъ древнихъ русскихъ и литовскихъ князей и б) лицамъ, происходящимъ отъ предковъ, возведенныхъ съ ихъ потомствомъ въ княжеское достоинство российскими императорами или утвержденныхъ въ ономъ по пожалованію отъ иностранныхъ государей.

Узаконеніе это, изданное въ 1846 году и остающееся донынѣ въ своей силѣ, не обнимаетъ, однако, собою, — какъ мы это увидимъ, — всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда вообще почетный, и, между прочимъ, княжескій титулъ признается

за кѣмъ либо и помимо высказанныхъ условій, и историческій очеркъ объ усвоеніи тѣми или другими дворянскими родами княжескаго титула выяснитъ справедливость сдѣланнаго нами теперь замѣчанія.

До Петра Великаго пожалованія княжескихъ и вообще какихъ либо почетныхъ титуловъ у насъ не происходило, за исключеніемъ развѣ титула «именитаго» человѣка. Титулъ этотъ былъ пожалованъ царемъ Иваномъ Грознымъ одному изъ Строгановыхъ, занимавшемуся врачеваніемъ и лечившему заволоками царскаго любимца, Бориса Годунова. Названіе «именитые люди», которое впоследствии царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ всему роду Строгановыхъ, не слѣдуетъ считать титуломъ дворянскимъ, такъ какъ оно ставило носившаго его только выше «гостя», но не вводило въ служилое, по тогдашнему понятію, дворянское сословіе.

Не смотря на то, что въ древней Руси пожалованія почетныхъ титуловъ не было, въ ней было очень много князей. Они принадлежали къ слѣдующимъ тремъ разрядамъ: 1) къ потомкамъ великаго князя Рюрика; 2) къ потомкамъ вели-

каго князя литовскаго Гедимина и 3) къ разнымъ иноплеменникамъ, преимущественно къ мордвѣ и татарамъ.

Къ 1700 году, не смотря на пресѣченіе многихъ удѣльно-княжескихъ семействъ, происшедшихъ отъ нихъ княжескихъ родовъ считалось 47; изъ нихъ нѣкоторые были очень многочисленны; такъ, напримѣръ, въ ту пору только родъ князей Гагариныхъ имѣлъ одновременно 27 представителей, а родъ князей Волконскихъ—30, другіе же роды были близки къ прекращенію, имѣя только по одному представителю, не оставлявшему послѣ себя мужскаго поколѣнія. Затѣмъ, въ продолженіе 184 лѣтъ, изъ общаго числа упомянутыхъ княжескихъ родовъ 11 совершенно угасли, какъ роды: Великогагинныхъ, Жировыхъ-Засѣкиныхъ, Пеньковыхъ, Пожарскихъ, Хотетовскихъ, Голышныхъ, Корходиновыхъ, Татевыхъ и Тюфякиныхъ. Другіе роды, пресѣкшіеся въ мужскомъ поколѣніи, были возстановлены высочайшею властію съ передачей ихъ прозваній и титуловъ другимъ фамиліямъ по женскому колѣну. Такъ фамилія князей Ромодановскихъ перешла къ Ладыженскимъ, Про-

зоровскихъ — къ князьямъ Голицынымъ, князей Рѣпниныхъ — къ князьямъ Волконскимъ, князей Дашковыхъ — къ графамъ Воронцовымъ, безъ княжескаго титула, и угасшая въ недавнее время старѣйшая нѣкогда въ родѣ Рюриковичей фамилія князей Одоевскихъ была передана г. Маслову, съ тѣмъ, чтобы титулъ и фамилія князей Одоевскихъ были присвоены только одному лицу по праву первородства.

Остальное потомство Рюриковичей, относительно довольно многочисленное, не носитъ уже княжескаго титула. Нельзя сказать съ достовѣрностію о причинахъ, заставившихъ бывшихъ нѣкогда князей отказаться отъ ихъ титула, но такъ какъ представители этихъ родовъ въ XVI и XVII вѣкахъ не занимали никакихъ видныхъ служебныхъ мѣстъ ни при дворѣ, ни въ войскѣ, то надобно полагать, что они, какъ говорилось въ старину, захудали, а такъ какъ княжескій титулъ въ ту пору не давалъ никакихъ особыхъ правъ, то онъ и казался излишнимъ. Только о Сатиныхъ, потомкахъ князей Козельскихъ, въ одномъ старинномъ родословцѣ упоминается, что они «сложили съ себя княженіе», но при

этомъ о причинахъ такого поступка ничего не упоминается. Кромѣ Рюриковичей, имѣли бы право на княжескій титулъ по своему происхожденію нѣсколько дворянскихъ, нынѣ существующихъ фамилій, происходящихъ отъ косожскаго князя Редеги и греческаго владѣтельнаго князя Степана Ховры, но потомки ни того, ни другого этого титула не употребляютъ.

Поэтому ничего нѣтъ неправдоподобнаго, если нѣкоторые не только дворяне, но и однодворцы, считаютъ себя по происхожденію Рюриковичами и, слѣдовательно, имѣющими право на княжескій титулъ. Возстановленіе утраченныхъ княжескихъ титуловъ у насъ не было въ обычаѣ, кромѣ лишь тѣхъ случаевъ, да и то въ ближайшее уже къ намъ время, когда титулъ этотъ, будучи утраченъ по суду, возстановлялся въ лицѣ утратившаго его или его сыновей по особой монаршей милости, какъ это было сдѣлано, на примѣръ, въ отношеніи нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, декабристовъ. Впрочемъ, и попытокъ къ такому возстановленію, насколько намъ извѣстно, въ бывшее время не дѣлалось. Однажды только всемогущій любш-

мечь Екатерины II, князь Зубовъ, обратился къ ней съ просьбой, чтобы она возстановила княжескій титулъ роднаго его дяди Трегубова, на который онъ, Трегубовъ, имѣлъ право по происхожденію отъ черкесскихъ князей, но императрица отказала даже и Зубову въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что если сдѣлать это въ отношеніи Трегубова, то справедливость требуетъ поступить точно также и въ отношеніи другихъ очень многихъ дворянъ.

Императоръ Павелъ, при составленіи «Общаго Гербовника», положительно высказался противъ такихъ возстановленій и приказалъ: «для означенія тѣхъ дворянскихъ фамилій, кои дѣйствительно происходятъ отъ родовъ княжескихъ, хотя сего титула и не имѣютъ, оставлять въ гербахъ ихъ корону и мантию». Къ такимъ родамъ принадлежатъ, напримѣръ, роды: Ржевскихъ, Всеволожскихъ, Татищевыхъ и многіе другіе. По нынѣ дѣйствующимъ узаконеніямъ, никакой почетный титулъ не возстановляется, если не будетъ удостовѣрено, что пользованіе титуломъ сохранялось въ родѣ постоянно, по крайней мѣрѣ, въ трехъ послѣднихъ поколѣ-

ніяхъ, начиная отъ лица, предъявляющаго свое право на титулъ.

Въ потомствѣ Гедимины, въ 1700 году, существовало, собственно въ Россіи, четыре княжескіе рода: Куракины, Голицыны, Трубецкіе и Хованскіе. Дворянскихъ родовъ не было. Всѣ эти княжескіе роды продолжаютъ и нынѣ, а одинъ изъ нихъ, именно родъ князей Голицыныхъ, чрезвычайно размножился. По присоединеніи къ Россіи отъ Польши Западнаго края, къ упомянутымъ отраслямъ Гедиминовичей прибавились существующіе и нынѣ роды: князей Коріатовичей-Курцевичей, Воронежскихъ, Чарторижскихъ и Сангушекъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ послѣднее время польскіе историки стали оспаривать, и не безъ основательныхъ доводовъ, дѣйствительность происхожденія отъ Гедимины: Трубецкихъ, Чарторижскихъ и Сангушекъ, выводя ихъ не отъ него, но отъ русскихъ князей, которыхъ некогда было немало въ литовско-русскомъ княжествѣ въ XIV вѣкѣ.

Затѣмъ большинство какъ существовавшихъ въ 1700 году, такъ и нынѣ существующихъ

княжескихъ родовъ — татарскаго, мордовскаго и грузинскаго происхожденія, и въ общей сложности своей они, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ превышаютъ по своей численности княжескіе роды русскаго происхожденія.

Такой наплывъ князей татарской, мордовской, грузинской и частію горской породы въ наше титулованное дворянство объясняется тѣмъ, что въ XVI и преимущественно въ XVII вѣкахъ русскіе государи, и между ними въ особенности царь Алексѣй Михайловичъ, ревнуя о распространеніи православія между татарами и мордвою, приказывали принимавшихъ православную вѣру татарскихъ мурзъ и мордовскихъ «панковъ» писать княжимъ именемъ, а между ними, не говоря уже о татарахъ, только среди одной мордвы набралось до 80 мордовскихъ родовъ, болѣе или менѣе обрусѣвшихъ и пользующихся, на законномъ основаніи, наследственнымъ княжескимъ титуломъ, хотя большинство ихъ и живетъ, какъ живутъ простые крестьяне, занимаясь, между прочимъ, и извозничьимъ промысломъ въ Петербургѣ.

Князей изъ татаръ вообще у насъ было и есть

такое множество, что и нынѣ въ простомъ русскомъ народѣ cadaго татарина называютъ княземъ, да и онъ считаетъ себя таковымъ, хотя и торгуетъ въ разносъ старымъ платьемъ или халатами, а то и казанскимъ мыломъ.

Обѣднѣніе и даже совершенная нищета князей Рюрикова племени, проявлявшаяся уже въ XVII вѣкѣ, ихъ приниженное положеніе въ Москвѣ, когда они стали считать за особенную честь быть холопами великаго князя московскаго, и главнымъ образомъ появленіе множества князей изъ татаръ и мордвы отняли всякое значеніе у княжескаго титула, и дѣло дошло до того, что, по указу 1675 года, названіе кого либо княземъ безъ имени стало считаться не почетомъ, а «безчестьемъ». Это объясняется тѣмъ, что князь и татаринъ сдѣлались словами однозначущими, такъ что только крестное имя отличало православнаго отъ татарина.

Не говоря уже о томъ, что Рюриковичи съ особеннымъ удовольствіемъ стали занимать низшія придворныя служительскія должности, они въ XVII столѣтіи, какъ, напримѣръ, князья Вяземскіе, служили въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ

попами и дьячками въ селахъ у помѣщиковъ средней руки, а князья Бѣлосельскіе были приживальцами у какихъ-то Травиныхъ. Упадокъ русско-княжескихъ родовъ дошелъ до того, что существовавшіе въ своей древней княжей отчинѣ, Боровскѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ Калужской губерніи, князья Боровскіе числились въ ряду тамошнихъ посадскихъ, и въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія послѣдняя представительница этой Рюриковской отрасли, княжна Боровская, не выдѣлилась изъ своей среды, въ которой она выросла, ничѣмъ, кромѣ титула съ историческимъ родовымъ прозваніемъ. Она вышла замужъ за одного боровскаго мѣщанина. Когда императоръ Николай Павловичъ узналъ о такомъ бракѣ, то приказалъ выдать бывшей княжнѣ Боровской, на обзаведеніе, 10,000 рублей ассигнаціями, чѣмъ молодая чета была чрезвычайно довольна.

Если громадное большинство татарскихъ и мордовскихъ князей съ прозваніемъ, напримѣръ, Игобердѣевъ, Идебердѣевъ, Шайсуповъ, Разгильдѣевъ, Семенѣевъ и т. д., не только не промелькнуло на страницахъ нашей исторіи,

но даже не встрѣчается и въ спискѣ чиновныхъ лицъ, но оставалось, да и нынѣ остается въ убожествѣ и безвѣстности, то въ противоположность этому нѣкоторые татарско-княжескіе роды достигли богатства и знатности. Къ числу такихъ родовъ принадлежатъ: князья Урусовы, князья Черкасскіе и князья Юсуповы. Представители этихъ родовъ причислены были при императорѣ Павлѣ къ русско-княжескимъ родамъ, а представители двухъ первыхъ, т. е. Урусовы и Черкасскіе, еще въ XVII вѣкѣ стояли на высшихъ степеняхъ московскаго боярства, не смотря на то, что члены этихъ родовъ только недавно приняли православную вѣру. Изъ нихъ Урусовы были потомки Эдигея, князя ногайскаго, одного изъ вождей Тамерлана, а князья Черкасскіе считались потомками египетскаго султана Инала и были владѣтелями Кабарды. Князья Юсуповы были однородцы съ Урусовыми и своимъ возвышеніемъ они всего болѣе были обязаны расположеніемъ къ одному изъ нихъ со стороны могущественнаго Бирона.

Другіе татарско — нынѣ — русско-княжескіе роды, какъ, напримѣръ, Ширинскіе-Шихма-

товы, были потомки татарскихъ мурзъ, имѣвшихъ исключительное право вступать въ бракъ съ дочерьми крымскихъ хановъ. Ширинскіе мурзы начали приходить въ русское подданство въ половинѣ XVI вѣка; при этомъ они принимали православную вѣру и современемъ совершенно обрусѣли. Но еще задолго передъ тѣмъ, какъ предки князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ появились въ Москвѣ, одинъ изъ князей или мурзъ Ширинскихъ, Бахметъ, пришелъ изъ Большой Орды въ Мещеру, завоевалъ ее, крестился тамъ самъ и вмѣстѣ съ собою крестилъ многихъ людей. Отъ этого Бахмета (Усейна) и пошли нынѣшніе князья Мещерскіе.

Грузинскіе князья стали появляться еще въ Москвѣ, и первые изъ нихъ были князья Дадіани, совершенно нынѣ обрусѣвшіе и существующіе подъ фамиліей князей Дадьяновыхъ. Они оставили свои владѣнія, Мингрелію, въ половинѣ XVII столѣтія, вслѣдствіе мятежа, поднятаго какимъ-то сванетомъ Кацц-Чикунани, который, низвергнувъ Дадіана, утвердился самъ въ Мингреліи и сдѣлался родоначальникомъ существующихъ нынѣ, также въ

Россіи, князей Мингрельскихъ. Выѣхали также въ Россію, еще въ 1666 году, двое грузинскихъ князей, потомки которыхъ писались сперва Хохоновыми-Давыдовыми, а потомъ стали писаться и нынѣ пишутся только князьями Давыдовыми.

Впослѣдствіи, при переѣздѣ въ Россію царя грузинскаго Вахтанга, въ 1714 году, имъ былъ представленъ русскому правительству списокъ пріѣхавшихъ съ нимъ грузинъ. Изъ нихъ нѣкоторые были означены словами «таваде», «моурави» и «эристави», и всѣ эти титулы были переведены словомъ «князь». При окончательномъ подданствѣ Грузіи, послѣднимъ царемъ ея, Георгіемъ, былъ также представленъ общій списокъ грузинскихъ родовъ, которые могли имѣть право на дворянство, и тѣ изъ этихъ родовъ, которые были означены словомъ «таваде», получили также право на названіе князьями. Списокъ этотъ чрезвычайно длиненъ, а поэтому у насъ въ настоящее время и является такое множество грузинъ съ титуломъ князей.

Титулы эти, независимо отъ пожеланія

потомственного званія «таваде», возникли еще въ силу владѣтельныхъ правъ, присвоенныхъ нѣкоторымъ родамъ, въ числѣ которыхъ находится немало и армянскаго, и осетинскаго происхожденія. Такъ носятъ княжескій титулъ: Дадешкиліани по владѣнію Сванетією, Гурвели—Гурією, Абашидзе—Абхазією; прочіе же по пожалованію званія «таваде», которые въ Грузіи раздѣлялись на три степени, но въ Россіи всѣ эти степени были признаны равноправными, и потому всѣ «таваде» были переименованы въ князей. Въ князья же попали нѣкоторые роды персидскаго происхожденія, имѣвшіе титулъ «меликовъ».

Вообще право на княжескій титулъ бывшихъ грузинскихъ подданныхъ представляетъ большую запутанность, и для разбора относящихся къ этому дѣлу въ 1846 году учреждены были въ Тифлисѣ и Кутаисѣ особыя комиссіи, которыя въ 1850 году и признали княжескій титулъ за 69 фамиліями, кромѣ множества тѣхъ фамилій, которымъ и прежде еще придако было названіе князей.

Княжескій титулъ былъ придаваемъ въ прош-

ломъ столѣтїи и начальникамъ разныхъ ино-родческихъ поколѣній въ Сибири. Такой же титулъ съ фамиліею Дондуковыхъ былъ признанъ и за потомками одного изъ калмыцкихъ хановъ Дондукъ-Омба, а въ началѣ нынѣшняго столѣтїа за какимъ-то индѣйцемъ Порюсъ-Визапурскимъ.

Въ старинныхъ приказныхъ отпискахъ встрѣчаются князья: Великопермскіе, Целымскіе, Фабуловы и многіе другіе, нынѣ, какъ кажется, уже не существующіе. Къ иноземнымъ же князьямъ, упоминаемымъ въ старинныхъ московскихъ актахъ, принадлежатъ князья Мышецкіе, происходящіе отъ одного изъ маркграфовъ Мейссенскихъ, и князья Болловскіе, Лукомскіе, Несвицкіе и Нерыцкіе; происхожденіе ихъ съ точностію неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, они не изъ татарскихъ мурзъ и, вѣроятно, три первые рода составляютъ потомство тѣхъ князей русскихъ, которые были нѣкогда удѣльными въ нынѣшнемъ западномъ краѣ, а Нерыцкіе считаются выѣхавшими изъ Италїи, хотя достовѣрныхъ насчетъ этого свѣдѣній не имѣется, да въ настоящее время они уже не существуютъ.

Сохранилось извѣстіе въ сибирскихъ лѣтописяхъ, что первый русскій завоеватель Сибири Ермакъ Тимоѳеевичъ Повольскій былъ отъ Ивана IV Васильевича пожалованъ титуломъ князя сибирскаго. Такое извѣстіе, однако, весьма сомнительно не только потому, что не встрѣчается насчетъ этого указація ни въ какихъ дѣлахъ, но и потому еще, что вообще въ государствѣ московскомъ до Петра Великаго пожалованія княжескихъ титуловъ не производилось, хотя, какъ мы видѣли, и были случаи возведенія татаръ даже въ царскій санъ. Отсутствіе такихъ пожалованій можно всего легче объяснить упадкомъ княжескаго титула въ XV, XVI и XVII столѣтія даже до того, что, какъ мы видѣли, самое названіе кого либо княземъ стало считаться безчестьемъ.

При такомъ упадкѣ въ Россіи княжескаго достоинства, Петръ 30-го мая 1707 года пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ бывшаго сперва графомъ, а съ 1705 года свѣтѣйшимъ княземъ Римской имперіи, генераль-поручика Александра Даниловича Меншикова. При этомъ надобно обратить вниманіе на то, что въ этомъ

случаѣ княжескій титулъ былъ собственно прибавочнымъ къ титулу «герцога Ижорскаго», который далъ Петръ Меншикову. Кроме того, самъ Меншиковъ не слишкомъ дорожилъ княжескимъ титуломъ, который онъ употреблялъ собственно для того, чтобы поставить себя, человека не родословнаго, вровень съ Долгоруковыми, Рѣпниными, Голицыными и другими представителями древняго московскаго боярства, отъ которыхъ онъ, кроме титула «князь», отличался еще и титуломъ «свѣтлости», а дѣти его обыкновенно назывались не князьями, а «принцами».

Замѣтимъ при этомъ, что у насъ на Руси, какъ это, впрочемъ, было и во всей Западной Европѣ, древность дворянскаго рода считалась, да и нынѣ считается, выше новаго почетнаго титула. Это происходитъ изъ той мысли, что титулъ можетъ получить каждый простолюдинъ, тогда какъ дать «благородныхъ» предковъ лицу, не имѣющему ихъ по рожденію, не въ состояніи никакая власть, какъ бы могущественна она ни была.

Послѣ Петра Великаго русскіе государи впро-

долженіе девяности лѣтъ не возводили никого въ княжеское достоинство, вѣроятно, потому, что никто изъ знатныхъ вельможъ не льстился стать вслѣдствіе такой награды на ряду съ захудалыми Рюриковичами и, конечно, еще менѣе желалъ кто нибудь, по дарованному ему отличію, уподобиться множеству татарскихъ и уже довольно избыточному числу грузинскихъ князей. Чтобы поднять дворянско-княжеское достоинство въ Россіи, нужно было предварительно показать лицъ, облеченныхъ этимъ достоинствомъ, въ блескъ знатности, богатства и могущества, что, какъ мы увидимъ, и случилось въ царствованіе Екатерины.

При ней явились князья среди такой обстановки, что поэтому нѣсколько позднѣе императоръ Павелъ I могъ уже княжескій санъ считать чрезвычайною наградю, особенно съ титуломъ «свѣтлости», выдѣлявшимъ ново-пожалованнаго князя изъ множества его сотитупиковъ, бывшихъ въ большинствѣ мелкой сошкой.

Первая такая награда была пожалована имъ, 5-го апрѣля 1797 года, вице-канцлеру графу

Александрѣ Андреевичѣ Безбородкѣ. Затѣмъ Павелъ пожаловалъ князьями: генераль-прокурора Петра Васильевича Лопухина, и съ титуломъ князя Италійскаго, генераль-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго. Четвертымъ княземъ, пожалованнымъ Павломъ I, былъ армянскій патріархъ Іосифъ, по фамиліи Аргутинскій, съ его братьями и племянниками; при этомъ новопожалованнымъ князьямъ Аргутинскимъ дозволено было писаться Аргутинскими-Долгорукими; это прозваніе дано было имъ въ память ихъ происхожденія, — неизвѣстно, насколько достовѣрнаго, — отъ одного изъ древнихъ царей персидскихъ, Артаксеркса, прозваннаго Долгорукимъ.

Императоръ Александръ I пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ: генерала-отъ-инфантеріи графа Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, съ титуломъ свѣтлости, и вскорѣ послѣ того наименованнаго Смоленскимъ; председателя государственнаго совѣта фельдмаршала графа Николая Ивановича Салтыкова и русскаго посла на вѣнскомъ конгрессѣ графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. При этомъ

и Салтыковъ, и Разумовскій получили титулы свѣтлости. Кромѣ нихъ, княжескій титулъ, но безъ свѣтлости, данъ былъ главнокомандовавшему 1-ю арміею фельдмаршалу графу Михаилу Богдановичу Барклай-де-Толли.

При императорѣ Николаѣ Павловичѣ число такихъ пожалованій увеличилось. При немъ первою пожалована была княжескимъ титуломъ, а затѣмъ и титуломъ свѣтлости, статсъ-дама графиня Шарлотта Карловна Ливенъ. Титулъ этотъ былъ данъ ей за ея педагогическіе труды, собственно за воспитаніе великихъ княженъ сестеръ императора и какъ лицу, пользовавшемуся особымъ уваженіемъ императорской фамиліи, съ распространеніемъ обоихъ пожалованныхъ ей титуловъ на ея нисходящее потомство.

Затѣмъ отъ императора Николая получили: титулъ князя Варшавскаго съ титуломъ свѣтлости генераль-фельдмаршалъ графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Эриванскій; фельдмаршалъ графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ; предсѣдатель государственнаго совѣта графъ Викторъ Павловичъ Кочубей и графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, но всѣ

трое безъ титула «свѣтлости». Послѣ того князьями пожалованы были: военный министръ графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ и намѣстникъ кавказскій графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, безъ титула свѣтлости, который они получили впоследствии, въ видѣ дополнительной награды.

Затѣмъ княжескій титулъ при императорѣ Николаѣ получили еще: камеръ-пажъ султанъ Сагибъ-Гирей-Чингисъ, какъ старшій сынъ умершаго султана внутренней киргизской орды; по смерти его княжескій титулъ перешелъ къ его младшему брату;—и шамхаль Тарковскій, которому былъ предоставленъ титулъ княжескій по праву первородства.

При императорѣ Александрѣ Николаевичѣ былъ только одинъ случай пожалованія княжескаго титула, но безъ прибавленія свѣтлости, а именно предсѣдателю государственнаго совѣта графу Алексѣю Федоровичу Орлову.

Изъ этого перечня видно, что собственно пожалованныхъ князей у насъ очень немного, да и сверхъ того роды князей: Безбородко, Лопухина, Голенищева-Кутузова, Разумовскаго,

Барклай-де-Толли, Остенъ-Сакена и Воронцова пресѣклись въ мужскомъ поколѣніи, а роды князей Меншикова, Суворова-Италійскаго и Чернышева имѣютъ только по одному представителю мужескаго пола.

Мы уже упоминали о тѣхъ причинахъ, которыя содѣйствовали упадку въ Россіи княжескаго титула еще при царяхъ московскихъ, но въ послѣдней четверти прошлаго вѣка титулъ этотъ снова поднялся вслѣдствіе того, что носившія его лица были могущественными временицами при дворѣ, да и, кромѣ того, они имѣли титулъ князей Священной имперіи Римской, пользовавшійся во всей Европѣ большимъ почетомъ и значеніемъ.

Князь Римской, собственно Нѣмецкой имперіи, могъ сдѣлаться изъ титулярнаго князя, — какимъ уже издавна сдѣлался князь въ Россіи, — дѣйствительнымъ, а не мнимымъ княземъ, пріобрѣтя какимъ либо способомъ въ предѣлахъ бывшей Германской имперіи герцогство, княжество, маркграфство или графство. Онъ становился въ ряду владѣтельныхъ особъ, и для пріема «имперскихъ владѣтельныхъ князей»

были установлены при европейскихъ дворахъ особые церемоніалы.

Такими князьями изъ русскихъ подданныхъ, кромѣ Меншикова, были: генераль-фельдцейхмейстеръ, русскій графъ, Григорій Григорьевичъ Орловъ, генераль-фельдмаршалъ, тоже русскій графъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ, получившій отъ Екатерины II наименованіе Таврическаго, и генераль-фельдцейхмейстеръ, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Всѣ эти лица, хотя только сами по себѣ сдѣлавшіяся богатыми, знатными и сильными, жили въ такой блестящей обстановкѣ, въ которой проявлялись и утонченная изысканность запада, и грубая роскошь востока, такъ что они могли казаться уже не заурядными, хотя бы и очень высокими, сановниками, но, пожалуй, владѣтельными князьями. Они, какъ равно и князь Меншиковъ, благодаря фавору, достигли такой высокой степени могущества, какой не достигали у насъ ни прежде, ни послѣ, ни прирожденные, ни жалованные русскіе князья.

Кромѣ упомянутыхъ четырехъ князей изъ русскихъ уроженцевъ, былъ еще въ Россіи

одинъ свѣтлѣйшій князь Римской имперіи, бывшій молдаванскій господарь, Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ. Родъ его пресѣкъся въ исходѣ XVIII столѣтія, а также съ этимъ же достоинствомъ, но безъ титула свѣтлости, пришли въ прошломъ столѣтіи въ русское подданство: Радзивиллы, Любомірскіе и Яблоновскіе. Добавимъ къ этому, что въ царствованіе Екатерины II былъ въ Россіи богатый грекъ Мавросни, пользовавшійся княжескимъ титуломъ, по пожалованію ему этого титула патриархомъ константинопольскимъ.

Сверхъ этихъ князей, въ русскомъ подданствѣ состоятъ: князя Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ; княжескій титулъ пожалованъ имъ королемъ прусскимъ, и князя Вреде, по пожалованію имъ княжескаго титула королемъ баварскимъ. Пользуются также въ Россіи княжескимъ титуломъ представители родовъ, занимавшихъ мѣсто молдавскихъ господарей, какъ, напримѣръ, Маврокердаты и Кантавузены.

Такимъ образомъ, если сообразить всѣ сдѣланныя нами замѣчанія о значеніи княжескаго титула въ Россіи, то нельзя не признать, что

лица эти вообще не только не представляют собой русской аристократіи, въ значеніи западно-европейской аристократіи, — которой, кстати сказать, никогда у насъ и не было, — но даже не составляли безусловно высшей служилой знати, за исключеніемъ немногихъ родовъ, имѣвшихъ въ разное время историческое значеніе и, большею частію, уже пресѣкшихся. Прочіе же роды, хотя и отличенные княжескимъ титуломъ, оставались и нынѣ остаются въ безызвѣстности и убожествѣ.

IV

Графскіе титулы.

Если, какъ мы видѣли, къ исходу XVII вѣка нѣкогда самый почетный на Руси титулъ «князь» утратилъ свою прежнюю важность, то, какъ бы замѣнь его, у насъ появился новый почетный дворянскій титулъ «графа». Значеніе этого титула было непонятно для русскихъ людей и лица, получавшія его, не умѣли даже правильно написать его, такъ какъ въ подписяхъ своихъ замѣняли букву «ф» буквою «ѳ». Вскорѣ, однако, титулъ этотъ пришелъ въ большой почетъ, такъ какъ на первыхъ порахъ стали носить его видные вельможи, знатные сановники, и близкіе къ государю люди. Вдобавокъ къ тому, съ пожалованіемъ этого титула соединялось и пожалованіе большаго состоянія, такъ что при

Петръ I бѣдняковъ-графовъ еще не оказывалось, тогда какъ въ противоположность тому было множество не только убогихъ, но и нищенствовавшихъ князей. Поэтому, вѣроятно, и до сихъ поръ еще въ народѣ съ названіемъ «графъ» соединяется понятіе о знатности и богатствѣ, и, напримѣръ, уменьшительное слово «графчикъ» имѣетъ въ народѣ совершенно иной смыслъ, нежели слово «князекъ».

Со времени Петра I у насъ появились графскіе титулы, различные по ихъ пожалованію. У насъ были графы: Россійской имперіи и графы Священной Римской имперіи, а потомъ стали появляться графы или иноземцы, вступавшіе съ такимъ титуломъ въ русское подданство, или получавшіе его уже послѣ того отъ разныхъ вліятельныхъ особъ, или пользовавшіеся такимъ титуломъ безъ достаточнаго на то права. За нѣкоторыми изъ иностранныхъ графовъ присвоенный ими себѣ титулъ былъ въ то или другое время признанъ русскими государями. Если вообще у насъ графовъ въ настоящее время гораздо менѣе, чѣмъ князей, то въ отношеніи сво-

его происхожденія титулъ этотъ представляетъ такую же пестроту, какъ и княжескій.

Первымъ графомъ въ Россіи оказывается фельдмаршалъ генераль-адмиралъ, бояринъ и посольскихъ дѣлъ президентъ, Федоръ Алексѣевичъ Головицъ, а послѣ него гвардейской бомбардирской роты поручикъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, а затѣмъ посольскихъ дѣлъ президентъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ. Всѣ трое, однако, не были «русскими» графами, такъ какъ графскій титулъ былъ пожалованъ: Головицу 16-го ноября 1701 году и Меншикову въ 1702 году римско-нѣмецкимъ императоромъ Леопольдомъ I, а Головкину въ 1707 году императоромъ Іосифомъ I. Первымъ же собственно русскимъ графомъ былъ фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, получившій графскій титулъ отъ Петра Великаго въ 1706 году въ награду за усмиреніе стрѣлецкаго бунта въ Астрахани.

Въ 1709 году Петръ далъ графскій титулъ канцлеру Гавріилу Ивановичу Головкину, имѣвшему уже такой титулъ съ 1706 года, по пожалованію, отъ римско-нѣмецкаго императора

Юси́фа I. Въ 1710 году, Петръ былъ почему-то особенно щедръ на раздачу графскихъ титуловъ. Въ этомъ году были пожалованы имъ графами: бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, генераль-адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ и бояринъ Петръ Матвѣевичъ Апраксины и бывшій учитель царя Никита Моисеевичъ Зотовъ, съ распространеніемъ этого титула и на его нисходящее потомство. Но по смерти Зотова, въ 1717 году, дѣтямъ и внукамъ его запрещено было именоваться графами. Титуль этотъ былъ, однако, возвращенъ его потомкамъ въ 1803 году, при бракѣ одного изъ правнуковъ Никиты Моисеевича съ княжною Еленою Алексѣевной Куракиной. Затѣмъ Петръ возвелъ въ графское достоинство: въ 1721 г., — генераль-фельдцейхмейстера Якова Велимовича Брюсса, въ 1722 году оберъ-шенка статскаго совѣтника Андрея Матвѣевича Апраксина и въ 1722 году дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстаго, но въ 1727 году Толстой, по непріязни къ нему Меншикова, былъ лишенъ графскаго достоинства, которое было возвращено только внукамъ его въ 1760 году. Такимъ об-

разомъ отъ Петра Великаго девять лицъ получили графскій титулъ.

Екатериною I возведены были въ графское достоинство: генераль-маіоръ Девьеръ, дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Рейнгольдъ, бри- гадиръ Карлъ и дворянинъ Фридрихъ Левен- вольде и два брата Скавронскіе, Карлъ и Теодоръ. Изъ числа этихъ лицъ Девьеръ, въ 1727 году, былъ лишень графскаго титула, который былъ возвращень ему въ 1743 году императрицею Елисаветою. Императоръ Петръ II пожаловалъ графомъ одного только Миниха, бывшаго въ то время с.-петербургскимъ генераль-губернато- ромъ. Императрица Анна Ивановна пожаловала графскій титулъ: въ 1730 году московскому генераль-губернатору Теодору Васильевичу Сал- тыкову и вице-канцлеру барону Андрею Ивано- вичу Остерману, въ 1731 году — оберъ-штал- майстеру Ягужинскому, въ 1732 году — мо- сковскому генераль-губернатору Семену Андрее- вичу Салтыкову, въ 1739 году — фельдмаршалу Ласси и въ 1740 г. — генераль-маіору Алексан- дру Романовичу Брюссу. Отъ императрицы Ели- саветы Петровны получили, въ 1742 году, граф-

скій титуль: ея двоюродные по матери братья и сестры, Ефимовскіе, Гендриковы, Андрей и Иванъ Симоновичи, и ихъ родныя сестры, дѣвицы Марія и Марфа, и Скавронскіе. Графскій титуль былъ пожалованъ также и генераль-аншефу Григорью Петровичу Чернышеву и тайному совѣтнику Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину, а въ 1744 году — оберъ-егермейстеру Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и брату его камеръ-юнкеру Кириллу, начальнику тайной канцеляріи Ушакову и генераль-аншефу Александру Ивановичу Румянцеву. Въ 1746 году былъ данъ графскій титуль генераль-поручикамъ Александру и Петру Ивановичамъ Шуваловымъ, а въ 1760 году — фельдмаршалу Александру Борисовичу Бутурлину, на словахъ, безъ всякаго письменнаго заявленія.

Въ продолжительное царствованіе Екатерины II нѣсколько лицъ изъ русскихъ подданныхъ, имѣвшія невысокіе чины или даже вовсе ихъ не имѣвшія, получили графское достоинство отъ иностранныхъ государей; но сама государыня пожаловала титулы графовъ Россійской имперіи сравнительно весьма немногимъ. Такъ ея

были пожалованы графами: камергеръ Иванъ, генераль-поручикъ Григорій, генераль-маіоръ Алексѣй и камеръ-юнкеры Ѳедоръ и Владиміръ Григорьевичи Орловы, въ 1767 году—дѣйстви- тельный тайный совѣтникъ Никита Ивановичъ и генераль-аншефъ Петръ Ивановичъ Панины, въ 1775 году—президентъ военной коллегіи Григорій Александровичъ Потемкинъ; въ 1789 году—генераль-аншефъ Александръ Василье- вичъ Суворовъ съ наименованіемъ «Рымник- скій»; въ 1790 году—генераль-аншефъ Нико- лай Ивановичъ Салтыковъ; въ 1793 году—ге- нераль-аншефы: Михаилъ Никитичъ Кречетни- ковъ и Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, и гене- раль-поручикъ баронъ Ферзенъ.

Въ противоположность той малочисленности по пожалованію графскаго титула, какою отли- чалось слишкомъ тридцати-четырехлѣтнее цар- ствованіе императрицы Екатерины II, преем- никъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ явилъ въ этомъ отношеніи въпродолженіе съ неболь- шимъ четырехлѣтняго царствованія необычай- ную щедрость. Черезъ шесть дней послѣ своего воцаренія онъ далъ графскій титулъ генераль-

маіору Алексѣю Григорьевичу Бобринскому, а затѣмъ, въ день своего коронованія, 5-го апрѣля 1797 года, онъ пожаловалъ графами «Россійской имперіи» бывшихъ уже графами Римской имперіи — троихъ Воронцовыхъ, Безбородко, генераль-лейтенанта Дмитріева-Мамонова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра, бригадира Якова и статскаго совѣтника Илью Васильевичей Завадовскихъ. Былъ также пожалованъ въ этотъ день «русскимъ» графомъ генераль-лейтенантъ, прусскій графъ Федоръ Федоровичъ Буксгевдецъ, а также возведены прямо въ графское достоинство Россійской имперіи: фельдмаршалъ Каменскій, генераль-отъ-инфантеріи Каховскій, Гудовичъ и тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ. Затѣмъ въ продолженіе своего царствованія Павелъ Петровичъ возвелъ въ графское достоинство въ 1798 году трехъ братьевъ Сиверсовъ, за заслуги старшаго изъ нихъ, и оберъ-камергера Александра Григорьевича Строганова, имѣвшаго сперва баронскій титулъ, пожалованный фамиліи Строгановыхъ Петромъ Великимъ, а потомъ получившаго титулъ графа Римской имперіи. Въ слѣ-

дующемъ году были пожалованы графами: с.-петербургскій генераль-губернаторъ баронъ Паленъ, адмиралъ Кущелевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ростопчинъ, наказной атаманъ войска Донскаго Денисовъ, вице-канцлеръ Кочубей, генераль-лейтенантъ Аракчеевъ, егермейстеръ Кутайсовъ, имѣвшій уже пожалованный ему Павломъ титулъ «россійскаго» барона, и генераль-лейтенантъ «французскій» графъ Ланжеронъ.

Императоръ Александръ Павловичъ въ депь своей коронаціи возвелъ въ графское достоинство государственнаго казначея Алексѣя Ивановича Васильева, имѣвшаго уже, какъ и Кутайсовъ, баронскій титулъ, генерала-отъ-инфантеріи Татищева и семейство Протасовыхъ. Въ 1809 году отъ императора Александра I получили графскій титулъ: генераль-маіоръ Михаилъ Васильевичъ Гудовичъ, а также и братья его; въ 1811 году — генераль-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ, будущій фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь Смоленскій. Замѣчательно, что война 1812—1814 года не ознаменовалась особенными пожалованіями графскихъ титуловъ.

Такой титулъ получилъ только наказной атаманъ Платовъ, а въ 1813 году генералы-отъ-инфантеріи Милорадовичъ и Барклай-де-Толли, и генераль-отъ-кавалеріи Беннигсенъ. Въ слѣдующіе же затѣмъ годы, императоръ Александръ Павловичъ возвелъ въ графское достоинство: московскаго военнаго генераль-губернатора Гормасова (1816 г.), генераловъ-отъ-инфантеріи Ламздорфа и Вязьмитинова (1818 г.), генераль-адъютанта Коновницына, министра финансовъ и удѣловъ Гурьева (1819 г.) и въ 1821 году—генерала-отъ-инфантеріи барона Фабіана Остенъ-Сакена.

Первымъ изъ получившихъ отъ императора Николая Павловича графскій титулъ былъ командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка Алексѣй Федоровичъ Орловъ, возведенный впоследствии въ княжеское достоинство. Въ день коронаціи пожалованы были графами: военный министръ Татищевъ, генераль-лейтенантъ, впоследствии военный министръ и свѣтлѣйшій князь, Чернышевъ, генераль-лейтенантъ Курута, русскій посолъ въ Парижѣ Поццо-ди-Борго и дѣйстви-тельный тайный совѣтникъ баронъ Григорій

Александровичъ Строгановъ. Въ 1827 году, былъ возведенъ въ графское достоинство генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ, впоследствии фельдмаршалъ, получившій наименованіе «Забалканскаго». Въ 1828 году, данъ былъ титулъ графа Эриванскаго командиру кавказскаго корпуса Паскевичу, будущему фельдмаршалу и свѣтлѣйшему князю Варшавскому. Въ 1829 году, получили графскій титулъ: генераль-адъютантъ баронъ Толь, инженеръ-генераль Опперманъ и министръ финансовъ Канкринъ, а въ 1831 году — генераль-адъютантъ Васильчиковъ, пожалованный, спустя семь лѣтъ, княземъ. Членъ государственнаго совѣта генераль-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ и шефъ корпуса жандармовъ Бенкендорфъ получили графское достоинство въ 1832 году. Изъ генераль-губернаторовъ двое были императоромъ Николаемъ пожалованы графами: с.-петербургскій — Эссенъ и кіевскій — Левашевъ, оба въ 1832 году. Наибольшее число пожалованій приходилось на личный составъ государственнаго совѣта. Такъ получили поэтому учрежденію графскій титулъ: председатель депар-

таменга гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ адмиралъ Мордвиновъ (1834 г.), предсѣдатель государственнаго совѣта Новосильцевъ (1835 г.), предсѣдатель департамента законовъ Сперанскій (1839 г.) и предсѣдатель того же департамента Блудовъ. Изъ министровъ, кромѣ упомянутыхъ выше Татищева и Канкринна, пожалованы были графами: государственныхъ имуществъ Киселевъ (1839 г.), народнаго просвѣщенія Уваровъ (1846 г.), финансовъ Вронченко и внутреннихъ дѣлъ Перовскій, оба въ 1849 году. Получили также графскій титулъ: въ 1839 году, дежурный генералъ военнаго министерства Клейнмихель, въ 1843 году дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Корвинъ-Коссаковскій и каменецъ-подольскій губернский предводитель дворянства Пршездецкій. Впрочемъ, титулъ этотъ былъ данъ ему только лично, безъ распространенія на его потомство. Въ 1847 году возведены были въ графское достоинство главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ В. Ѳ. Адлербергъ, инспекторъ резервной кавалеріи Никитинъ и командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса Ридигеръ.

Первымъ изъ получившихъ графскій титулъ отъ императора Александра II былъ командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. Титулъ этотъ былъ данъ ему за блистательное участіе въ геройской оборонѣ Севастополя 10-го апрѣля 1855 года; 17-го апрѣля того же года, былъ возведенъ въ графское достоинство оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій, а въ декабрѣ того же года — вице-адмиралъ Путятинъ, бывшій потомъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ день коронаціи императора Александра II, возведены были въ графское достоинство: оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, оберъ-камергеръ Рибопьеръ и генералъ-адъютантъ Сумароковъ. Въ послѣдующее затѣмъ время этой награды удостоились: флигель-адъютантъ полковникъ Б. А. Перовскій, генералъ-адъютанты: Евдокимовъ, Литке, Лидерсъ, Граббе, Н. Н. Муравьевъ съ наименованіемъ «Амурскій», генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьевъ, Коцебу, Лорисъ-Меликовъ и П. Н. Игнатьевъ, бывшій предсѣдатель комитета министровъ. Министры: почтъ и телеграфовъ И. М. Толстой

и внутреннихъ дѣлъ Ланской, посоль при лондонскомъ дворѣ баронъ Брунновъ, членъ государственнаго совѣта баронъ Корфъ, военный министръ Милютинъ, генераль-адъютантъ Тотлебенъ, предсѣдатель комитета министровъ П. А. Валуевъ и товарищъ генераль-фельдцейхмейстера Баранцевъ.

Графское достоинство Россійской имперіи получали также прямо и притомъ съ распространениемъ на потомство и лица женскаго пола. Такъ возведены были въ это достоинство: императоромъ Павломъ—статсъ-дама баронесса Ливенъ, получившая впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости; императоромъ Александромъ Павловичемъ—вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Протасова; императоромъ Николаемъ Павловичемъ—статсъ-дама Баранова и императоромъ Александромъ Николаевичемъ—вдова генераль-адъютанта Ростовцева.

Всѣ тѣ случаи пожалованія, о которыхъ мы говорили, относятся только къ пожалованію графскаго достоинства «Россійской имперіи»; но, независимо отъ этого, русскіе государи, какъ

цари польскіе и великіе князья финляндскіе, жаловали иногда графскіе титулы особо по этимъ владѣніямъ. Такъ, наприимѣръ, московскій генераль-губернаторъ Закревскій и намѣстникъ царства Польскаго Бергъ были графами не Россійской имперіи, но только великаго княжества Финляндскаго. Кромѣ того, въ Россіи находится немало «иностранныхъ» графовъ, получившихъ этотъ титулъ или до вступленія ихъ предковъ въ русское подданство, или послѣ того, отъ разныхъ иностранныхъ государей, а также и существовавшихъ въ бывшее время республикъ Венеціанской и Рагузской. Но перечисленіе этихъ фамилій, отчасти признанныхъ въ графскомъ достоинствѣ въ Россіи, а отчасти еще нѣтъ, было бы очень продолжительно. Вообще же объ иностранныхъ титулахъ мы скажемъ далѣе.

Изъ приведеннаго здѣсь перечня русско-графскихъ фамилій видно, что изъ лицъ, получившихъ графское достоинство въ Россіи, было не мало лицъ, принадлежавшихъ къ древнимъ дворянскимъ фамиліямъ. Въ числѣ такихъ лицъ были: Шереметевъ, Толстой, Апраксины,

Салтыковы, Бутурлины, Шуваловы, Панины, Воронцовы, Дмитриевы-Мамоновы, Мусины-Пушкины, Строгановы, Татищевы, Голенищевы-Кутузовы, Коновницынъ, Васильчиковъ, Муравьевы и Валуевъ. Затѣмъ большая ихъ часть были люди «случайные», или изъ средняго дворянства, или занимавшіе по своему происхожденію очень скромное положеніе. Порядокъ пожалованія графскимъ титуломъ не соблюдался особенно въ прошломъ столѣтіи, иногда онъ представлялся первостепенною, а иногда какъ бы среднею только наградой. Въ нынѣшнемъ же столѣтіи графскій титулъ былъ въ большей части случаевъ жалуетъ тѣмъ генераламъ и гражданскимъ сановникамъ, которые уже имѣли орденъ Андрея Первозванпаго, хотя исключенія изъ такого порядка бывали нерѣдко.

Замѣтимъ также, что встрѣчаются извѣстія и объ уклоненіи нѣкоторыхъ лицъ отъ полученія графскаго титула. Такими лицами были: извѣстный генераль 1812 года Раевскій, А. П. Ермоловъ и Нарышкины. Эти послѣдніе отказались, впрочемъ, не только отъ графскаго, но и княжескаго титула. Такой отказъ объясняется

исключительностію ихъ положенія въ царствованіе Петра I, Петра II и Елисаветы Петровны, когда они, по близкому родству съ Петромъ I, считались какъ бы членами царскаго дома и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ занимали первенствующее мѣсто среди всѣхъ вельможъ и царедворцевъ, не смотря даже иной разъ на ихъ невысокую чиновность.

Вдобавокъ къ этому, упомянемъ еще объ одномъ весьма своеобразномъ титулѣ — о титулѣ кесаря съ титуломъ «величества». Титулъ этотъ, пожалованный Петромъ Великимъ князю Федору Юрьевичу Ромодановскому употреблялся и въ правительственной перепискѣ и отъ князя Федора перешелъ къ сыну его князю Ивану Федоровичу, умершему въ 1730 году. Несомнѣнно, однако, что титулъ этотъ былъ шуточный, какъ и титулъ князя-папы. Императоръ Павелъ, передавая фамилію и титулъ князей Ромодановскихъ генералъ-поручику Ладыженскому, не предоставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему титулъ «кесаря», но тѣмъ не менѣе дозволилъ ему употреблять придворную ливрею — право, которымъ пользовался «кесарь» его дѣдъ.

V.

Титулы свѣтлости и сіятельства.

Въ дополненіе къ княжескому и графскому достоинствамъ у насъ существуютъ особыя титулы, или такъ называемые «предикаты», что по-русски можно перевести словомъ величаніе: «свѣтлость» и «сіятельство». Мы уже упоминали о тѣхъ лицахъ, которымъ одновременно съ княжескимъ достоинствомъ или нѣсколько позднѣе послѣ того былъ приданъ титулъ свѣтлости. Но, кромѣ этого, въ видѣ особой награды получили предикатъ свѣтлѣйшихъ и не жалованные, а прирожденные князья. Такіе титулы въ отдѣльности стали жаловать только императоръ Николай Павловичъ и ихъ получили: въ 1834 году фельдмаршалъ и министръ императорскаго двора князь Петръ Михайловичъ Вол-

конскій; послѣ него московскій генераль-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, и отъ императора Александра Николаевича государственный канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Дополнительные эти титулы распространены и на потомство пожалованныхъ ими лицъ. По-французски титулъ этотъ переводится *Altesse Serenissime*, а по-нѣмецки *Durchlaucht*.

Обыкновенно всѣмъ князьямъ придается у насъ титулъ «сіятельства», но это вовсе неправильно, такъ какъ вообще князь самъ по себѣ не имѣетъ еще по закону такого величанія и можетъ пользоваться имъ только по своему чину, но не именоваться сіятельствомъ. Титулъ сіятельства, какъ и титулъ свѣтлости, у насъ вообще для князей никогда установленъ не былъ, а потому можетъ быть присвоенъ только въ силу особаго, каждый разъ, пожалованія отъ высочайшей власти, и такое пожалованіе совершается обыкновенно при выдачѣ князьямъ, имѣющимъ княжеское достоинство по праву рожденія, при пожалованіи имъ утвердительныхъ грамотъ въ этомъ почетномъ достоинствѣ.

Къ такимъ княжескимъ родамъ принадлежатъ, на примѣръ, Долгоруковы, Шаховскіе, Волконскіе и нѣкоторыя другіе; но, на примѣръ, князья изъ мордвы не имѣютъ права на величаніе «сіятельствомъ», если въ данныхъ имъ грамотахъ они сами или вообще родъ ихъ не признанъ «сіятельными» князьями. Между тѣмъ, такъ какъ такое вполне законное различіе между простымъ княземъ и княземъ сіятельнымъ мало кому извѣстно вообще, и еще менѣе можетъ быть извѣстно относительно каждаго рода или каждаго отдѣльнаго лица, то и установился у насъ обычай всѣхъ вообще князей и графовъ, — если только первые не имѣютъ завѣдомо титула свѣтлости, — величать сіятельствомъ. Въ Германіи, на примѣръ, при незначительномъ тамъ числѣ княжескихъ фамилій различіе это соблюдается строго.

Такая неправильность примѣняется у насъ вообще и къ иностраннымъ князьямъ и графамъ, и исключеніе вполне основательно сдѣлано лишь въ отношеніи Демидова, имѣвшаго пожалованный ему королемъ итальянскимъ титулъ князя Санъ-Донато; покойнаго Демидова,

какъ и слѣдовало, не величали ни свѣтлостью, ни сіятельствомъ, а только соотвѣтственно его чину. Дѣйствительно, если въ самой Италиі «il principe», — по нашему «князь», — не имѣетъ, безъ особаго пожалованія, никакого предиката, и если этотъ послѣдній не присвоенъ былъ Демидову при дозволеніи ему именоваться княземъ въ Россіи, то не было никакого повода придавать ему такое особое величаніе, на какое самъ по себѣ, безъ высочайшаго соизволенія, не имѣетъ права и русскій князь, хотя бы онъ по происхожденію былъ Рюриковичъ или Гедиминичъ и княжеское его достоинство не подлежало бы ни малѣйшему сомнѣнію.

Замѣчаніе наше насчетъ титула сіятельства примѣняется вполнѣ къ иностраннымъ графамъ вообще. Даже при высочайше данномъ кому либо дозволеніи пользоваться въ Россіи графскимъ титуломъ, онъ не вносится, при составленіи «Общаго Гербовника», въ тотъ его отдѣлъ, въ который вносятся роды, получившіе почетные титулы отъ русскихъ государей, но помѣщается во второй отдѣлъ или въ третій, на ряду съ нетитулованными родами, и только дѣлается за-

мѣтка, что они имѣютъ иностранный титулъ такого-то и такого-то государства, а затѣмъ на причисленіе къ русскому титулованному дворянству требуется особое высочайшее соизволеніе. Кромѣ того, графы ни прежняго французскаго королевства, ни двухъ французскихъ имперій не пользовались и у себя дома никогда никакимъ предикатомъ. То же слѣдуетъ сказать о графахъ всѣхъ другихъ государствъ, весь титулъ которыхъ ограничивался только «господинъ графъ» — *monsieur le comte, il signore conte*. Даже въ Германіи, гдѣ графскій титулъ пользуется бѣльшимъ, чѣмъ въ другихъ государствахъ, почетомъ, лишь нѣкоторымъ графскимъ родамъ присвоенъ предикатъ «сіятельства» — *Erlaucht*—это тѣ старинныя нѣмецкія графскія фамиліи, члены которыхъ въ старину носили названіе «*comites illustrissimi*» и за которыми титулъ этотъ былъ утвержденъ сеймомъ бывшаго германскаго союза 13-го февраля 1829 года. Всѣ же остальные графы довольствуются—да и то въ видѣ вѣжливаго, а не обязательнаго обращенія—величаніемъ «высокоблагородія», т. е. *Hochwohlgeboren*. При первыхъ у насъ по-

жалованіяхъ графскихъ титуловъ лицамъ, получившимъ ихъ, присвоивали только предикатъ «высокоблагородіе». Между тѣмъ при Петрѣ всѣ сенаторы, безъ различія, былъ ли онъ графъ или князь, титулуемы были «сіятельствомъ».

Говоря о примѣненіи у насъ къ иностраннымъ графскимъ титуламъ величанія «сіятельствомъ», должно замѣтить слѣдующую непоследовательность. Въ русскомъ подданствѣ состоитъ нѣсколько фамилій, какъ, на примѣръ, де-Траверсе, Пауллучи, за которыми признается русскимъ правительствомъ не употребляемый у насъ вообще титулъ «маркизовъ», но при сношеніяхъ съ ними ни въ казенной, ни въ частной перепискѣ имъ не придается «сіятельства». Между тѣмъ маркизь или маркграфъ одной степеню выше графа. Изъ этого слѣдуетъ, что если у насъ всѣхъ графовъ, и между ними и иностранныхъ, чествуютъ «сіятельствомъ», то тѣмъ соотвѣтственнѣе придавать такое величаніе и всѣмъ маркизамъ.

VI.

Баронскій титулъ.

Древній титулъ «барона» (по-латини *baro*) былъ въ Западной Европѣ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, самымъ почетнымъ титуломъ. Тамъ въ это время подъ словомъ «баронъ» подразумѣвались не только высшіе государственные чины, но и вообще всѣ феодальные владѣтели, хотя бы они имѣли и герцогскіе, и княжескіе, и маркграфскіе, и графскіе титулы. Во время крестовыхъ походовъ титулъ этотъ былъ занесенъ на Востокъ и тамъ пріобрѣлъ такой большой почетъ, что и донынѣ среди армянъ, живущихъ въ Россіи и въ Турціи, титулъ барона считается высшимъ отличіемъ, такъ какъ тамъ съ названіемъ барона сохранилась память о прославившихся крестоносныхъ вождяхъ, отнявшихъ Іерусалимъ отъ невѣрныхъ.

У насъ, на Руси, какъ въ странѣ чуждой всякой феодальной закваскѣ, никогда никакихъ бароновъ не могло быть и въ заводѣ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе сношеній разнаго рода русскихъ съ нѣмецкими рыцарями, завоевавшими южно-восточное побережье Балтійскаго моря, въ старинныхъ нашихъ рукописныхъ памятникахъ упоминается о баронахъ, которыхъ стали называть у нѣмцевъ «фрейгерами» (Freiherr), а по-русски стали переводить это слово «вольный господинъ». Такой переводъ былъ вѣренъ не только буквально, но и по тому значенію, какое имѣетъ «фрейгеръ», будучи владѣльцемъ помѣстья, не зависѣвшимъ ни отъ кого, кромѣ государя или, примѣнительно къ тевтонскому ордену, отъ его гермейстера.

Между тѣмъ въ Западной Европѣ титулъ барона не только началъ утрачивать постепенно свое прежнее значеніе, но и приходитъ въ преенебреженіе. Бароновъ, — только по дипломамъ, а не по поземельнымъ владѣніямъ, — расплодилось очень много, особенно когда прежніе мелкіе германскіе владѣтели присвоили себѣ право раздавать баронскій титулъ. Наконецъ,

титулъ этотъ потерялъ въ общественномъ мнѣніи всякое уваженіе, когда имъ стали украшаться всякіе проходимцы, а также и разбогатѣвшіе евреи. Въ настоящее время такихъ бароновъ очень много и во Франціи, и въ Италиі, и въ Германіи, преимущественно же въ Австріи.

Что касается бароновъ, находящихся въ Россіи, то ихъ можно раздѣлить на три разряда: на бароновъ, получившихъ этотъ титулъ отъ русскихъ государей, на бароновъ, пожалованныхъ этимъ титуломъ иностранными государями, и на бароновъ, носящихъ этотъ титулъ вслѣдствіе своего стариннаго нѣмецко-дворянскаго происхожденія, безъ особаго пожалованія.

До Петра Великаго «русскихъ бароновъ» вовсе не было. Первымъ изъ нихъ былъ пожалованъ, въ 1710 году, подканцлеръ Шафировъ, внукъ крещеннаго еврея. Въ 1721 году, Петръ далъ русско-баронскій титулъ тайному совѣтнику Остерману, сыну нѣмецкаго пастора, за заключеніе Ништадтскаго мира. Затѣмъ, въ 1722 году, были Петромъ пожалованы въ бароны три брата Строгановыхъ, носившіе до этого времени званіе именитыхъ людей и не

числившіеся не только среди московскаго боярства, но и среди служилаго дворянства.

Екатерина I, въ 1726 году, пожаловала барономъ Луку Четихина, по преданію любимаго своего карлика, а въ слѣдующемъ году выдала дипломъ на баронство тремъ братьямъ Соловьевымъ, происходившимъ изъ мѣщанскаго сословія, которыхъ еще Петръ I, за услуги ихъ по торговой части, обѣщаль пожаловать въ бароны. При Петрѣ II были возведены въ бароны: Констансъ, камердинеръ государя, и камеръ-юнкеръ Поспѣловъ. Елисавета Петровна пожаловала баронство только одному, а именно тайному совѣтнику Черкасову.

Екатерина II была довольно щедра на раздачу баронскаго титула. При ней получили его въ 1769 году англичанинъ, лейбъ-медикъ Димздель и второй его сынъ, съ соблюденіемъ въ этомъ случаѣ англійскаго порядка по наследованію почетныхъ титуловъ, т. е. съ переходомъ его по праву первородства въ нисходящемъ потомствѣ каждаго изъ пожалованныхъ лицъ. Въ 1773 году получилъ отъ Екатерины II баронскій титулъ банкиръ Фредериксъ, русскій ре-

зидентъ при дворѣ князя-епископа любскаго, Местмахеръ, генераль-маіоръ Спренгпортенъ, и въ 1789 году, выслужившійся изъ вольноопредѣлившихся до чина генераль-аншефа, Меллеръ, причемъ къ прежнему его прозванію было, по пожалованному ему помѣстью за рѣкою Комелью, прибавлено прозваніе Закомельскій.

Императоръ Павелъ Петровичъ, любившій, — какъ замѣчено выше, — раздавать почетные титулы, пожаловалъ, въ день своего коронаванія, 5-го апрѣля 1797 года, баронами: государственнымъ казначея, тайнаго совѣтника Васильева и с.-петербургскаго коменданта Аракчеева, а въ 1799 году, — егермейстера Кутайсова. Всѣ эти бароны были впоследствии графами. Кромѣ ихъ, Павелъ въ 1800 году въ одинъ день пожаловалъ баронами трехъ придворныхъ банкировъ, а именно: московскаго купца Роговикова, португальца Вельо и нѣмца Раля.

При императорѣ Александрѣ Павловичѣ былъ пожалованъ барономъ только одинъ — дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ Колокольцевъ, потомокъ татарскаго рода. Современники его передавали, что Колокольцеву очень

желательно было получить графское достоинство, и что молодые люди, — это было въ 1801 году, — окружавшіе государя, желая подшутить надъ искательнымъ честолюбцемъ, внушили государю мысль пожаловать его совершенно неожиданно барономъ, а онъ съ своей стороны былъ крайне огорченъ, какъ насмѣшкою, такою наградою, которая только что передъ этимъ дана была сразу тремъ банкирамъ и которая не подходила къ его высокому чину и важному въ то время сенаторскому званію. Огорченный сановникъ обреченъ былъ просуществовать барономъ семнадцать лѣтъ, до конца своей жизни.

Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ баронскій титулъ тоже одному только лицу — придворному банкиру Штиглицу въ день своей коронаціи, 22-го августа 1826 года, а императоръ Александръ Николаевичъ далъ баронскій титулъ: извѣстному суконному фабриканту въ царствѣ Польскомъ Захерту, придворному банкиру Фелейзину и главѣ с.-петербургскаго купеческаго дома Кусову, въ столѣтнюю годовщину этого дома.

Частое пожалованіе въ Россіи баронами лицъ

купческаго званія породило у насъ ошибочное мнѣніе, будто первенствующій представитель торговаго дома и потомство этого представителя, если такой домъ просуществуетъ столѣтъ, имѣютъ «по закону» право на полученіе баронскаго титула. Между тѣмъ, такого закона не существуетъ, да и никогда не существовало.

Другой разрядъ бароновъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ,—это бароны, получившіе баронскій титулъ, хотя тоже отъ русскихъ государей, но только по великому княжеству Финляндскому. Пожалованы были такими баронами десять лицъ, а послѣдній изъ нихъ, получившій титулъ, былъ министръ статсъ-секретарь по великому княжеству Финляндскому тайный совѣтникъ Бруннъ. Титулъ этотъ данъ былъ ему въ день коронаціи нынѣ царствующаго государя императора.

Кромѣ того, существуютъ у насъ немало, въ общей сложности, бароновъ прежней Римской и нынѣшней Австрійской имперій, бывшей первой Французской имперіи и королевствъ Шведскаго и Сардинскаго, а также бароны нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государствъ. Пожа-

лованіе иностраннаго баронскаго титула не даетъ правъ на дворянство въ Россіи, и, на примѣръ, бароны Гауфъ и Гинцбургъ оставались въ званіи потомственныхъ почетныхъ гражданъ, въ какомъ они состояли до полученія титула, которымъ имъ только было дозволено пользоваться въ Россіи. Такое дозволеніе, но не «утвержденіе» кого либо въ какомъ либо почетномъ титулѣ не дѣлаетъ никого въ Россіи обязательнымъ употреблять, этотъ титулъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ, кто имѣетъ имъ право пользоваться.

Наконецъ, къ третьему разряду бароновъ изъ русскихъ подданныхъ слѣдуетъ отнести многочисленныхъ бароновъ изъ остзейскихъ провинцій. Тамъ, кромѣ тѣхъ дворянскихъ фамилій, которыя носятъ полученный отъ разныхъ государей общій баронскій, а не исключительно нѣмецкій фрейгерскій титулъ, есть еще свои мѣстные бароны, право которыхъ на этотъ титулъ истекаетъ изъ особаго историческаго начала. Въ отношеніи къ нѣмецкому прибалтійскому дворянству, русское правительство сдѣлало въ сущности то же самое, что сдѣлало

австрійское правительство въ отношеніи къ польскому дворянству въ Галиціи.

По присоединеніи этого края къ наследственнымъ владѣніямъ Габсбургскаго дома, австрійское правительство, для привлеченія на свою сторону польскаго дворянства, узаконило, что тѣ польскіе шляхетскіе роды, въ числѣ прямыхъ предковъ которыхъ былъ «староста», т. е. владѣлецъ имѣнія, отданнаго во временное пользованіе королемъ, имѣютъ право на графскій титулъ по королевству Галиційскому. Вслѣдствіе этого у насъ находится немало австропольскихъ графовъ. Въ свою очередь и русское правительство по отношенію къ нѣмецко-прибалтійскому краю, въ 1846 году, постановило, что въ этомъ краѣ имѣютъ право на баронскій титулъ тѣ старинныя дворянскія фамиліи, которыя во время присоединенія къ Россіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи записаны были въ тамошнихъ мѣстныхъ матрикулахъ, т. е. дворянскихъ родословныхъ книгахъ, и потомъ въ указахъ, рескриптахъ и другихъ публичныхъ актахъ именованы были баронскимъ титуломъ. При первомъ изъ этихъ условій, остзейскіе бароны, по древности

своего дворянскаго происхожденія, сплошь и рядомъ, могутъ уступать русскимъ дворянамъ, внесеннымъ въ шестую часть дворянской книги, такъ-какъ для внесенія въ эту часть нужно доказать дворянство, по крайней мѣрѣ, за двѣсти лѣтъ отъ настоящаго времени, тогда какъ въ остзейскомъ краѣ такой древности не требуется.

Право на баронскій титулъ въ Остзейскомъ краѣ принадлежитъ не только тѣмъ лицамъ, съ ихъ прямымъ потомствомъ, которыя въ упомянутыхъ выше актахъ именовались баронами, но вообще всему ихъ роду, т. е. всѣмъ лицамъ, которыя, нося одну съ ними фамилію, представляютъ законныя доказательства о происхожденіи своемъ отъ одного общаго родоначальника, записаннаго въ мѣстныхъ матрикулахъ до присоединенія прибалтійскихъ областей къ Россіи.

Баронскому титулу не придается у насъ никакого дополнительнаго величанія. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Петръ I въ грамотѣ, данной имъ на баронство тайному совѣтнику Шафирову, наименовалъ его въ ней «превосходительнымъ», но такое величаніе относилось

къ нему, Шафирову, а не къ жалуемому ему баронскому титулу. Елисавета Петровна въ грамотѣ, данной на такой же титулъ тайному совѣтнику Черкасову, наименовала его въ ней только «высокороднымъ», такъ что понизила его противъ личнаго его величанія, но зато титулъ «высокородія» распространень былъ на все его нисходящее потомство, хотя бы оно и было вовсе безчиновное.

СЛІАНІЕ ІНОЗЕМЦЕВЪ СЪ РУССКИМИ

Сліяніе иноземцевъ съ русскими.

Историческій очеркъ *).

Обыкновенно у насъ думаютъ, что значеніе иностранцевъ въ Россіи началось собственно со времени Петра Великаго, такъ гостепріимно принимавшаго въ русскую службу инородцевъ и такъ охотно заимствовавшаго у нихъ какъ военные и гражданскіе порядки, такъ и обстановку общественной и домашней жизни. Мнѣніе это, однако, не вполне вѣрно, потому что выгодное положеніе людей «выѣзжихъ» установилось на Руси издавна. Со времени же Пе-

*) Для этой статьи послужили источниками: «Общій Гербовникъ Россійской Имперіи», «Родословныя книги», изданныя: въ 1787 году Новиковымъ и въ позднѣйшее время кн. П. В. Долгоруковымъ и редакцію «Русской Старины», а также нѣкоторыя отдѣльныя изданія о русскихъ дворянскихъ родахъ.

тра въ этомъ отношеніи замѣчается та разница, что взамѣнъ выходцевъ преимущественно съ востока, изъ татаръ, въ Россіи начали преобладать выходцы изъ западной Европы, и безъ всякаго сомнѣнія эти послѣдніе были, во многихъ отношеніяхъ, полезнѣе первыхъ.

Достовѣрно или вымышленно, но исторія государства російскаго начинается съ прихода изъ-за моря перазгаданныхъ досель чужемцевъ-варяговъ, приглашенныхъ владѣть и княжить въ землѣ славянской. Мѣстное же наше церковное управленіе, со времени водворенія христіанства, было подчинено долгое время исключительно греческимъ іерархамъ и клиру, состоявшему изъ грековъ, и не безъ большихъ усилій со стороны велико-княжеской власти и русской паствы удалось, наконецъ, ставить митрополитовъ изъ природныхъ русскихъ. Позднѣе Русь подпала подъ господство азіатскихъ выходцевъ-татаръ. По сверженіи же ихъ ига, въ Москвѣ снова появились весьма замѣтными дѣятелями пріѣзжіе греки. Въ малолѣтство царя Ивана Васильевича самыми первенствующими вельможами были князья Глинскіе, литовскіе

ВЫХОДЦЫ, ПОТОМКИ ТАТАРСКАГО ВОЕАЧАЛЬНИКА
 МАМАЯ. КОГДА ЖЕ ЭТОТЪ ГОСУДАРЬ РАЗДѢЛИЛЪ
 ЦАРСТВО МОСКОВСКОЕ НА ОПРИЧНИНУ И ЗЕМЩИНУ,
 ТО УПРАВЛЕНІЕ ГОСУДАРСТВОМЪ ОНЪ ПЕРЕДАЛЪ НЕ
 ПРИРОДНОМУ РУССКОМУ, А КРЕЩЕНОМУ ТАТАРИНУ
 СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ, НАИМЕНОВАВЪ ЕГО ВЕ-
 ЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ МОСКОВСКИМЪ И ВСЯ РУСИ. Пе-
 редача была номинальная, конечно. Самъ же
 царь передъ иноземными послами нерѣдко хва-
 лился своимъ нерусскимъ происхожденіемъ, вы-
 вода свое родоначаліе то изъ Баваріи, то изъ Рима
 отъ Августа-Кесаря. Царь Борисъ Феодоровичъ
 Годуновъ, татаринъ по происхожденію, дѣлалъ
 то же, что въ послѣдствіи Петръ Великій: онъ
 благосклонно и съ почетомъ принималъ въ Мо-
 сквѣ иноземцевъ, приглашая ихъ вступать въ
 свою службу на самыхъ выгодныхъ для нихъ
 условіяхъ. По пресѣченіи на московскомъ пре-
 столѣ рода Рюриковичей, звали на русское цар-
 ство иноземныхъ королевичей: въ Москвѣ — поль-
 скаго, а въ Новгородѣ — шведскаго; послѣднее,
 впрочемъ, объясняется смутнымъ временемъ и
 было дѣломъ партіи, съ которой народъ не имѣлъ
 ничего общаго. Призывъ иностранцевъ на

службу продолжался. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были уже въ Москвѣ цѣлые полки изъ иноземцевъ, изъ нихъ же состояла и охранная царская стража. При немъ же, для сочиненія «Уложенія», были вызваны законовѣды изъ Польши. Въ исходѣ XVII столѣтія почти во всѣхъ русскихъ боярскихъ домахъ и даже въ царской семьѣ наставниками были выходцы изъ Польши.

Къ этому нужно прибавить, что у насъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, главными торговыми дѣятелями были любчане, голландцы и англичане; въ то же время артиллеристы, инженеры, архитекторы, рудокопы, литейщики, врачи и ремесленники, составлявшіе значительную часть населенія въ Москвѣ, были преимущественно изъ иноземцевъ. Такимъ образомъ выѣзжіе люди еще до Петра Великаго занимали у насъ видное мѣсто по разнымъ отраслямъ общественной и промышленной дѣятельности, такъ что Петръ I своими западно-европейскими реформами только усилилъ приливъ иностранцевъ въ Россію, продолжая въ сущности посту-

пать въ этомъ случаѣ такъ же, какъ поступали нѣкоторые изъ его предшественниковъ.

До какой степени и въ стародревней еще Руси былъ силенъ приливъ инземцевъ, лучше всего можно судить по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ сложился у насъ правящій классъ, — стоявшій на высшей ступени государственной и придворной службы — коренное русское боярство. Если мы обратимся къ «бархатной книгѣ», хранящейся нынѣ въ подлинникѣ въ департаментѣ герольдіи при правительствующемъ сенатѣ и такъ названной по ея бархатному переплету, то увидимъ, что почти все наше древнее дворянство ведетъ свое начало отъ инземцевъ, выѣзжавшихъ въ разное время на службу къ великимъ князьямъ кіевскимъ, черниговскимъ, тверскимъ, рязанскимъ, московскимъ и новгородскимъ. Мысль о томъ, что все древнее наше дворянство не русскаго, а инземнаго происхожденія, утвердилась до такой степени, что при изданіи въ 1785 году общей формы для родословныхъ росписей древнихъ дворянскихъ фамилій постановлено указывать о родоначальникѣ каждой такой фамиліи въ слѣдующей

формуль: «выѣхалъ въ Россію оттуда-то при великомъ князѣ такомъ-то». Такая формула какъ нельзя болѣе приближается къ дѣйствительности. Изъ дворянскихъ фамилій, внесенныхъ въ «бархатную книгу», кромѣ фамилій, происшедшихъ отъ Рюрика, нѣтъ ни одной не только коренной московской, но даже вообще и велико-русской фамиліи, такъ какъ родоначальники ихъ были изъ кесаговъ (черкесовъ), литовцевъ, пруссовъ, волынянъ, галичанъ, германцевъ, татаръ, шведовъ и грековъ. Въ достовѣрности такого факта нельзя сомнѣваться, такъ какъ лица, носившія разныя уже коренныя русскія фамильныя прозванія и отдѣлившіяся отъ общаго корня за триста или четырехста лѣтъ, считали себя однородцами и всѣ сводили себя къ тому или другому родоначальнику изъ иноземцевъ. Кромѣ упомянутыхъ родовъ, существуетъ у насъ еще весьма много древнихъ дворянскихъ фамилій, неизвѣстно почему именно невнесенныхъ въ бархатную книгу, родоначальники которыхъ выѣхали также въ Русь изъ-чужа. Вдобавокъ къ этому, въ средне-восточныхъ губерніяхъ Россіи большая часть

мѣстнаго дворянства составила изъ ерещенныхъ татарскихъ мурзъ и такъ называемыхъ мордовскихъ «панковъ». Эти инородцы пользовались, сравнительно съ коренными русскими, большимъ почетомъ, такъ какъ имъ при крещеніи давался княжескій титулъ. Вслѣдствіе этого у насъ существуетъ до 100 такихъ княжескихъ фамилій татарскаго и мордовскаго происхожденія, которыя никогда не были извѣстны ни въ исторіи, ни въ служебномъ поприщѣ, ни въ обществѣ. Потомки упомянутыхъ мордвы и татаръ, въ качествѣ помѣщиковъ, сдѣлались преобладающимъ классомъ надъ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Затронувъ вопросъ о слишкомъ замѣтномъ преобладаніи, сперва среди боярства, а потомъ и среди древняго великорусскаго дворянства, инопоземныхъ элементовъ, мы не будемъ говорить здѣсь о такихъ, хотя и совершенно обрусѣлыхъ, фамиліяхъ, въ которыхъ слышится явственно ихъ не-великорусское происхожденіе; мы остановимся только на такихъ, которыя и по ихъ созвучію, и по значенію, и по окончанію кажутся безусловно русскими, между

тѣмъ какъ родоначальники ихъ были выѣзжіе иноземцы. Такъ исторически извѣстная фамилія графовъ и дворянъ Шереметевыхъ; князя, графы и дворяне Салтыковы, представители одной изъ самыхъ знаменитыхъ у насъ фамилій; Морозовы—имѣвшіе нѣкогда такое большее значеніе при царскомъ дворѣ—потомки пруссаковъ. Графы и дворяне: Апраксины—татарина, Толстые — нѣмца, Головины — грека, Валуевы (Воловичи)—знатнаго литовца, сынъ и внукъ котораго участвовали въ 1380 году въ знаменитой куликовской битвѣ, гдѣ палъ первый изъ нихъ бояринъ Тимофѣй Васильевичъ; участникомъ въ этой битвѣ былъ и предокъ Квашниныхъ-Самариныхъ, внукъ выходца изъ Галиціи. Такой перечень русско-иноземныхъ родовъ можно было бы продолжить на нѣсколькихъ страницахъ, и тогда мы увидѣли бы, что подъ такими чисто-русскими фамиліями, какъ, напр., Левшины (Левенштейнъ), Соковнины (Иксюли), Козодавлевы (Косъ - фонъ - Даленъ), Яхонтовы (фонъ-Доленъ), Левашевы (тоже), Мятлевы, Неплюевы, Протопоповы, Пупковы и т. д. кроются потомки выѣзжихъ въ

Россію нѣмцевъ. Фамилію Лихачевыхъ (Лиховичи), какъ нельзя болѣе русскую и довольно извѣстную въ нашей исторіи въ концѣ XVII столѣтія, носятъ потомки литовскаго выходца. Нагіе, изъ рода которыхъ была мать царевича святаго Дмитрія Угличскаго, пошли отъ выѣзжавшаго въ Россію датчанина, Грязновы—отъ француза, Возницыны—отъ поляка, Бестужевы—отъ англичанина, Нащокіны—итальянца, а извѣстная англійская фамилія Гамильтонъ обратилась въ чисто-русскую фамилію Хомутовыхъ.

Нѣкоторые изъ родоначальниковъ древнихъ русскихъ дворянскихъ фамилій приходили въ Россію не въ одиночку, но со своими единоплеменниками. Такъ, наприимѣръ, родоначальникъ Квашниныхъ - Самаринныхъ, галичанинъ Несторъ Рябець, привелъ съ собою дружину, численностію около 1700 человекъ, а родоначальникъ Толстыхъ, нѣмецъ Индрисъ—около 2000. Такимъ образомъ и ратныя силы древней Руси значительно пополнялись иноземными выходцами, и такой ихъ приливъ не могъ, конечно, оставаться безъ вліянія на нашъ военный бытъ

въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Правда, что всѣ древніе иноземные роды давно уже и вполне обрусѣли, но въ виду того, что все такъ называемое столбовое дворянство наше произошло отъ иноземцевъ, занимавшихъ высшія военныя, гражданскія и придворныя должности, нельзя не признать, что у насъ иноземцы искони пользовались особымъ почетомъ. Потомки ихъ не только были равны во всемъ съ коренными русскими, но очень часто заслоняли ихъ собою. Такъ, напримѣръ, князья Черкасскіе, происходящіе отъ египетскаго султана Инала, и князья Урусовы, потомки татарскаго военачальника Эдигея, въ XVII вѣкѣ бывали только въ боярахъ, а въ окольнічьи не были, и это было очевиднымъ признакомъ ихъ «дородства» или знатности. Они, да и другіе многіе выѣзжіе роды, успѣшно мѣстничали съ Рюриковичами, изъ которыхъ многіе, какъ тогда говорилось, «захудали». Мы уже видѣли, что въ составѣ древняго русскаго дворянства были выходцы изъ разныхъ народностей; только еврейское племя не имѣло въ немъ своихъ представителей. Но въ новомъ дворянствѣ оказались и

они. Такъ при Петрѣ Великомъ вице-канцлеръ баронъ Шафировъ былъ внукъ крещенаго еврея Шапира; извѣстный около той же поры русскій дипломатъ Веселовскій былъ также еврей по происхожденію. Добавимъ къ этому, что вступившіе позднѣе въ русское подданство князья Багратіоны считаются потомками израильскаго царя Давида, хотя это такъ же достовѣрно, какъ происхожденіе Багратіоновъ по прямой линіи отъ Адама.

Представивъ въ краткомъ очеркѣ значеніе иноземнаго элемента въ древней Россіи, обратимся теперь въ частности къ иноземному происхожденію личностей знаменитыхъ или извѣстныхъ въ нашей отечественной исторіи. Такихъ личностей отыщется весьма много, въ особенности если мы станемъ восходить къ началу фамилій и вѣрить всѣмъ родословнымъ на слово. Эту оговорку считаемъ необходимою для повѣрки слѣдующихъ данныхъ. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые іерархи нашей церкви и между ними извѣстный Арсеній, митрополитъ ростовскій, были польскаго

происхожденія, а мѣтившій на упраздненный патріаршій престолъ епископъ воронежскій Георгій былъ потомокъ татарина. Прославившійся въ смутное время своими патріотическими доблестями келарь троицко-сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ, имѣлъ своимъ родоначальникомъ польскаго пана.

Отъ церкви перейдемъ къ ратному дѣлу.

Изъ числа бывшихъ у насъ до сего времени генералъ-фельдмаршаловъ, не считая при этомъ лицъ изъ русскаго Императорскаго и другихъ владѣтельныхъ домовъ, двое Разумовскихъ, Гудовичъ и Паскевичъ, — были природные малороссы. Изъ прочихъ фельдмаршаловъ, Головинъ былъ потомокъ греческаго князя, Шереметевъ — выходца изъ Пруссіи, герцогъ Кроа — бельгіецъ, Сапѣга — полякъ, Брюсъ — шотландецъ, Минихъ — ольденбургецъ, двое князей Трубецкихъ — потомки великаго князя Литовскаго Гедимина, Ласси — ирландецъ, Бутурлинъ — потомокъ пѣмецкаго выходца, Апраксинъ — татарина, трое Салтыковыхъ — пруссака, Бестужевъ-Рюминъ — англичанина, Голицынъ — Геди-

мина, двое Чернышевыхъ—поляка, также какъ и знаменитый князь Потемкинъ-Таврическій, происходившій изъ фамиліи заурядныхъ польскихъ шляхтичей Петемпскихъ. Прославленный въ боевыхъ нашихъ лѣтописяхъ фельдмаршалъ, а потомъ генералиссимусъ, князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій происходилъ отъ выѣхавшаго въ Россію шведа. Отъ того самаго родоначальника произошелъ и одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ севастопольскихъ героевъ—генералъ Хрулевъ. Далѣе мы замѣтимъ, что фельдмаршалъ Мусинъ-Пушкинъ былъ потомокъ нѣмецкаго выходца, Эльмцъ—природный нѣмецъ, герцогъ Брольо—французъ. Признаваемый спасителемъ отечества въ 1812 году князь Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій былъ потомокъ выѣхавшаго въ Россію нѣмца Гавриила. Замѣтимъ кстати, что мать его, какъ и мать прославившагося передъ тѣмъ за двѣсти лѣтъ избавителя Москвы отъ поляковъ—князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, была изъ рода Беклемишевыхъ, ведущаго свое начало также отъ нѣмецкаго вы-

ходца по имени Льва. Князь Воронцовъ былъ потомокъ варяга Аѳрикана.

Фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, Витгенштейнъ, фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, Дибичъ-Забалкапскій и Бергъ были не русскіе. Къ нимъ нужно причислить и знаменитаго герцога Виллингтона.

Такимъ образомъ оказывается, что изъ 45 бывшихъ у насъ съ 1700 г. фельдмаршаловъ, исключая лицъ изъ владѣтельныхъ домовъ, высшее военное званіе принадлежало: 13—русскимъ, происшедшимъ отъ иноземцевъ, выѣхавшихъ въ Россію, 12—иностранцамъ или отзейскимъ нѣмцамъ, 6—Рюриковичамъ, 6—Гедиминовичамъ, 4—малороссамъ, такъ что въ числѣ русскихъ были собственно не иноземнаго происхожденія только два фельдмаршала—братья Шуваловы. Что же касается фельдмаршала Каменскаго, то родъ его неизвѣстенъ, а о князѣ Меншиковѣ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ литовскаго происхожденія.

Къ числу знаменитѣйшихъ нашихъ военачальниковъ, хотя и русскихъ, но иноземнаго происхожденія, принадлежалъ и Алексѣй Пет-

ровичъ Ермоловъ, потомокъ татарскаго мурзы Арслана-Ермола. Отъ татарскаго же мурзы происходилъ и извѣстный нашъ партизанъ и стихотворецъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Изъ числа бывшихъ у насъ первенствующихъ гражданскихъ сановниковъ — государственныхъ канцлеровъ, были иноземнаго происхожденія князь Черкасскій, Бестужевъ-Рюминъ, Воронцовъ и Панинъ, — потомокъ итальянца, выѣхавшаго въ Россію изъ Лукки; двое малороссовъ: Безбородко и Кочубей, и два нѣмца — Остерманъ и Нессельроде; мать послѣдняго была дочь португальскаго банкира изъ евреевъ. Затѣмъ канцлерами были только два исконныхъ русскихъ: Головкинъ и Румянцевъ; изъ Рюриковичей одинъ — князь Горчаковъ. Вице-канцлерами, кромѣ Головкина, Остермана, Панина, Кочубея, Нессельроде и князя Горчакова, пожалованныхъ канцлерами, были: баронъ Шафировъ, еврей по происхожденію, графъ Растопчинъ — татаринъ, Колычевъ — потомокъ прусскаго выходца, Голицынъ и Куракинъ, происшедшіе отъ Гедемина.

Было бы чрезвычайно долго исчислять извѣст-

ныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, подходящихъ подъ то условіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Мы замѣтимъ только, что, на примѣръ, графамъ Орловымъ, екатерининскихъ временъ—людямъ вполнѣ русскимъ, приписывается, по ихъ родоначальнику, «мужу честну» Льву, нѣмецкое происхожденіе, а изъ извѣстныхъ у насъ государственныхъ людей были: предсѣдатели государственнаго совѣта: графъ Новосильцевъ—потомокъ шведа Шалая, князь Васильчиковъ—пѣмца Индриса, графъ Левашовъ—нѣмца Дола и графъ Блудовъ—венгерца. Министръ Юстиціи Дашковъ и министры народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ и князь Шеринскій имѣли своими родоначальниками татарскихъ мурзъ. Татарскаго происхожденія были министръ Бабиковъ и извѣстный государственный дѣятель Мордвиновъ. Памятный своимъ руссофильствомъ адмиралъ-министръ Шишковъ былъ, по родоначальнику, волынянинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской происходилъ отъ польскаго выходца. Если при этомъ принять въ соображеніе и тѣ фамиліи иноземнаго происхожденія, о которыхъ мы говорили выше, то

окажется, что едва-ли не большая часть извѣстныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, какъ въ прежнее время, такъ и въ позднѣйшее принадлежала къ русско-иноземнымъ родамъ.

Теперь остается намъ перейти въ область умственной нашей дѣятельности, — въ область нашего національнаго творчества, — и посмотреть, насколько тамъ отозвалась родовая примѣсь русскихъ съ иноземцами. Въ концѣ XVII столѣтія замѣтными двигателями умственныхъ силъ въ Москвѣ являются по преимуществу выходцы изъ Польши, вносившіе въ русскую образованность западно-европейскій оттѣнокъ. Во главѣ такихъ дѣятелей можно поставить Симеона Полоцкаго, имѣвшаго сильное вліяніе на движеніе у насъ умственнаго образованія. Онъ же можетъ считаться и однимъ изъ видныхъ представителей нашей литературы того времени. Послѣ него на литературномъ поприщѣ выступаетъ у насъ князь Антиохъ Кантемиръ, потомокъ омолодававшагося татарина. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія явился у насъ гениальный, безъ всякой иноземной примѣси,

человѣкъ—Ломоносовъ. Но послѣ него на русскомъ Парнасѣ занимаютъ почетныя мѣста лица иноплеменнаго происхожденія. Державинъ—потомокъ татарскаго мурзы Багрима: о такомъ происхожденіи министръ-поэтъ самъ вспоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ; Сумароковъ — потомокъ шведскаго выходца, Херасковъ — происхожденіемъ волохъ; Болтинъ — татаринъ. Авторъ «Недоросля», фонъ-Визинъ, происходилъ отъ взятаго въ плѣнъ при Иванѣ Грозномъ ливонскаго рыцаря. Потомки его оставались въ лютеранствѣ и только дѣдъ писателя принялъ православіе. Придавшій новое направление нашей литературѣ, русскій исторіографъ Карамзинъ (Кара-мурза) происходилъ изъ татаръ, Озеровъ—отъ выѣзжаго нѣмца. Знаменитый авторъ «Горя отъ ума», не смотря на свою вполне великорусскую фамилію, былъ, однако, неотдаленный потомокъ поляка Гжибовскаго, вызваннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для составленія «Уложенія». Прославившійся въ своемъ родѣ пиита графъ Хвостовъ въ восходящей по мужскому колѣну линіи упирается въ нѣмца Бассавола, который былъ «честью

маркграфъ». Жуковскій по матери былъ ту-рокъ; а по настоящему отцу Бунину (Буниковскій)—потомокъ поляка. Отъ поляковъ же происходили: Нелединскій-Мелецкій и Баратынскій. Поэтъ Лермонтовъ произошелъ по отцу отъ выѣхавшаго изъ Польши шотландца, а по матери, Арсеньевой, отъ татарина, Гоголь—отъ польскаго шляхтича Яновскаго, принявшаго малороссійскую фамилію Гоголь, подъ которой сталъ такъ извѣстенъ одинъ изъ его потомковъ. Наконецъ, Пушкинъ былъ по мужскому колѣну потомокъ выѣхавшаго въ Россію въ половинѣ XIII столѣтія нѣмца Радши, а по женскому—африканскаго негра.

Мы перечислили почти всѣ имена наиболее выдающихся у насъ литературныхъ дѣятелей прошедшаго времени, и оказывается, что большая часть ихъ была иноземнаго происхожденія. Правда, что не только въ нихъ, но и въ ихъ предкахъ изгладились всякіе слѣды иноплеменности, такъ какъ они были людьми вполне великорусскими, но всетаки нельзя не признать, что если бы въ свою пору не существовало на свѣтѣ, напримѣръ, мурзы Багрима, та-

тарина Кара-мурзы, поляка Гжибовскаго, шотландца Лермонтова и нѣмца Радши, то позднѣе, статься можетъ, не было бы у насъ Державина, Карамзина, Грибоѣдова и Пушкина...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Родовыя прозванія въ Россіи	3 — 153
Титулы въ Россіи:	
I. Титулы Царствующаго Дома	157 — 165
II. Почетныя дворянскіе титулы	166 — 168
III. Княжескіе титулы въ Россіи	169 — 193
IV. Графскіе титулы	194 — 210
V. Титулы свѣтлости и сіятельства	211 — 216
VI. Баронскій титулъ	217 — 227
Сліяніе иноземцевъ съ Русскими	229 — 250

